

"Я здесь, с вами, чтобы забрать вас с собой прямо в Нирвану"

Биография Курта Кобейна.

~Nirvana & The Sound Of Seattle~ <http://www.kurtcobain.ru>
nevermind@inbox.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1990 году ни один из рок-альбомов в Соединенных Штатах не вышел на первое место, что дало повод специалистам заговорить о конце эры рока.

Музыкальная аудитория была к этому времени тщательно классифицирована руководителями радиопрограмм в соответствии с демографическими данными, и казалось маловероятным, что рок-фэны смогут объединиться вокруг какого-нибудь одного диска в достаточно большом количестве, чтобы вывести его на первые места в чартах. Дегенерация рока в выхолощенный и рафинированный мнимый бунт привела к тому, что его место заняли такие жанры, как кантри и рэп, непосредственно обращавшиеся к настроениям и заботам масс. И хотя в 1991 году на первое место вышли несколько рок-альбомов, лишь Nevermind объединил аудиторию, которая до этого никогда не была единой - десяти-двадцатилетних. Устав от набивших оскомину ветеранов вроде GENESIS и Эрика Клэптона или искусственных созданий вроде Полы Абдул и MILLI VANILLI, тинэйджеры нуждались в собственной музыке. Такой, которая бы выражала то, что они чувствуют. Они уже догадывались, что стали первым поколением в истории Америки, лишенным надежды на лучшую жизнь в сравнении с жизнью своих родителей, поколением, первые сексуальные опыты которого были омрачены угрозой СПИДа, а детство прошло в страхе перед призраком ядерной войны. Они не чувствовали в себе сил, чтобы бороться с враждебным окружением и вынести атмосферу сексуального и культурного подавления, насаждаемого режимами Рейгана и Буша. Перед лицом всего этого они ощущали себя беспомощными и безгласными. В 80-е годы многие музыканты выражали недовольство политической и социальной несправедливостью, однако большинство из них, такие как Дон Хенли, Брюс Спрингстин и Стинг, являлись представителями старшего поколения. И многие фэны видели в этом протесте то, чем он в сущности и являлся, - лицемерную саморекламу. Реакция же Курта Кобейна на трудные времена была самой что ни на есть непосредственной и гораздо более искренней. Он кричал. Однако было бы ошибкой видеть в Курте Кобейне выразителя чаяний поколения, каким был, например, Боб

Дилан. Курт Кобейн не дает никаких ответов и даже практически не ставит опросов. Он издает крик боли, упивается негативным экстазом. И если таковы в наши дни проявления подросткового духа, значит, ничего с этим не поделаешь. Возможно, в песнях НИРВАНЫ много отчуждения и апатии, однако эти отчуждение и апатия относятся к вещам, которые не так уж и много значат. С другой стороны, группа достаточно эмоционально высказывалась о феминизме, расизме, цензуре, и особенно о гомофобии. И любые упреки в пассивности рассыпались в прах под напором отрясающей энергии, исходящей от музыки НИРВАНЫ. Это была действительно страстная музыка, лишенная всякого притворства. Погружение в НИРВАНУ давало силу лишенному ее поколению.

ЧАСТЬ 1. НАЧАЛО

Глава 1

ДЕТСТВО

<Я был невероятно счастливым ребенком. Я все время кричал и пел. Просто не мог вовремя остановиться. Я был по-настоящему счастлив>.

Курт Кобейн

Расположенный в штате Вашингтон городок Абердин с населением в 16 тысяч жителей лежит в ста с лишним милях юго-западнее Сиэтла. Это довольно дождливое место, постоянно окутанное сумрачным туманом. Ближайшее шоссе расположено далеко, поэтому сюда редко кто-либо приезжает и здесь практически ничего не происходит. Искусство и культура отданы на откуп чванливым типам из Сиэтла. Среди <интересных развлечений>, перечисленных в брошюре, изданной Торговой Палатой округа Грейс Харбор, здесь указаны кегельбан, соревнования по скоростному пилению и центры видеоигр.

Вся жизнь Абердина сосредоточена вокруг лесозаготовки и деревообрабатывающего предприятия. Вернее, так когда-то было. Деловая активность постепенно угасала, превратив Абердин в город-призрак. Уровень самоубийств в округе сейчас один из наиболее высоких в стране, равно как Уровень наркомании и алкоголизма. Пожалуй, процветает

здесь лишь индустрия производства марихуаны и психоделических грибов, которые разводятся жителями с целью пополнения своих скудных доходов.

Впрочем, тридцать лет назад, в разгар эры хиппи этот заброшенный уголок был как раз одним из немногих, не затронутых психоделической революцией. Дела в лесозаготовительной промышленности кое-как шли, не давая людям впасть в окончательное отчаяние, но и не оставляя особенно радужных надежд на будущее. Ощущение своей постоянной зависимости от положения на финансовом рынке проявлялось у жителей Абердина в склонности к насилию и депрессии. Стрельба в городе была вещью вполне привычной, причем часто оружие поворачивалось в собственную сторону. Свободное от стрельбы время абердинцы делили поровну между выпивкой и занятиями спортом.

Таково было место, где 20 февраля 1967 года в семье домохозяйки Венди Кобейн и ее мужа Дональда, работавшего механиком на станции технического обслуживания, родился будущий лидер НИРВАНЫ Курт Кобейн. Его предки по материнской линии происходили из Германии, а по отцовской - из Ирландии, причем фамилия Cobain являлась искажением ирландского имени Coburn.

<Моя мама всегда была очень нежна ко мне, - вспоминал Курт. - Она всегда целовала меня, когда уходила. Это было просто здорово. Позже я был очень удивлен, узнав, что во многих семьях не принято так поступать. Это было блаженное время>.

Несмотря на скромный достаток семьи раннее детство Курта было вполне счастливым. Он был особенно привязан к матери, которая тоже души не чаяла в сыне. Их эмоциональную близость не нарушило даже появление на свет три года спустя после рождения Курта его сестренки Ким.

Блестящие способности Курта начали проявляться уже в самом раннем возрасте. Его интерес к музыке впервые прорезался, когда ему было всего два года, что не было удивительным, поскольку материнская часть его родни имела к музыке самое непосредственное отношение: дядя Чак играл в рок-группе, сестра Венди, тетя Мэри, хорошо играла на гитаре, и вообще все в их семье отличались каким-либо музыкальным талантом. На Рождество они устраивали замечательные веселые представления с песнями и остроумными пародиями.

Тетя Мэри стала снабжать Курта пластинками THE

BEATLES и THE MONKEES, когда ему было около семи. Она часто приглашала Курта к себе домой, где проходили ее репетиции, так как в течение нескольких лет тетя Мэри играла в кантри-группах в различных барах, расположенных в окрестностях Абердина. Она даже пыталась научить его играть на гитаре, однако ничего не получилось из-за отсутствия у Курта терпения.

На самом деле, его было практически невозможно заставить посидеть спокойно хотя бы одно мгновение. Такое состояние было классифицировано врачами как гиперактивность, и Курт, подобно многим детям своего поколения, проходил курс лечения риталином, благодаря которому его нельзя было уложить в постель до четырех часов утра. С другой стороны, от снотворных он засыпал в школе. Наконец, решено было исключить из рациона сахар, и это помогло. Однако даже лишение сладкого не могло поколебать ощущения счастья и энтузиазм, присущие Курту в то время.

<Я был невероятно счастливым ребенком, - вспоминал Курт. - Я все время кричал и пел. Просто не мог вовремя остановиться. Иногда другие ребята били меня за то, что я не знал меры в играх. Я относился к играм очень серьезно. Я был по-настоящему счастлив>.

Будучи первым ребенком в своем поколении, Курт имел в своем распоряжении семь дядей и тетей по материнской линии, споривших из-за того, кому сегодня сидеть с ребенком. Привыкнув быть центром внимания, он частенько устраивал представления для всех желающих. Когда в возрасте семи лет все та же тетя Мэри подарила ему большой барабан, Курт быстро нацепил его на себя и принялся разгуливать по окрестностям, ударяя в барабан и громко распевая битловские <Hey Jude> и <Revolution>.

Курту не нравилось, когда мужчины заглядывались на Венди, весьма привлекательную блондину с прекрасными голубыми глазами. Его отца, кажется, это мало волновало, зато Курт был очень ревнив и часто сердился по этому поводу. <Мама, этот мужчина все время смотрит на тебя!> - указывал он Венди. Однажды он даже обругал полицейского, откровенно пьялившегося на Венди.

Интересная особенность - уже в возрасте трех лет Курт не любил полицейских. Стоило ему заметить одного из них, как он принимался петь песенку примерно такого содержания:

Укопов клопы, у копов клопы'
Копы идут'. Они тебя убьют'

Еще через пару лет он уже кидал в полицейские машины набитые камнями банки из-под пепси и кока-колы. Приблизительно в этом же возрасте Курт научился особым образом вытягивать свой средний палец. Сидя на заднем сиденье машины, он делал красноречивый жест в направлении всех проходящих в это время по улице.

Когда Курт учился во втором классе, всем стало очевидно, что он хорошо рисует, однако он сам не видел в своих рисунках ничего выдающегося. Однажды, под праздник Хэллоуин, Курт вернулся домой с экземпляром школьной газеты. В ней на первой полосе был помещен его рисунок, хотя обычно подобной чести удостаивались по крайней мере пятиклассники. Но Курт все равно был очень рассержен, так как полагал, что его рисунок не так уж хорош. <Его отношение к взрослым изменилось из-за этого, - вспоминала Венди. - Все говорили ему, как им нравится его творчество, а он постоянно был им неудовлетворен>.

В третьем классе Курт уже хотел быть рок-звездой и вовсю <наигрывал> на своей маленькой пластмассовой гитаре под музыку THE BEATLES. Правда, через некоторое время он уже мечтал стать каскадером. Однажды он собрал все матрасы и подушки и принялся прыгать на них с крыши дома, в другой раз учудил кое-что похлеще: примотал к груди металлическую пластину, вставил в нее несколько петард и поджег.

Иногда Курт заходил к дяде Чаку, брату Венди, который играл в группе. Тот оборудовал у себя в подвале целую студию. Чак давал Курту микрофон и ставил какую-нибудь запись. У Венди сохранилась кассета с записью Курта, когда ему было четыре года. Там он поет, а когда, как ему кажется, никто не слышит, говорит в микрофон неприличные слова вроде <кака>.

Однажды родители подарили Курту маленькую ударную установку, называвшуюся <Микки Маус>. <Я сделала это, потому что сама хотела быть ударником, - рассказывала Венди. - Но моя мать считала, что стучать на барабанах не женское занятие и не позволяла мне играть>. Курта не надо было долго упрашивать сесть за установку, поскольку, едва только научившись держать предметы в руках, он уже вовсю стучал по мискам и кастрюлям. Он упражнялся на своем

<Микки Маусе> каждый день после школы, пока окончательно не разбил его.

Происходя из не очень богатой семьи, Венди в совершенстве научилась у своей матери искусству выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле. Она внимательно следила за тем, чтобы ее дети были красиво и опрятно одеты. Каждое утро она тщательно причесывала Курта, следила за тем, чтобы он чистил зубы, и одевала его в самую лучшую одежду, которую только могла достать. Она даже заставляла его надевать свитер, от которого у Курта была аллергия, только потому, что он на нем хорошо сидел. <Оба моих ребенка были одеты, наверное, лучше всех детей в городе, - вспоминала Венди. - Я следила за этим>.

Она также не позволяла своим детям водиться с оборванцами из неблагополучных семей. Позднее Курт вспоминал, что именно эти последние, как он потом понял, были <клевее, чем дети высшего класса, более земные, более грязные>.

Курт начал брать уроки игры на ударных в третьем классе. <Сколько я себя помню ребенком, - рассказывал он, - мне всегда хотелось быть Ринго Старром. Но мне также хотелось быть и Джоном Ленноном, только играющим на ударных>. Курт играл в школьной группе, однако так и не научился читать ноты - он ждал, пока сидящий перед ним мальчик выучит песню, а потом просто копировал то, что тот делал.

Возможно, мысль о том, что ее сын является проблемным ребенком, впервые пришла в голову Венди в 1974 году, когда он попросил подарить ему на Рождество ружье <Starsky and Hutch> стоимостью пять долларов, заявив, что ничего другого ему не надо. Впрочем, тогда все дело кончилось просто неприятным разговором.

Курт утверждал, что в детстве одинаково хорошо владел обеими руками, однако отец побуждал его больше использовать правую, опасаясь, что сын вырастет левшой. Так оно и случилось.

Уже с детства Курта стали одолевать самые разнообразные недуги. Помимо гиперактивности, он страдал хроническим бронхитом. В восьмом классе у него также было выявлено небольшое искривление позвоночника, которое впоследствии усилилось из-за веса гитары. Курт утверждал, что проблема исправилась бы сама собой, если бы он был правшой.

Безмятежному детскому счастью Курта пришел конец в 1975 году, когда родители развелись. Венди утверждала, что решила развестись, поскольку Дон очень редко бывал дома, предпочитая проводить время за игрой в бейсбол и баскетбол, судя матчи или тренируя новичков. К тому же, она вообще сомневалась, любила ли она его когда-нибудь. Дон противился разводу, однако оба потом признавались, что использовали детей в войне между собой.

Так или иначе, но с этого времени Курт совершенно изменился. <Он стал угрюмым, - вспоминает Венди, - злым и насмешливым>. На стене своей комнаты он написал: <Я ненавижу маму, я ненавижу папу, папа ненавидит маму, мама ненавидит папу, здесь есть отчего грустить>. Внизу он нарисовал мозг, над которым располагался большой знак вопроса. Этот рисунок сохранился до сих пор, так же как и логотипы LED ZEPPELIN и IRON MAIDEN.

Судьба Курта повторяет здесь судьбу множества его сверстников. К середине 70-х годов уровень разводов резко взлетел вверх, увеличившись вдвое за десятилетие. Детям из распавшихся семей предстояло пережить не мировую войну и не экономическую депрессию. У них просто не было семьи. Соответственно, каждый боролся в одиночку.

Курт говорил, что тогда из его жизни словно бы ушел свет, который он с тех пор никак не мог обрести. <Я помню, что внезапно стал другим человеком, не заслуживающим ничего хорошего. Я чувствовал, что не могу больше нормально общаться с другими ребятами, потому что у них были родители, а у меня нет>. И он продолжает: <Я был зол HS своих родителей, что они не смогли разобраться со своими проблемами. Все свое детство после их развода я как бы стыдился своих родителей>.

Однако отчуждение Курта от родителей, и более всего от отца, началось еще до развода. <У меня не было ничего общего особенно с отцом, - вспоминал Курт. - Он хотел, чтобы я занимался спортом, а я не любил спорт, мне нравилось искусство, а он его ни во что не ставил, поэтому мне все время было стыдно. Я вообще не мог понять, как я мог родиться у таких родителей, потому что они были глухи к искусству, которое мне нравилось. Я любил музыку, а они нет. Подсознательно я, наверное, думал, что меня усыновили...>

Художественный талант и развитый интеллект Курта только усугубляли проблему. По его собственному призна-

нию, до десяти лет он не ощущал своего отличия от других детей. Однако постепенно он понял, что его увлечение рисованием и музыкой делало его непохожим на других, а к двенадцати годам подобная уверенность переросла в полное отчуждение от сверстников. Убедив себя, что никогда не найдет никого похожего на себя, он просто перестал заводить с кем-либо дружбу.

После развода родителей Курт около года жил со своей матерью, однако в итоге не поладил с ее новым другом, который, как потом признавалась сама Венди, <был несколько не в себе>, то есть, в действительности, страдал параноидной шизофренией. Так как ей было трудно контролировать Курта, Венди отослала его жить к отцу, который обитал в сборном трейлерном домике в Монтесано, неподалеку от Абердина.

Поначалу все шло довольно неплохо, однако вскоре Дон вторично женился, и его новая жена вместе со своими двумя детьми переехала к нему. Курт совершенно не сошелся с новой семьей, особенно со своей приемной матерью, которую всегда считал непревзойденной лгуньей.

В юности Дон крутился среди <качков>, однако так и не преуспел в спорте, возможно, из-за того, что был слишком мал для своего возраста. Его отец, дед Курта, возлагал на него большие надежды, которых тот не смог оправдать. Не исключено, что именно поэтому он так активно подталкивал Курта к занятиям спортом.

По его настоянию Курт стал заниматься борьбой, хотя ему были отвратительны не только изнурительные тренировки, но и общение с увлеченными спортом ребятами. Тем не менее Курт утверждал, что боролся он неплохо, главным образом потому, что на ковре он мог дать волю своему гневу. Однако в день, когда проходили крупные соревнования, Курт решился на бунт. Он и его противник вышли на ковер и приняли борцовские стойки, а Дон переживал за сына, сидя на трибуне. <Я стоял, смотрел на отца и улыбался, ожидая свистка, - рассказывал Курт. - Я смотрел прямо на него, а потом я просто все бросил, сложил руки и позволил тому парню положить себя на лопатки. Надо было видеть выражение лица моего папаши. Он ушел посреди соревнований после того, как я повторил все это четыре раза подряд>. Дон утверждал, что не помнит такого эпизода, тем не менее Курт вспоминал, что после этого случая ему пришлось какое-то время жить у дяди с тетей.

Один раз отец взял Курта с собой на охоту, однако, когда они оказались в лесу, Курт отказался идти вместе со всеми и провел целый день в машине. Позднее Курт вспоминал, что тогда почувствовал, что <нельзя убивать животных, тем более в качестве развлечения>. <Я этого еще не осознавал и толком не понимал, - рассказывал он. - Я просто знал, что не хочу быть там, где убивают животных>.

Между тем Курт начал открывать для себя другую музыку, отличную от той, что играли THE BEATLES и THE MONKEES. Кто-то из друзей посоветовал Дону стать членом клуба филофонистов <Коламбия Хаус>. После этого ему стали ежемесячно приходить по почте диски таких групп, как AEROSMITH, LED ZEPPELIN, BLACK SABBATH и KISS. Впрочем, сам Дон не удосуживался их даже распечатывать, зато за него это с удовольствием делал Курт.

В конце концов Дон тоже не смог ужиться с сыном, и Курт начал курсировать между Монтесано и Абердином, живя попеременно то в семьях своих дядьев и теток, то у родителей отца.

Глава 2

ОТРОЧЕСТВО

<...я всегда колебался между нежеланием... и желанием показать людям, на что я способен. Во всем этом много путаницы. Я очень рад, что пришел к панк-року именно в то время, потому что это дало мне несколько лет, чтобы повзрослеть, определиться со своими ценностями и понять, что я за человек>.

Курт Кобейн

Когда Курту исполнилось четырнадцать лет, дядя Чак подарил ему подержанную, однако мало использовавшуюся электрогитару и маленький 10-ваттный усилитель впридачу. Курт сразу забросил уроки игры на ударных, которые брал до этого, и целиком переключился на гитару. Через неделю или чуть больше он уже мог наиграть несколько вещей из репертуара AC/DC. Уоррен Мейсон, музыкант группы дяди Чака, ставший его первым учителем, вспоминал, что Курту очень хотелось научиться играть <Stairway to Heaven>, хотя сам Курт категорически отрицал это.

Примерно в это же время Курт впервые узнал о существовании SEX PISTOLS, подвиги которых подробно расписывались в журнале <Creem>. Идея панк-рока захватила его. К несчастью, в музыкальных магазинах Абердина нельзя было найти ни одного диска с записью какой-либо из панк-групп, поэтому Курт не знал, как, собственно, это должно звучать. Тем не менее, оставшись один в своей комнате, он играл то, что, как ему казалось, должно было быть панк-роком: по его собственному определению, <три аккорда и много крика>. Как потом выяснилось, это было не так уж и далеко от истины. Через несколько лет, когда Курт наконец-то услышал первый настоящий панк-альбом, оказавшийся Sandinista группы CLASH, он был разочарован, поскольку представлял себе панк-рок совсем иначе.

Как он потом вспоминал, его первая музыка <была похожа на LED ZEPPELIN, только грубее, и я старался сделать ее как можно более агрессивной и злой>.

В это время Курт познакомился с участниками абердинской группы MELVINS, которой суждено было стать одной из основательниц местного стиля, включавшего в себя элементы панк-рока, хэви-метала и хард-рока семидесятых в духе K.ISS и AEROSMITH, получившего затем распространение под названием грандж.

Впервые побывав на концерте настоящей рок-группы, Курт был совершенно потрясен. К тому же лидер группы Базз Осборн дал ему посмотреть фотоальбом SEX PISTOLS, изображавший апологетов анархии во всей их дикости. После этого Курт исписал названием группы все парты, за которыми сидел, и стал говорить всем и каждому, что собирается создать панк-группу, которая станет очень популярной, пока, правда, не очень представляя, как именно этот самый панк-рок должен звучать.

В мае 1984 года мать Курта вышла замуж за докера Пэта О'Коннора, который в то время весьма крепко пил. Поэтому Курту стоило большого труда убедить мать снова взять его к себе.

Однажды Пэт ушел из дома ночью и вернулся лишь в семь утра, естественно, вдрызг пьяный и, по выражению Венди, <воняющий девкой>. Она сдержалась, так как уходила на работу, однако вечером ее прорвало. Схватив на глазах у детей одно из многочисленных ружей Пэта, она угрожала убить его, однако не смогла разобраться, как зарядить ружье. Тогда она собрала в охапку весь арсенал мужа - дробо-

вики, пистолеты, винтовки - отнесла к реке и утопила.

Наблюдавший всю эту сцену из окна своей комнаты Курт в этот же день нанял двух ребят, чтобы выловить оружие и продать его. На вырученные деньги он купил достаточно мощную звукоусилительную аппаратуру, а затем отвез продавца аппаратуры к своему наркоторговцу, где тот и потратил все деньги на <траву>.

Курт пытался найти ребят, с которыми вместе он мог бы играть, однако никто из его друзей не обладал достаточным с его точки зрения музыкальным талантом. Он был весьма придирчив, поскольку точно знал, чего он хочет.

Курт играл на гитаре очень громко, выводя уровень мощности усилителя до отказа и вызывая этим постоянные жалобы соседей, однако никто не знал, что там, у себя в комнате, он еще и поет. Он делал это очень тихо, так как не хотел, чтобы кто-нибудь его услышал.

Поскольку Курт много тусовался с MELVINS, те предложили ему войти в их состав, о чем он страстно мечтал. Однако из этого ничего не получилось. Курт так волновался, что забыл все песни. Возможно, причина была и в том, что в это время он уже записывал свой собственный материал.

В это время все тот же Базз Осборн наконец-то познакомил Курта с настоящим панк-роком, дав ему прослушать сборники, составленные в основном из вещей южно-калифорнийских групп, таких как BLACK FLAG, FLIPPER и MDC. Курт был просто потрясен. <Это было что-то инопланетное, - вспоминал он позднее. - Мне понадобилось несколько дней, чтобы воспринять такую музыку. Я чувствовал, что в ней гораздо больше чистоты и реализма, чем в обычной рок-н-рольной лирике>. Вскоре после этого, в августе 1984 года он вместе с басистом MELVINS Мэттом Лукином и Осборном побывал в Сиэтле на концерте BLACK FLAG, продав ради этого часть своей коллекции пластинок.

Оттуда он вернулся убежденным панк-рокером.

<Быть панк-рокером соответствовало моей низкой самооценке, - рассказывал он, - так как это помогло мне понять, что мне не нужно быть рок-звездой, что я не хочу быть рок-звездой. Таким образом мне удавалось балансировать: я всегда колебался между нежеланием и невозможностью этого и в то же время желанием. Желанием показать людям, на что я способен. Во всем этом много путаницы. Я очень рад, что пришел к панк-року именно в то время, потому что это дало мне несколько лет, чтобы повзрослеть, определиться со

своими ценностями и понять, что я за человек>.

В это время у Курта появились в Абердине друзья. Одного из них звали Джесси Рид, а другого - Майер Лофтин, причем его дружба с последним имела далеко идущие последствия. Дело в том, что Майер Лофтин был геем, в чем он откровенно и признался Курту вскоре после их знакомства. Курт ответил, что это не проблема, и дружба продолжалась. Однако терпимость в этом вопросе не была свойственна жителям Абердина. Все кончилось тем, что Курта самого стали считать <голубым>, и он был периодически бит школьными <качками>.

<После этого, - рассказывал Курт, - я стал гордиться тем, что я гей, хотя я им и не был. Я наслаждался конфликтом. Такое положение мне нравилось, потому что я был близок к тому, чтобы осознать себя как личность. Я был отщепенцем. Я еще не был тем панк-рокером, которым хотел быть, но это все-таки было лучше, чем быть обычным занудой>. Впрочем, через некоторое время друзьям все же пришлось расстаться, когда Курт понял, что может остаться вообще в полной изоляции.

Тогда же Курт начал курить <траву>, примерно в девятом классе, и какое-то время делал это ежедневно. <Курение приводило меня настолько в бредовое состояние, что я вел себя уже не просто как обычный невротик, которым был от природы, а становился настоящим психом, поскольку <травка> усиливала все это>, - вспоминал Курт.

В последнем классе Курт учился из рук вон плохо и часто прогуливал. Его переезды из города в город были только частью проблемы. Главной же причиной было то, что он просто ненавидел некоторых учителей за их религиозный фанатизм и расизм.

<В школе был один парень, который являлся религиозным фанатиком и откровенным расистом. Он преподавал общественные науки и просто морочил нам голову своими откровениями в отношении истории. Он был частью эпохи середины 80-х с ее <холодной войной> и страхом перед нашествием русских - один из крестоносцев рейгановской ментальности. Сукин сын. Мне каждый день хотелось убить его. Я мечтал о том, как буду убивать его перед всем классом. Потому что весь класс покупался на эти рассказы. Они послушно глотали эту бодягу. Мне трудно было поверить в то, что так много людей соглашаются с подобной ерундой>.

Курт бунтовал также и дома. <Он не хотел быть частью

семьи, но при этом хотел жить в семье, - вспоминала Венди.

- Все, что я ни просила его сделать, вызывало у него недовольство, хотя требовала я совсем немного>. При этом Венди все-таки признавала, что ее терпение в отношении Курта было подорвано постоянными пьянками Пэта. Свой гнев она часто переносила с мужа на детей.

В течение нескольких месяцев Курт встречался с симпатичной девушкой по имени Джеки. Как он потом вспоминал, <она просто использовала меня, пока ее парень был в тюрьме>.

Однажды Курт зазвал Джеки к себе в гости. Момент был критический: Курт был готов потерять свою невинность. Они уже успели раздеться, как неожиданно в комнату ворвалась Венди, зажгла свет и прошипела: <Убери отсюда эту шлюху!> Курт с девушкой выбежали из дома, после чего он несколько дней не показывался домой, живя у друга.

Курт перестал курить <траву> в надежде, как он выражался, <изменить свою жизнь>. В это время позвонила жена Дона и пригласила его снова жить у них. Прямо с порога Дон заявил, что если он хочет остаться с ними, он должен бросить музыку и заняться чем-либо конструктивным. Ему удалось убедить Курта заложить свою гитару и сдать вступительный экзамен в ВМС. Он получил довольно высокие оценки, и местный вербовщик заходил к ним два вечера подряд с уговорами. Однако на второй вечер, на грани подписания контракта, Курт спустился в свою комнату на первом этаже, нашел остатки <травы>, выкурил их, после чего поднялся наверх, сказал: <Спасибо, нет>, - упаковал свои вещи и покинул дом отца, пробыв там всего неделю. Следующая их встреча произошла лишь через восемь лет.

После того, как Курт ушел от Дона, Венди отправила его жить к Джесси Риду, родители которого принадлежали к религиозному направлению <возрожденные христиане>.

Он оказался для Ридов не самым удобным гостем. <Я оказывал на Джесси дурное влияние, - вспоминал Курт. - Я курил траву и не любил ходить в школу>. Однажды Курт долго разговаривал с кем-то по телефону, расписывая миссис Рид в оскорбительных выражениях, и не заметил, что она все слышит по другому аппарату. Однако чаша терпения Ридов переполнилась в тот день, когда Курт, у которого не было ключа от дома, не долго думая, выбил дверь, которая оказалась заперта. После этого мистер Рид сказал ему: <Курт. мы упорно старались превратить тебя в хорошего

гражданина, однако ничего не получилось. Ты - безнадёжен. Поэтому я буду тебе весьма признателен, если ты упакуешь свои вещи и покинешь наш дом>.

За полгода до выпускных экзаменов Курт понял, что ему их не сдать, и бросил школу, решив целиком посвятить себя музыке. Нельзя сказать, чтобы эта идея пришлась по вкусу Венди, которая поставила перед сыном альтернативу: либо он устраивается работать, либо убирается из дома и не объедает их.

Однако Курт продолжал объедать их, и Венди предупредила его, что если все будет продолжаться по-прежнему, она выставит его из дома. Так и случилось. Придя однажды домой после тусовки с MELVINS, Курт обнаружил все свои вещи упакованными в картонные коробки. <Я играла с ним в <суровую любовь>) - вспоминала Венди. - В то время понятие о <суровой любви> только появилось, и я подумала: <Что же, испытаю-ка это на нем>.

Курт стал снимать квартиру в Абердине, оплатив аренду деньгами, которые он заработал в качестве официанта на одном из курортов Вашингтонского побережья. Курт пытался побудить Джесси Рида играть вместе с ним - у того даже нашлась бас-гитара. Однако вскоре выяснилось, что Джесси был, по выражению Курта, <одним из наиболее отсталых в музыкальном плане людей, что я когда-либо знал>.

Вскоре Курт нашел работу в качестве вахтера все в той же Абердинской средней школе. Это было то самое место, куда он меньше всего хотел попасть. Целыми днями ему приходилось отдирать приклеенную к столам жвачку.

Однажды он раздобыл где-то ящик крема для бритья и с его помощью декорировал куклу, так что она стала похожа на героиню фильма <Экзорцист>, изо рта которой свисали отвратительные зеленые слюни. Он подвесил куклу за шею в проеме окна, выходившего на улицу, чтобы позлить обывателей.

<Моя квартира была украшена в типичном панк-роковом стиле - куклами, подвешенными за шею и забрызганными кровью, - вспоминал Курт. - Весь ковер был в пиве, блевотине и крови. Я никогда не мыл посуду. Мы с Джесси готовили еду примерно на неделю, а потом ставили жирные от гамбургеров тарелки в мойку и заливали их водой. Так они и стояли все пять месяцев, что я там жил>.

Через несколько месяцев Джесси Рид завербовался в ВМС США и уехал.

Однажды Курт триповал под <кислотой> вместе с одним из приятелей, который приехал к нему на мотороллере. Когда тот спустился вниз, чтобы взять что-то, сосед Курта полез на него с кулаками, так как он припарковал мотороллер на его территории. Услышав шум потасовки, Курт бросился вниз. В это время его друг убежал, и сосед перенес свой гнев на Курта. Он затолкал его в квартиру и там в течение двух часов издевался над ним.

Устав, он сел отдохнуть. Потом сосед осмотрелся и увидел обезображенных кукол, рисунки трехголовых младенцев, граффити и мусор. На какое-то мгновение по его лицу пробежала тень страха и недоумения. <Он стал задавать мне вопросы, - вспоминал Курт. - Зачем я все это наворачивал в своей комнате?> После этого сосед снова принялся бить Курта, пока ошалевшая от его криков хозяйка не прокричала наверх, что вызовет полицию. Только тогда <бычара> оставил Курта и убежал. Полиция все-таки приехала, однако посоветовала Курту не злить соседа и не выдвигать против него обвинения.

Месть состоялась через месяц, когда Курт с другом пришли к дому соседа и стали выкрикивать в его окна угрозы и ругательства, однако сосед так и не вышел, видимо, трусил. Курт рассказывал, что оставил у его дверей маленькие подарки вроде банки пива, смешанного с настоящей кислотой, и рисунка с изображением повешенного.

После отъезда Рида Курт прожил на квартире еще пару месяцев. Однако он задолжал плату, к тому же само помещение превратилось к этому времени в руины. Поэтому осенью 1985 года Курт тайком сбежал с квартиры, оставшись должен за несколько месяцев.

Эту зиму он провел, просиживая днями в библиотеке где читал книги и писал стихи, а ночи коротал у кого-либо из приятелей. Иногда ему приходилось спать под мостом совсем неподалеку от дома матери. Он был даже горд тем что может жить вот так, не имея ни работы, ни дома, что вполне соответствовало его тогдашним представлениям об образе жизни панк-рокера. Его единственными заботами было украсть еду, где она плохо лежала, наловить рыбы в реке и вовремя получить продовольственные талоны, получившиеся безработным. Иногда он заходил домой, и мать кормила его обедом. В один из таких визитов Венди, плача, сообщила ему, что ждет ребенка, и призналась, как ужасно она себя чувствует из-за того, что ему приходится жить на

улице. Встав на колени, Курт обнял ее и сказал, чтобы она о нем не беспокоилась.

Этой зимой Курт вместе с ударником MELVINS Дейлом Кровером, который на этот раз играл на бас-гитаре, и Греггом Хокансоном на ударных образовал группу под названием FECAL MATTER. Однажды трио даже удалось поиграть перед MELVINS в одном из баров Моклипса, небольшого отдаленного городка на побережье. Через некоторое время Хокансона прогнали, а двое оставшихся стали интенсивно репетировать, чтобы сделать демонстрационную запись. Воспользовавшись четырехдорожечным магнитофоном тети Мэри, они записали семь вещей, содержащих элементы того, что будет характеризовать последующую музыку Курта.

Как-то Курт познакомился с постоянным посетителем всевозможных вечеринок Стивом Шиллингером, отец которого преподавал в Абердинской средней школе английский. Поскольку друзья Стива уже изрядно достали его родителей, а Курту надо было где-то жить, Шиллинге? познакомил его со своим братом Эриком, в качестве друга которого Курт кантовался в их семье около восьми месяцев. У Шиллингеров было пять сыновей и одна дочь, поэтому лишний едок не был для них особой проблемой.

Эрик тоже играл на гитаре, и Стив Шиллинге? впоследствии клялся, что Курт и Эрик, вместе подключившись к стереомагнитофону, играли наиболее изящные пассажи из <Rhyme of the Ancient Mariner> IRON MAIDEN. Правдами Курт, и Эрик категорически отрицали это.

Летом Курт продолжал совершенствовать себя в искусстве граффити. Он начал заниматься этим с тех пор, как впервые напился, то есть в седьмом классе, однако в то лето данная деятельность приобрела фундаментальность. Днем он наигрывал вещи с альбома Rock For Light группы BAD BRAINS, а затем пил, принимал <кислоту> и выходил в летнюю ночь. Вместе с Осборном, Шиллингером и другими он обходил переулки, расположенные в стороне от главных улиц Абердина, где вся компания оставляла маркерами или распылителями красноречивые надписи вроде: <Выкини Христа!>, <Бог - гей> или писали слово <голубой> на припаркованных джипах. Однажды, когда они писали на стене банка <Вся власть гомосексуалистам!>, их накрыла полиция. Все, кроме Курта, успели убежать, а ему присудили 180 долларов штрафа и 30 дней тюрьмы условно.

Вандализм был для Курта не в новинку. Когда он еще

учился в школе, они с друзьями находили брошенный дом, вламывались в него и крушили все, что попадалось им под руку. В то время у Курта была мечта снять один из таких домов для репетиций, и он даже подыскал подходящий, который стоял в чистом поле, однако хозяева все время отказывали ему, сдавая дом другим. Однажды ночью они с другом возвращались с вечеринки и обнаружили, что дом снова пустует. Они вломились внутрь и устроили там настоящий погром, разбив все, что только можно разбить, и не оставив ни одного целого окна. <Это была месть>, - объяснял впоследствии Курт.

В конце концов Курту удалось найти работу в качестве монтера в местном отделении YMCA (Христианский Союз Молодежи), располагавшемся в квартале от дома Шиллингера. Там было кое-какое музыкальное оборудование, которое могло понадобиться ему в случае создания группы. Утром он шел на работу, отмечался у шефа, а потом возвращался домой, чтобы смотреть телевизор и выпивать. Иногда ему приходилось оттирать со стен граффити, которые он сам же и написал прошлой ночью. Позднее Курту удалось найти единственную работу, которая ему нравилась - инструктора плавания для детей от трех до семи лет.

Его первое выступление состоялось в Олимпии, в похожем на амбар Gescco Hall. Дейл Кровер играл на ударных, Базз Осборн на бас-гитаре, а Курт речитативом читал свою поэзию, аккомпанируя себе на гитаре. Трио называлось BROWN TOWEL, однако на афише ошибочно было написано BROWN COW. Курт очень нервничал. <Мне необходимо было напиться, - вспоминал он, - в результате я совершенно убится вином>.

Народу было немного, и публика реагировала вяло, однако на двух людей в зале - местного тусовщика Слима Муна и его приятеля Дилана Карлсона, игравшего на гитаре в нескольких местных группах, выступление произвело сильное впечатление. Они оба знали Курта как человека из окружения MELVINS, однако теперь он предстал перед ними в ином качестве. Дилан Карлсон, в настоящее время являющийся половиной сверхтяжелого гитарного дуэта EARTH, тогда подошел к Курту и сказал, что это выступление было лучшим из всего, что он когда-либо видел. Вскоре они стали близкими друзьями.

Тем же летом наркоторговец по кличке Ворчун познакомил Курта с героином. К этому времени он уже перепро-

бывал довольно много наркотиков, однако героин представлял для Курта особый интерес. Не последнюю роль здесь играла, конечно, его репутация как специфически рок-н-рольного кайфа, которую героин приобрел после того, как стало известно, что им увлекались Кит Ричарде, Эрик Клэптон, Iggy Pop, особенно почитавшийся Куртом, и другие известные рокеры. С другой стороны, сообщаемая героинем эйфория была как раз тем, чего очень недоставало Курту. В старших классах школы его настолько раздражало окружение, что он стал страдать нервным тиком.

<Я ненавижу людей за то, что они не соответствовали моим ожиданиям, - вспоминал Курт, - и при этом я был вынужден все время находиться в присутствии одних и тех же идиотов>.

Курт был уверен, что окружающие догадываются о его чувствах по отношению к ним, и от этого комплексовал еще больше. Опиаты вроде героина или обезболивающих таблеток перкодан, к которым приучил Курта все тот же Ворчун, давали ему чувство облегчения: он уже не так ненавижу окружающих, пытался найти для них оправдания и даже почувствовать к ним расположение. Все это сыграло впоследствии свою роль в пристрастии Курта к героину, однако тогда он считал, что ему незачем беспокоиться по поводу привыкания, так как героин в Абердине был большой редкостью.

Между тем дружбе Курта с Эриком Шиллингером вскоре пришел конец. Возможно, причиной этому послужило музыкальное соперничество. Однажды ночью, когда Курт, Эрик и Стив Шиллингер? вернулись домой с трех различных вечеринок, все изрядно пьяные, между Куртом и Эриком вспыхнула драка. После объявленного Куртом перекура она переместилась во двор. Впоследствии Стив вспоминал, что <драка была очень жестокая и кровавая>.

На следующий день Курт заплатил Стиву десять долларов, чтобы тот упаковал его вещи в мешки для мусора и перенес их в дом Дейла Кровера. Несколько дней Курт жил у Базза Осборна, потом некоторое время опять у Венди.

Весной 1986 года Курту удалось уговорить Венди снять полуразвалившуюся хибару, расположенную в нескольких стах метрах от ее дома. Хибару сдавали всего за сто долларов в месяц, однако там были две маленькие спальни и две маленькие комнаты. Вместе с Куртом поселился бас-гитарист MELVINS Мэтт Лукин, который оказался к тому же

хорошим плотником. Благодаря его стараниям дом приобрел более или менее жилой вид, однако с гигиеной дела обстояли гораздо хуже. Пол был усеян пустыми банками из-под пива и бычками. Холодильника не было, поэтому вся еда хранилась в старом морозильнике, отключенном от сети. Еду, приносимую от случая к случаю Венди, готовили на тостере.

Однажды Курт купил где-то полдюжины черепах и пустил их в ванну, стоявшую посреди комнаты. Соединенный с ней террариум занял оставшееся место. Для дренажа плотник Лукин проделал дырку в полу, однако фундамент был настолько гнилой, что вонючая вода стояла у самых половиц, придавая всему помещению весьма специфический запах. Однако это никого не смущало. Курт вообще очень любил черепах. <В них есть какое-то очарование, которое трудно определить, - рассказывал он. - Они как бы говорят всем: <А пошли вы..!>. Я сижу в ящике, я несчастна, я ненавижу вас, и я не буду играть в ваши игры>.

Курт нашел работу в одном из отелей на побережье, в двадцати милях от Абердина, в качестве швейцара, уборщика и монтера одновременно. Однако и на этот раз у него ничего не получилось. Вместо того чтобы убираться в номерах, он просто заваливался в пустую комнату, включал телевизор и дремал.

Тогда Курт постоянно находился в поисках нового дешевого кайфа. <В то время ни у кого из нас не было денег, поэтому мы не могли тратить кучу монет на кокаин и тому подобное, - вспоминал Лукин. - Многие подсели на микстуру от кашля. Помню также одного парня, с которым мы вместе учились в школе, так он горстями ел аспирин и ловил от этого кайф>.

В то время многие ребята в Абердине потребляли <кислоту>, не говоря уже о сильной местной марихуане. Как-то вечером Лукин, Джесси Рид и еще несколько ребят из той же тусовки сидели кружком и жаловались друг другу, что им надоели все обычные кайфы. Неожиданно Рид вспомнил о креме для бритья, к которому Курт питал особую любовь еще с тех пор, как они жили вместе.

Крем для бритья выпускался в баллончиках, в дне которых было отверстие, через которое закачивался пропеллент. Вдыхание газа производило эффект, напоминающий действие закиси азота. Впоследствии, чтобы избежать подобного злоупотребления, производители крема модифицировали

пробку так, чтобы ее невозможно было открыть.

Но проблема заключалась в том, что большая часть пропеллента могла улетучиться. Тогда Рид показал остальным, как изготовить простейший прибор, намотав на нижнюю часть баллончика рулон туалетной бумаги, проделав отверстие сбоку и вставив туда отвертку, чтобы можно было ослаблять пробку. Получилось что-то типа <бонга>, приспособления для курения марихуаны.

Вся компания тут же побежала в супермаркет и запаслась кремом для бритья. На некоторое время их, правда, охватила паника, когда выяснилось, что газ сделал их голоса сиплыми, однако, как потом оказалось, это было временным явлением, а в остальном кайф был вполне достойным.

<Мы все страшно ругались на Курта за то, что он потратил столько крема на украшение своих дурацких кукол, - вспоминал Лукин. - Ведь его можно было использовать для кайфа>.

Этой зимой с Куртом произошло несчастье. Поджаривая картошку, свое основное блюдо, он сильно обжег руку.

Настолько сильно, что врач в больнице сказал ему, что он никогда не сможет играть на гитаре. Курт был в шоке, однако Венди вовремя вспомнила об одном специалисте, которого знала еще по работе в колледже. Все оказалось не так страшно, однако на некоторое время Курту пришлось забыть о гитаре.

Наступили тяжелые дни. Не имея никаких доходов, Курт жил несколько месяцев на одном рисе. <Голодный, в этом свинарнике, не имея возможности играть на гитаре и в постоянном страхе от того, что придет хозяйка требовать деньги. Это была та еще жизнь>, - вспоминал он.

Через пять месяцев Лукин решил съехать. Его место в хибаре был готов занять Дилан Карлсон, который сидел без работы и которому Курт в ярких красках расписал прекрасную работу, которую можно было найти в одном из отелей на океанском побережье. Карлсон прожил у Курта около двух недель, но работа по настиланию ковров так и не материализовалась. В свой первый приезд на побережье рано утром они застали босса настолько пьяным, что он так и не смог открыть дверь. В их следующий приезд дверь была открыта, однако сам босс отрубился прямо на пороге, загораживая вход. Карлсон решил, что с него хватит, а Курт рискнул попробовать еще раз. Настойчивость восторжествовала, и ему удалось попасть внутрь, однако босс как раз ушел в

бар, а вернулся снова в полной отключке.

Вместе с MELVINS Курт стал довольно часто бывать в Олимпии, столице штата, расположенной в пятидесяти милях на восток от Абердина. Здесь находился Эвергринский колледж, являвшийся приютом богемной публики и нон-корфомистов всех мастей, равно как и рассадником независимой музыки. Курт приезжал туда главным образом на уикенд, чтобы познакомиться с местными группами. Олимпия была небольшим городком, однако у нее существовали связи с независимой сценой по всей стране, осуществлявшиеся через местную радиостанцию KAOS, журнал <Op> (впоследствии преобразованный в <Option>), издателя Брюса Пэвитта и фирму звукозаписи K Records, возглавляемую Кальвином Джонсоном.

Местная молодежь предпочитала хард-року наивную музыку, называвшуюся <лав-роком>, которую исполняли местные группы вроде JAD FAIR и BEAT HAPPENING, второй руководил Кальвин Джонсон. Джонсон доминировал в тусовке и создал целый легион себе подобных, которые разговаривали и одевались в точности, как он, и стремились как можно дольше сохранить по-детски непорочное отношение к миру. Этих последних Курт называл <кальвинистами>.

Их была целая община. <Кальвинисты> не употребляли наркотиков, во всяком случае, они это декларировали, и носили коротко подстриженные волосы. Они все играли друг у друга в группах и спали друг с другом. У них было собственное кафе, собственный музыкальный магазин и, по существу, им принадлежала радиостанция KAOS. <Они создали собственную маленькую планету>, - вспоминал Курт.

У них также была собственная фирма звукозаписи. Вместе с Кэндисом Петерсоном Джонсон возглавлял K Records - небольшую, однако имеющую обширные связи независимую фирму, которая выпускала также диски близких по духу групп вроде YOUNG MARBLE GIANTS, KLEENEX и VASELINES.

Курт не во всем был согласен с <кальвинистами>, потому что ему нравилось носить длинные волосы и принимать наркотики. Однако ему пришлось по душе их музыка и ее направленность. <Это открыло новые двери в музыку, которой я раньше не слышал, - вспоминал Курт. - Я понял, что в течение многих лет не вспоминал о своем детстве. Я старался забыть о нем. Я даже уже забыл о нем. Это заставило меня вновь вспомнить о детстве и полюбить его. Это было хо-

рошим напоминанием о невинности>.

После отъезда Лукина Курт прожил в хибаре еще два месяца. В это время он начал встречаться с девушкой по имени Трейси Марандер, которая была совсем не похожа на девушек, которых он знал до этого. Она носила выкрашенное <под зебру> пальто, красила волосы в цвет пожарной машины и жила в Олимпии. Трейси любила тусовки и вела себя довольно эксцентрично, однако впридачу к этому она обладала мягкой и заботливой душой. Вскоре она стала первым серьезным увлечением Курта.

Через некоторое время удача все же улыбнулась Курту, и его мечта о создании собственной группы стала как никогда близка к реализации. Способствовавшего этому человека звали Крис Новоселич.

Глава 3

НИРВАНА

<Я наконец послушал твою запись. Это совсем неплохо.

Думаю, мы должны создать группу>.

Крис Новоселич Курту Кобейну

Крис Энтони Новоселий родился 16 мая 1965 года в Комптоне, штат Калифорния. Его родители, Крис и Мария, эмигрировав из Хорватии в 1963 году, обосновались в калифорнийском городке под названием Гарден, где отец Криса получил работу водителя грузовика. Семья сменила несколько квартир, переезжая с места на место вместе с Крисом и его младшим братом Робертом, но вскоре родителям удалось приобрести небольшой домик, а потом домик лучше, где в 1973 году родилась сестра Криса Дэйна.

Подобно Курту, в детстве Крис был склонен к вандализму. Вместе с Робертом они забрасывали проезжающие машины камнями и яйцами, за что были нещадно биты своим отцом, не знавшим иных форм воспитания, кроме порки.

Впрочем, Крис не держал на него за это зла.

<Мы боялись его, - рассказывал он. - Но я не могу сказать, что отец с нами плохо обращался. Просто так он нас не бил - только за дело. Такая у него была реакция на наше плохое поведение>.

Семья Новоселичей перебралась в Абердин в 1979 году,

когда Крису было четырнадцать лет. Причиной переезда послужило то, что жизнь в Южной Калифорнии сильно вздорижала, в то время как в Абердине можно было приобрести неплохой домик за сравнительно небольшие деньги. К тому же в этом районе проживало много других хорватских семей. Отец Криса устроился работать машинистом на деревообрабатывающее предприятие.

После солнечной Калифорнии, где люди были приветливы и терпимы, Абердин показался Крису мрачным и грязным, а его жители озлобленными и упертыми. К тому же Крис сильно комплексовал из-за своего высокого роста (к моменту окончания школы в нем было около двух метров). Родители надеялись, что он станет баскетболистом, однако Крис был очень неуклюж.

<Я был страшно неловким, - вспоминал Крис. - Когда мы приехали в Абердин, я просто впал в депрессию. Я не мог ни с кем общаться. Каждый день после школы я шел домой и спал весь вечер или слушал музыку. Я не мог общаться с тамошними ребятами. Они были настоящим дерьмом. И они плохо обращались со мной, а я не мог понять почему. Наверное, они просто не были клевыми>.

Возможно, одной из причин плохого отношения к Крису были его музыкальные вкусы. Ему нравились такие группы, как LED ZEPPELIN, DEVO, BLACK SABBATH, AEROSMITH, а его сверстники слушали <Top Forty>, потому что это была единственная музыкальная программа, транслируемая местной радиостанцией. Впрочем, Крису повезло в том, что его дом стоял на самом высоком холме в Абердине, поэтому он мог слушать самые лучшие рок-станции из Сиэтла.

В июне 1980 года родители Криса настолько обеспокоились его депрессией, что отослали его на время к родственникам в Хорватию. Там ему очень понравилось: у него сразу появилась куча друзей, и дела в школе пошли значительно лучше. Там же он познакомился с панк-роком и открыл для себя SEX PISTOLS, RAMONES и даже местные, югославские панк-группы. Впрочем, через год родители забрали Криса назад, в Соединенные Штаты.

От безысходности Крис начал курить <траву> и крепко пить. <Я сделался совсем диким, - рассказывал он. - Я всегда любил выпить. Когда я пью, то не могу остановиться. Мне нравится пить, потому что тогда ты попадаешь в странный мир, похожий на комиксы. Ты перестаешь отчетливо

видеть, и тогда имеет смысл все или ничего. Это настоящее безумие. Это иная реальность и мир иного сознания>. Благодаря своим диким выходкам на вечеринках Крис сделался заметной фигурой в городе.

Он тусовался с какими-то людьми, однако друзьями их можно было назвать с большой натяжкой. В конце концов он нашел себе место официанта в городской забегаловке и с головой ушел в работу. К последнему классу школы у него уже была машина, стереосистема и гитара. Он стал брать уроки игры на гитаре у того же самого Уоррена Мейсона, который учил Курта.

Затем он познакомился с Ваззом Осборном, который подсадил его на настоящий панк-рок в духе VIBRATORS, SEX PISTOLS, FLIPPER, BLACK FLAG, CIRCLE JERKS. <Это был просто блеск, настоящий панк-рок, - вспоминал Крис. -

Я сразу же отрекся от всего этого глупого металла - Оззи Осборн, JUDAS PRIEST, DEF LEPPARD - все казалось теперь дерьмом, которое я больше не мог слушать>.

Как и у Курта, у Криса оказалась замедленная реакция на панк-рок.

<Он захватил меня не сразу, поскольку музыка была очень живой, - рассказывал Крис. - Прошло около недели, прежде чем он окончательно завладел мной. Я слушал Generic группы FLIPPER, и этот диск сразил меня. Это было похоже на настоящее Искусство, настолько было значительно. Люди поклоняются Led Zeppelin IV или <Белому Альбому>, а для меня именно тот альбом стал тем же самым. Это перевернуло всю мою жизнь>.

Крис закончил школу в 1983 году. Через некоторое время его родители разошлись, а еще через некоторое время он познакомился с Шелли, которая стала его постоянной подругой. Он участвовал в качестве бас-гитариста в нескольких проектах MELVINS, а его сценическим именем было Фил Эйшо.

С момента их первой встречи на тусовке у MELVINS Курт, видимо, интуитивно понял, что Крис - это тот самый человек, который ему нужен. Однако Новоселич долгое время не проявлял интереса к проектам Курта. Наконец, когда была готова запись FECAL MATTER, Курт дал ее послушать Крису. Ответа не было чуть ли не целый год, но затем при встрече Крис неожиданно сказал: <Я наконец послушал твою запись. Это совсем неплохо. Думаю, мы должны создать группу>.

Поскольку самой первой задачей у вновь созданной группы было заработать, Крис и Курт решили исполнять песни из репертуара CREEDENCE CLEARWATER REVIVAL, рассчитывая, что кантри-рок будет пользоваться спросом в сельском Абердине. Назвали группу довольно точно - SELLOUTS. Курт играл на ударных, Крис на гитаре, а некто по имени Стив Ньюмен - на бас-гитаре. Они репетировали в доме Криса и Шелли, однако состоялись всего пять или шесть репетиций, а закончилось все грандиозной дракой между Куртом и Стивом.

Зимой 1987 года Крис и Курт нашли нового ударника. Им стал Аарон Буркхард. <Это очень веселый, жизнерадостный человек, - отзывался о нем Курт. - Он шумный, но не настолько противный) чтобы его возненавидеть>. Аарон Буркхард обладал замечательным свойством притягивать к себе самые разные несчастья. Как-то раз он с приятелем ехал на машине, и тот въехал прямо в витрину магазина, причинив ущерб на пятнадцать тысяч долларов. В другой раз лицо Буркхарда появилось на страницах абердинской <Daily World>, когда еще одна машина, в которой он находился, вылетела на встречную полосу, перевернулась и загорелась, в результате чего погиб водитель.

У Буркхарда были свои недостатки, однако он оказался единственным из известных Курту и Крису людей в Абердине, который играл на ударных. В это время у него была постоянная работа, однако денег на настоящую установку не хватало, поэтому ее пришлось собирать из нескольких барабанов, которые нашлись у Буркхарда, и деталей старой установки Дейла Кровера.

За неимением лучшего места репетиции проводились в домике Курта. Для начала они разучили все вещи FECAL MATTER, а затем стали писать новый материал. Сначала Курт пел с английским акцентом, поскольку именно такой акцент казался ему наиболее подходящим для панк-рока.

В это время Крис переживал увлечение музыкой шестидесятых. Ему особенно нравился неизвестно где откопанный диск голландской группы SHOCKFNG BLUE, известной главным образом своим хитом <Venus>. Курту не особенно нравились голландцы, однако ради Криса он согласился сделать версию одной из их вещей под названием <Love Buzz>. При этом он решил обойтись лишь одним куплетом просто потому, что ему было лень разбирать все остальное.

Вскоре начались сложности с Буркхардом, которому

больше нравилось играть традиционный металл, чем <панковское дерьмо>. Его приходилось буквально силой затаскивать на репетиции. Впрочем, поначалу даже Крису было н^а по себе от бешеного энтузиазма Курта, и время от времени он тоже пропускал репетиции. Возможно, причина этого была в том, что мать Криса, сильная женщина, начавшая после развода собственное дело, не очень жаловала Курта и часто намекала сыну, что ему стоит поискать более правильных друзей. Буркхард вспоминает, что рваные джинсы и богемные замашки Курта резко выделяли его из сверстников: <Он так себя вел, будто ему было на все наорать. Ему было все равно, что о нем думают>.

В конце концов Курту удалось заразить своим рвением Криса, и они принялись упорно репетировать, надеясь вскоре где-нибудь выступить. Такой случай представился, когда они получили приглашение поиграть на разогреве у каких-то металлистов на домашней вечеринке в Реймонде, еще более изолированном городке, чем Абердин. После их совершенно сумасшедшего первого выступления на публике, во время которого Крис несколько раз прыгал в окно и обратно, а Курт исполнял соло, стоя на столе, народ был настолько ошеломлен, что только это и спасло новых панк-рокеров от побоев.

Вскоре состоялось их первое выступление в большом зале в Олимпии, где они должны были закрывать вечер. И хотя к этому моменту в зале осталось не более десятка человек, начало оказалось вполне успешным, судя по беспорядку, произведенному в зале.

Между тем у группы до сих пор не было названия, и Курт предложил SKID ROW. Это выражение, ведущее свое происхождение из Сиэтла, означает что-то вроде <трусобы> или <бомжатника>. В апреле 1987 года группа выступила под этим названием в Олимпии, на радиошоу, проводившемся местной независимой радиостанцией KAOS, с диджеем которой Курт был знаком еще со времен тусовки с MELVINS. Запись их выступления стала первой демонстрационной лентой группы. Они исполнили замечательно отработанные версии <Love Buzz>, <Floyd The Barber> <Downer>, <Mexican Seafood>, <Spank Thru>, <Hairspray Queen> и еще несколько вещей, названий которых потом не мог вспомнить даже Курт.

Буркхард наработал к этому времени мощный удар в духе Джона Бонэма (интересно, что фанат Бонэма станет, в

конце концов, лучшим ударником группы), а голос Курта приобрел несколько звучаний - от безысходного дет-металлического воя до придушенных кошачьих воплей. Впрочем, все это очень мало напоминало то, как его голос будет звучать впоследствии.

Потом группа последовательно сменила целый ряд имен, среди которых были такие, как TED ED FRED, BLISS, THROAT OYSTER, PEN CAP CHEW и WINDOWPANE, однако остановились все-таки на NIRVANA. <Я искал название, которое было бы красивым или приятным, а не злым и грубым панк-роковским изобретением вроде ANGRY SAMOANS>, - объяснял потом Курт.

Между тем Курт задолжал арендную плату за несколько месяцев и был под угрозой выселения. Тогда его подружка Трейси предложила ему переехать к ней. Бегство из Абердина в такой культурный центр, как Олимпия, было весьма по душе Курту.

Вскоре маленькая квартирка Трейси приобрела довольно причудливый вид: стены были увешаны рисунками Курта, вырезками из газет и препарированными сюжетами религиозного содержания. Повсюду ощущалось присутствие последнего и самого любимого приобретения Курта - пластмассовой обезьянки Чим-Чим. Однако в доме были и настоящие животные - три кошки, два кролика, несколько крыс и, конечно, компания черепах. В результате вонь стояла почти как в абердинской хибаре.

В то лето в течение месяца там жили также и Крис с Шелли, чтобы избежать утомительных поездок на работу и обратно. Шелли и Трейси работали в ночную смену в кафетерии в Олимпии, а Крис - промышленным художником в близлежащем городке Такома. Курт же обычно ночью спал, а днем слонялся по дому. На выходные Крис и Шелли уезжали к себе в Хоквиам.

Вся четверка проводила много времени вместе, посещая различные вечеринки или просто оставаясь дома, чтобы посмотреть телевизор или потриповать. <Мы потребляли не ту <кислоту>, что принимали THE BEATLES, - вспоминал Крис. - У нас была грязная <кислота>, в ней было много <винта>...

Мы просто безумствовали и бесились всю ночь>.

Дела в группе шли, однако, не так хорошо, как хотелось бы Курту. Устав от постоянной возни с Буркхардом, Крис и Курт решили попробовать поиграть с Дейлом Кровером. Порепетировав три недели, они пришли на студию Recipro-

cal в Сиэтле и записали в январе 1988 года демо-ленту. <После того как запись была готова, - рассказывал Курт, - мы поняли, что это действительно хорошая музыка и что в ней есть нечто особенное, так что мы стали относиться к нашим музыкальным делам гораздо серьезнее>.

Хозяин студии Reciprocal Recording Джек Эндино уже снискал к этому времени славу крестного отца сиэтлекого андеграунда. Записывая местные панк-группы за очень небольшие деньги, он способствовал тем самым выходу в свет дисков наиболее талантливых из них на местной фирме звукозаписи Sub Pop.

НИРВАНА записала десять вещей за шесть часов. Все писалось в основном <вживую> за один или два раза. Весь вокал Курта был записан с первого раза. С этой ленты <Floyd The Barber>, <Paper Cuts>, и <Downer> вошли позднее в альбом Bleach. Версия <Spank Thru> была затем переписана с Чедом Ченнингом на ударных и выпущена на сборнике Sub Pop 200. Еще четыре вещи - <Beeswax>, <Mexican Seafood>, <Hairspray Queen> и <Aero Zeppelin> почзились на альбоме Incesticide. Оставшиеся две - <If You Must> и <Pen Cup Chew> так никогда и не были изданы.

Запись понравилась не только самим участникам группы, но и Джеку Эндино. Этим же вечером он сделал микс для себя и дал ленту Джонатану Поуниману, одному из совладельцев фирмы Sub Pop. Лента произвела на него сильное впечатление. <Я был просто сражен голосом этого парня>, - вспоминал он позднее.

В начале 1988 года музыкальная жизнь в Сиэтле переживала период изменений. Такие известные до тех пор группы, как THE MELVINS, GREEN RIVER и FEAST, либо находились не у дел, либо уже распались. Им на смену шли группы вроде TAD, MUDHONEY, MOTHER LOVE BONE. Вместе с ними начался поъем фирмы Sub Pop.

Sub Pop началась как музыкальный журнал, издававшийся Брюсом Пэвиттом. Вскоре Пэвитт организовал выпуск сборников, популяризовавших местную музыку, первым из которых стал Sub Pop 100. В 1987 году он выпустил диск под названием Dry As A Bone сиэтлекой группы GREEN RIVER, вскоре распавшейся на MUDHONEY и PEARL JAM. Здесь впервые была предпринята попытка соединения металла и панк-рока. Первой совместной работой Брюса Пэвитта и Джонатана Поунимана, бывшего ди-джея и организатора рок-концертов в Сиэтле, стал выпуск в 1988 году аль-

бома группы SOUNDGARDEN, который назывался Screaming Life.

Оба, и Пэвитт, и Поуниман, обладали хорошим музыкальным вкусом и коммерческим чутьем. Тщательно изучив причины успехов и неудач других независимых фирм, они достаточно быстро смогли привлечь интерес к сиэтлской музыке и своей фирме.

После выхода демонстрационной записи Курт размножил ее и разослал всем независимым звукозаписывающим фирмам, какие он только знал. Всего он послал около двадцати кассет, каждая из которых сопровождалась письмом и <маленьким подарком> вроде использованного презерватива, наполненного пластмассовыми муравьями. Однако никто не откликнулся. Курт не послал кассету в Sub Pop, потому что едва ли догадывался о ее существовании. Поуниман позвонил Курту сам и договорился о встрече, которая прошла вполне успешно, если не считать того, что Крис был в стельку пьян. Так или иначе, но Поуниману удалось донести до участников группы главное: он хотел бы выпустить сингл НИРВАНЫ.

К этому времени Дейл Кровер уехал в Сан-Франциско вместе с Баззом Осборном, а Курту порекомендовал вместо себя Дейва Фостера из того же Абердина. Уже с самого начала Крис и Курт знали, что вряд ли смогут долго терпеть Фостера, совершенно чуждого им по духу, однако все произошло гораздо быстрее, чем они предполагали. Отыграв с НИРВАНОЙ всего один концерт, Фостер угодил в тюрьму за то, что избил хахаля своей подружки, который на беду оказался сыном мэра соседнего Космополиса. Однако двое основных участников НИРВАНЫ об этом нимало не жалели.

<Это был совершенно нормальный парень, - рассказывал Крис. - Мне кажется, он нас боялся. Он нервничал и поэтому не мог попасть в ритм. И потом, он происходил из прочной семьи>, - улыбаясь, добавлял он.

Новым ударником НИРВАНЫ стал Чед Ченнинг, которого Курт характеризовал как <одного из самых приятных людей, с кем мне когда-либо доводилось общаться>. Чед Ченнинг родился 31 января 1967 года в Санта-Роза, Калифорния. Его отец, Уэйн, работал ди-джемом на радио и постоянно колесил по всей стране.

Чед рассказывал: <Нашим лозунгом был: <Через полгода - в дорогу>. Поэтому обо всех друзьях, что у меня были, я знал лишь одно - они временные. Все было временным. Это

казалось довольно диким. Ты не общаешься с людьми только потому, что тебе просто незачем заводить друзей, так как ты скоро уезжаешь>.

Чед хотел стать профессиональным игроком в американский футбол, но в возрасте тринадцати лет он сломал бедренную кость. Потребовалась операция и семь лет реабилитационных процедур. К этому времени он уже заинтересовался музыкой и пробовал играть на ударных, гитаре и других инструментах.

Подобно Курту, Чед бросил школу на последнем году обучения, поскольку из-за болезни он был просто не в состоянии наверстать упущенное. К тому же он мечтал стать музыкантом и не видел особого смысла в получении диплома. К моменту встречи с Куртом и Крисом он работал поваром в рыбном ресторанчике на Бейнбридж Айленд, а вечерами курил <траву>, пил вино и потреблял местную <кислоту>, считавшуюся особенно сильной.

Курт и Крис репетировали в подвале дома Криса, обложив его изнутри старыми матрасами, коробками из-под яиц и отходами пиломатериалов, позаимствованными на ближайшей стройке. Однако все равно музыка снаружи звучала очень громко, и соседи постоянно жаловались, поэтому они не могли репетировать допоздна. Зато у Чеда была великолепная фибerglassовая ударная установка с потрясающим звуком.

11 июня 1988 года группа записала свой первый сингл <Love Buzz>. Возможно, Курт не сразу остановил свой выбор на этой обработке известной мелодии, однако, так или иначе, он оказался удачным. Эта легкая для восприятия вещь стала впоследствии беспроблемным номером любых выступлений группы, одинаково любимым как Куртом, так и публикой. Было решено не использовать старую запись, а сделать новую. К тому же Курт находился в то время под влиянием примитивного гаражного рока в духе SONICS, легендарной северо-западной группы начала 60-х, и MUD-HONEY. Пусть и написанная не им, эта вещь была вполне в русле того направления, в котором собирался двигаться Курт.

Sub Pop не подписывала контрактов с группами, которые собиралась записывать. Поуниман просто сказал, что ему понравилась обработка <Love Buzz>, которую сделала НИРВАНА, и не хотели бы они сделать сингл. Запись продолжалась пять часов, в результате чего были записаны не-

сколько вещей, включая <Love Buzz>, новую версию <Spank Thru>, а также <Big Cheese> и <Blandest>. Именно эта последняя песня, примечательная разве что плантоподобным фальцетом Курта в финале, должна была быть на обратной стороне пластинки, однако Эндино убедил Курта заменить ее на <Big Cheese>. Курт вспоминал, что <Love Buzz> показала ему слишком легковесной. Возможно, дело было в том, что Чед еще не набил как следует руку. <Я думаю, это самая слабая наша запись>, - считал Курт.

Сингл вышел в ноябре 1988 года тиражом в тысячу экземпляров. Как и многие другие ограниченные выпуски Sub Pop, он был быстро распродан и превратился в коллекционную редкость. <Это оказалось очень эффективной рекламой для группы, - вспоминал Пэвитт. - И я совсем об этом не жалею>.

В <Love Buzz> уже присутствуют все элементы классической НИРВАНЫ: смесь пассивности и агрессивности, грязные, сыплющиеся, как град, ударные и Вопль. Своим медленным, нетвердым ритмом и ужасным, лающим вокалом <Big Cheese> говорит о немалом влиянии THE MELVINS. А под <большой шишкой> имеется в виду не кто иной, как Джонатан Поуниман.

Хотя это и не лучший образец песенного творчества Курта, здесь присутствует типичный для него прием трансформации своей личной ситуации в универсальную. В самом деле, кому понравится, когда им помыкают?

Глава 4

ПЕРВЫЙ АЛЬБОМ

<В течение двух месяцев мы усваивали новую манеру писания песен. Это был очень поучительный опыт, потому что действительно важно, где твои корни - в роке, а не в той навороченной <новой волне>, которую мы пытались играть>.

Курт Кобейн

НИРВАНА начала усиленно репетировать, готовясь к выпуску альбома, несмотря на то, что Sub Pop предполагала выпустить лишь сорокапятку, следуя своей обычной линии в отношении новых групп. В качестве репетиционной базы им

теперь служило помещение, расположенное над салоном модных причесок матери Криса. Салон закрывался в восемь часов, поэтому репетиции начинались именно в это время и продолжались всю ночь.

Работа над альбомом началась в конце декабря 1988 года и продолжалась до конца января 1989-го, причем слова песен Курт дописывал уже перед самой записью. Он снова попытался перезаписать уже с Чедом <Floyd The Barber> и <Psper Cuts>, однако в конце концов решили все-таки оставить версии, записанные с Дейлом Кровером. Курт очень критически относился к своему вокалу и страшно злился, когда у него не получался тот звук, который он хотел произвести.

Тем не менее. Bleach звучит несколько странно, и этому есть свое объяснение <Мы тогда все были простужены. - вспоминал Крис. - и принимали микстуру с кодеином... Мы пили ее очень много из-за своей болезни, но на самом деле мы были сильно под кодеином, когда записывали диск...>

Альбом обошелся в 606 долларов и 17 центов. Ни у кого из группы таких денег не было, поэтому заплатил за запись их новый знакомый по имени Джейсон Эверман, который, как выяснилось, когда-то играл в нескольких группах вместе с Чедом. Джейсон проработал несколько летних сезонов рыбаком на Аляске, поэтому сосудить старому другу шесть сотен не было для него большой проблемой. К тому же группа ему нравилась, и он стал тусоваться вместе с НИРВАНОЙ.

К этому времени у Курта еще не было достаточного опыта пения с одновременной игрой на гитаре, а группе предстоял тур. Поэтому он предложил Джейсону войти в группу в качестве второго гитариста, предполагая, что это сделает звучание НИРВАНЫ более плотным. Прослушивание прошло успешно, и Джейсон был принят.

<Он казался вполне симпатичным парнем, - вспоминал Курт. - И у него были длинные волосы в стиле Sub Pop>. Кроме того, подобно Курту, Крису и Чеду, Джейсон происходил из распавшейся семьи. Некоторое время, будучи ребенком, он даже жил в Абердине. Хотя Джейсон указан на Bleach в качестве гитариста, он, в действительности, не принимал никакого участия в записи. <Мы просто хотели, чтобы он почувствовал себя в группе более уверенно>, - объяснял Крис.

Их первым совместным выступлением стала пьяная ве-

черинка в общежитии Эвергринского колледжа в Олимпии. Со вторым гитаристом Курт чувствовал себя гораздо свободнее и в результате играл и пел лучше. В феврале 1989 года, после записи альбома, НИРВАНА совершила короткий двухнедельный тур по Западному побережью, во время которого

Крис произвел сильное впечатление на публику своими прыжками по сцене, а Курт, говорят, играл на гитаре, стоя на голове (по воспоминаниям гитариста MUDHONEY Стива Тернера).

Во время этого тура неожиданно было найдено название для пока еще безымянного альбома. Когда НИРВАНА находилась в Сан-Франциско, там как раз проходила масштабная кампания против СПИДа, и повсюду были развешаны плакаты, призывавшие потребителей наркотиков <белить свою <кухню> (bleach your works), то есть стерилизовать шприцы и иглы в хлорной извести, убивающей вирус СПИДа. Там даже был человек, одетый, как бутылка с хлорной известью, который ходил по улицам и раздавал всем бутылочки с аналогичной жидкостью. <Мы были свидетелями того, как известь может стать самым ценным веществом на Земле>, - рассказывал сопровождавший группу Пэвитт. Так Bleach стало названием первого альбома НИРВАНЫ.

Он вышел в свет в июне 1989 года. Курт категорически отвергал наличие в лирике альбома каких-либо личных мотивов, однако в действительности многие из песен так или иначе связаны с ситуациями из его жизни. Большинство песен писалось наспех, фактически в ночь перед записью. <Я тогда мало заботился о лирике>, - вспоминал Курт. Однако он должен был что-нибудь петь, поэтому ему приходилось что-нибудь писать. Возможно поэтому некоторые песни на Bleach состоят всего из одной строфы, которая повторяется несколько раз (в песне <School>, например, всего пятнадцать слов). Сам Курт объяснял свой лаконизм отсутствием памяти: <Я решил писать песни, слова которых я смогу легко запомнить, чтобы не обосрать их во время выступления>.

<Swap Meet> происходит прямо из Абердина. Барахолки - характерная черта борющейся за выживание сельской Америки - располагаются на автостоянках. Люди приезжают сюда за десятки миль, чтобы продать разного рода выпечку, рукоделие, старинные вещицы, извлеченные из темных уголков гаражей и чердаков. Некоторые продают свои пожитки из нужды, другие становятся постоянными торговцами. Эти последние, по словам Курта, <не могут занимать-

ся ничем, кроме продажи хлама, потому что сами живут в хламе. Они окружены им, и вся их ментальность замешана на хламе - на сальности, грязи и бедности».

<Mr. Moustache> отражает тенденцию в альтернативном роке, когда название песни больше нигде в ней не встречается. <Я никогда не мог объяснить, почему мои песни называются так или иначе, - говорил Курт. - В этом единственное различие между альтернативным роком и традиционным роком. Альтернативные рок-группы дают своим песням такие названия, которые не имеют никакого отношения ни к куплету, ни к припеву>. Усы олицетворяли в глазах Курта тип <мачо>, самца, <настоящего мужчины>, который он ненавидел еще с Абердина. Однако слова <Да, я ем коров, я не гордый> явно намекают на лицемерие многочисленных вегетарианцев, с которыми Курт встречался в Олимпии. Конечно, вегетарианцем был и Крис, однако песня направлена, главным образом, против тех правильных типов из Олимпии, которые могут подойти на улице к обнаженному по пояс парню и попросить его надеть рубашку из солидарности с женщинами. Здесь Курт не жалеет сарказма: <Наполни меня своим новым видением... Помоги мне поверить в твою великую мудрость>.

<Blew> по недоразумению была записана на целый тон ниже, чем это предполагалось, что объясняет необычайно тяжелое звучание вещи. Это, впрочем, несколько не противоречит выраженной в песне теме зависимости и подконтрольности:

И если тебе все равно, я бы ушел.
И если ты не против, я бы вздохнул.

<About A Girl> обязана своим появлением Трейси, которая как-то спросила Курта, почему он не напишет песни о ней. Строчка <Я не могу свободно видеть тебя каждую ночь> была связана с угрозами Трейси выгнать Курта, если он не найдет работу. Эта вещь показательна в плане того поп-направления, в котором предполагал двигаться Курт. Это явная аномалия на диске и вообще во всей продукции Sub Pop, где никто не мог себе позволить написать нечто столь мелодичное и битловское (в дальнейшем Курт написал также <Polly>, еще менее укладывающуюся в каноны Sub Pop).

По мере того как приближалось утро, слова песен Курта

становились все проще и проще.

Первоначально Курту и Крису не понравилась жизнь в Сиэтле, который показался им маленьким и поделенным на группировки, что очень напоминало родной Абердин. Не удивительно поэтому, что припев <School> звучит так безнадёжно: " Ты снова в школе ".

<Negative Creep> - это исповедь антисоциальной личности. Именно такой личностью считал себя сам Курт. За строчку <Папина девочка уже не девушка> Курту немного перепало от сиэтлской музыкальной общественности, которая увидела в ней сходство со строчкой <Сладкая малышка уже не так сладка>, принадлежавшей MUDHONEY. Однако

Курт утверждал, что это бессознательный плагиат.

В <Scaff> Курт, скорее всего, обращается к своим родителям, Дону и Венди, не принимавшим всерьёз его увлечение музыкой.

А <Sifting> с упоминающимися там учителями и проповедниками, видимо, направлена против всяческих авторитетов.

Две вещи были взяты с ленты, записанной вместе с Кровером. Своим медленным нетвердым ритмом и ревушим вокалом жутковатая <Paper Cuts>, наверное, больше всего отражает влияние MELVINS. Ее слова частично основаны на реальном случае, произошедшем в Абердине, где одна семья держала своих детей запертыми в комнате с закрашенными окнами, открывая дверь только для того, чтобы накормить детей и убрать обрывки старых газет, которыми они пользовались для туалета. Курт лично знал одного из этих ребят, который был подручным Ворчуна. Однако в песне есть и автобиографический смысл. Очевидно, что Курт описывает свое отчуждение от Венди, когда поет:

Женщина, к которой я испытывал сыновнюю любовь,
Не может смотреть мне в глаза,
Но я вижу ее глаза, они голубые,
И они возбуждаются, дергаются и мастурбируют.

Несмотря на весь мелодраматизм подобного сравнения Курт, видимо, проводит аналогию между забытостью запертых в комнате детей и тем невниманием, которое проявляла по отношению к нему Венди.

<Floyd The Barber> - еще одна вещь в стиле MELVINS с кроверовской ленты. Парикмахер Флойд - это, конечно,

персонаж из комедии начала 60-х под названием <Энди Гриффит шоу>. Нетрудно представить себе пронизанную клаустрофобией жизнь провинциального города. <Это просто маленький городок, дела в котором идут совсем плохо, - рассказывал Курт. - Все жители превратились в серийных убийц, которые охотятся друг за другом>. Однако здесь присутствует еще и фрейдистский страх кастрации, когда парикмахер привязывает клиента к креслу и достает бритву.

<Downer>, вошедшая в издание альбома на компакт-диске, также пришла с кверовской ленты. Это старая песня, которую Курт написал в период увлечения BLACK FLAG, одной из наиболее политизированных панк-групп.

В выходных данных Bleach Курт значится как Kurdt Kobain. Это одна из нескольких вариаций его имени и фамилии, фигурирующих на дисках.

<Я думаю, сначала мне хотелось быть анонимом, - объяснял он. - Я также подумывал о том, чтобы изменить свое имя на <Nevermind>. Однако потом я все-таки решил написать его как есть. Я просто хотел напустить побольше тумана. Мне хотелось быть похожим на Блэка Фрэнсиса. Он менял свое имя столько раз, что никто толком не знал, кто он такой. Мне бы хотелось, чтобы никто никогда не узнал моего настоящего имени. И тогда я мог бы однажды снова стать нормальным гражданином. Никаких особых причин у меня не было. Я просто не заботился о том, чтобы писать его правильно. Мне было наплевать. Мне хотелось, чтобы люди каждый раз произносили его по-разному>.

Альбом не получился столь сильным и значительным, как этого хотелось участникам группы. Курт сам первый указал на то, что альбом вышел одномерным - медленным, тяжелым, не особенно мелодичным. Курт сознательно ограничил свои наиболее мелодические тенденции, поскольку знал, что они не будут поняты публикой, музыкальные вкусы которой формировала Sub Pop. Он рассчитывал выпустить гранджевый, приемлемый для Sub Pop диск, чтобы привлечь к себе внимание, а уже потом приступить к реализации своих планов.

"На нас давили Sub Pop и все окружение, чтобы мы играли <рок-музыку>. - рассказывал Курт. - Чтобы мы были проще и звучали, как AEROSMITH. Мы знали, что так и надо делать. Мы делали это. и мы начали это делать по собственной воле, а теперь наша музыка стала популярной, и мы даже можем на этом заработать и тоже стать популярными, и,

в конце концов, сможем делать, что захотим. Мы хотели сначала понравиться людям, а затем посмотреть, что из этого выйдет>.

Курт написал под влиянием VASELINES песню под названием <Beans>, в основу которой был положен роман Джека Керуака <Бродяги Дхармы>. Он хотел, чтобы она вошла в альбом, однако этому воспротивился Поуниман. <Он считал, что она глупая>, - вспоминал Курт, добавляя, что группе хотелось проявить себя в первом альбоме более разнообразно и экспериментально, однако это встретило сопротивление со стороны Sub Pop. Поскольку НИРВАНА не подписывала контракта, участники группы не знали, в какой степени они могут игнорировать пожелания Поунимана и рассчитывать при этом на выход своего диска.

Ирония состоит в том, что ограничения, наложенные Sub Pop, помогли группе найти свою музыкальную индивидуальность. Пока они не признали того факта, что выросли из AEROSMITH и BLACK SABBATH, их музыка не обрела своего настоящего звучания.

<В течение двух месяцев мы усваивали новую манеру писания песен, - вспоминал Курт. - Это был очень поучительный опыт, потому что действительно важно, где твои корни - в роке, а не в той навороченной <новой волне>, которую мы пытались играть>.

Это стоило больших нервов, особенно в атмосфере, где даже SEX PISTOLS считались старичками. Когда панк-рок появился, была необходимость играть панк-рок и только его - в этом был смысл. Но достигнув определенного уровня, панк-рок созрел для ассимиляции, как и любой другой основной стиль.

Между тем люди покупали альбом. <Никогда в истории нашей компании, - вспоминал Пэвитт, - не было диска, который продавался, продавался и продавался. Конечно, они совершили тур, но многие совершают туры. В этом альбоме было что-то особенное>.

Глава 5

ПЕРВЫЕ ТУРЫ

<Нам казалось, что мы не можем закончить концерт, не совершив чего-либо эффектного или сенсационного. Не

имеет значения, как хорошо ты отыграл, все равно казалось. что ты отдал не все. Только если ты расколотил всю аппаратуру, только после такой торжественной концовки ты мог сказать: <Ну, теперь все>.

Крис Новоселич

После выхода альбома НИРВАНА отправилась в свой первый большой тур по стране. Это было боевое крещение для их верного фургона марки <додж>, который впоследствии ни разу не подвел их, отмахав в общей сложности семьдесят тысяч миль. У группы не было дорожного менеджера, поэтому участники группы сами решали, где останавливаться и когда уезжать. Чаще всего они спали в фургоне, если им не предоставлял кров кто-нибудь из фэнов. Они играли главным образом в барах, получая ящик пива и не более сотни долларов за вечер. Однако им нравилось путешествовать, видеть новые лица и приобретать новых поклонников.

<Мы были совсем бедны, ~ вспоминал Курт, - но. Боже, мы впервые видели Соединенные Штаты. И мы были группой, и мы зарабатывали достаточно денег) чтобы выжить. Это было потрясюще. Это было просто великолепно. И если бы не этот хрен Джейсон, все было бы еще лучше>.

Отдаление Джейсона от остальной группы проявилось еще в самом начале тура и продолжало усиливаться. <Мы пытались поговорить с ним, - вспоминал Крис, - но он полностью ушел в себя>. Причина этого, видимо, состояла в том, что Джейсон был недоволен своим <второсортным> положением в НИРВАНЕ. Он сам писал песни, и ему, конечно, хотелось вносить больший вклад в творчество группы. С другой стороны, остальные члены группы считали не особенно подходящим поведение Джейсона на сцене с его размахиванием волосами и петушиными стойками. Все это выглядело в их глазах попсовой дешевкой.

<Он выглядел, как наамфетаминенный павлин, - вспоминал Курт. - В нем было столько позерства, что мне с трудом в это верилось>.

Трения достигли своего апогея во время гастролей в Питтсбурге. Шоу было настолько грандиозным, что Курт расколотил одну из своих лучших гитар - <Фендер Мустанг>. Джейсон был вне себя от ярости, как будто, по выражению Криса, <это он финансировал шоу>. Вообще-то группа начала громить оборудование за несколько месяцев до этого, во время представления в общегитии Эвергринского

колледжа.

<Тогда это началось, - вспоминал Крис. - Это было забавно. Нам казалось, что мы не можем закончить концерт, не совершив чего-либо эффектного или сенсационного. Не имеет значения, как хорошо ты отыграл, все равно казалось, что ты отдал не все. Только если ты расколотил всю аппаратуру, только после такой торжественной концовки ты мог сказать: <Ну, теперь все>.

Идея оказалась настолько привлекательной, что во время тура они специально приобретали дешевые гитары, чтобы затем эффектно разбить их на сцене.

Внезапно НИРВАНА отменила оставшиеся семь концертов и направилась прямо домой. Никто так и не сказал Джейсону, что он исключен из группы, так как никто не хотел его обидеть. Впрочем, все решилось само собой: две недели спустя после их возвращения Джейсону позвонил Крис Корнелл из SOUNDGARDEN и предложил ему место бас-гитариста. Впоследствии он говорил, что не жалел о своем уходе из НИРВАНЫ. Как бы то ни было, группа так и не вернула ему шестьсот долларов, одолженных для записи Bleach. Курт объяснял это <душевным расстройством>.

В это время Курт переживал увлечение великим Лидбелли, чернокожим трубадуром эпохи 30-40-х годов. Курт обратил внимание на Лидбелли, прочитав статью Уильяма Берроуза, в которой говорилось примерно следующее: <К черту современный рок-н-ролл. Если вы хотите услышать настоящую страсть, послушайте Лидбелли>.

У соседа Курта Слима Муна случайно оказался диск Лидбелли Last Session, и он проиграл его Курту. Тот был просто поражен. После этого он стал покупать все диски Лидбелли, которые только мог найти.

<Это так безыскусственно и искренне, - говорил он. - Это нечто такое, что всегда было для меня свято. Лидбелли - это одна из наиболее важных вещей в моей жизни. Я просто одержим им>.

Курт не только покупал диски Лидбелли, но и учился играть его музыку. Кроме того целую стену в его жилище занимали изображения Лидбелли. Несложно понять притягательность для Курта блюза, являющегося своего рода экзорцизмом душевной боли, и также несложно понять, почему внимание Курта привлек именно Лидбелли, чья музыка не вписывалась ни в какие категории и чьи исполненные страсти, но в то же время мелодичные песни открывали не-

исчерпаемую кладовую человеческих переживаний.

Курт подружился с Марком Лейнеганом из SCREAMING TREES, которые часто выступали в Олимпии. В августе 1989 года Курт и Лейнеган решили сотрудничать в написании песен для сольного альбома последнего. К сожалению, Курт не мог хорошо работать с другими - он постоянно беспокоился, что ему захочется использовать какую-либо из пришедших ему в голову идей для НИРВАНЫ. Поэтому они решили записать несколько вещей Лидбелли вместе с Крисом на бас-гитаре и Марком Пиккерелом из SCREAMING TREES на ударных.

Новообразованная группа записала всего две песни Лидбелли. Одна из них, <Where Did You Sleep Last Night>, вышла на великолепном сольном альбоме Лейнегана The Winding Sheet. Курт исполнял другую песню Лидбелли - <Ain't It A Shame>. Планировалось выпустить обе вещи на сингле, однако это не получилось, и <Ain't It A Shame> так никогда и не была издана. Джонатан Поуниман называл ее <одним из величайших вокальных достижений Курта>.

В конце концов четверка превратилась в неформальную блюзовую группу. Пиккерел предлагал назвать ее JURY. Курт же настаивал на названии LITHIUM. Поуниман имел большие планы на выпуск альбома, однако они так и не осуществились. Курт сконцентрировался на игре на гитаре, предоставив Лейнегану большую часть вокала. Дилан Карлсон вспоминал, что их лучшей песней была <Grey Goose>, которую они исполняли в тяжелой, напоминающей плач по покойнику, блюзовой манере. <Казалось, будто возродилась одна из величайших английских блюзовых групп, - говорил он потом. - Это было просто невероятно>.

Немного отдохнув и отыграв несколько концертов в Сиэтле, группа решила наверстать упущенное и отправилась с двухнедельным туром на Средний Запад, куда они не доехали в прошлый раз. Теперь у них был дорожный менеджер - Бен Шепард, тоже ранее игравший в нескольких группах вместе с Чедом Ченнингом. Группа подумывала о том, чтобы ввести Шепарда в свой состав, однако, едва только об этом пошел слух, вся музыкальная тусовка, включая членов TAD, SCREAMING TREES и MUDHONEY, стала наперебой советовать им остаться втроем, поскольку вторая гитара только мешает.

Концерты в каждом городе сопровождались триумфальным успехом. Однако уже в самом начале тура, в Мин-

неаполисе, Курт попал в больницу с острой болью в животе. Эти сильные, режущие боли впервые стали мучить его, когда он переехал в Олимпию. <В животе все горит, и тошнит, как при худшем желудочном гриппе, - рассказывал Курт. - Слышно, как там что-то бьется, будто у тебя в животе сердце, и при этом очень больно>. Эти боли преследовали Курта всю его жизнь, постоянно ставя в тупик даже самых квалифицированных специалистов, никто из которых так и не смог отыскать их причину.

Крис и Шелли периодически сходились и расходились, а по возвращении из тура наконец решили пожениться, дабы не искушать судьбу. Группа же сг"з готовить материал для очередной сорокапятки.

Мини-альбом <Blew> был записан летом 1989 года и включал в себя <Been A Son>, <Stain>, <Blew> и <Love Buzz>.

Сразу берущая за живое первая вещь представляет собой жалобу девочки, родители которой хотели, чтобы у них родился мальчик. В ее мелодии слышится что-то от ленноновской <Rubber Soul>. В <Stain> смешались грандж, поп и чувство собственной неполноценности.

Затем последовал осенний европейский тур вместе с TAD. Одиннадцать парней, включая стотридцатикилограммового Тэда Доила и двухметрового Криса, набились в микроавтобус <фиат>. Мало того что было чудовищно тесно и не было нормального питания, так еще и график гастролей был необычайно напряженным: они должны были отыграть тридцать шесть концертов за сорок два дня. При этом менеджер тура настаивал, чтобы группы выступали непосредственно по приезде на место, не давая им даже отдохнуть. У НИРВАНЫ все это усугублялось постоянными проблемами с оборудованием, которое разносилось на куски во время каждого шоу, а потом ремонтировалось наследующий день в автобусе.

Каждый из членов группы переносил трудности по-своему. Курт пользовался любым удобным моментом, чтобы поспать. Крис был постоянно либо пьян, либо обкурен, а Чед разговаривал сам с собой.

Группа была немало удивлена тем ажиотажем, с которым ее встречали в Европе, особенно в Великобритании. А все дело было в том, что Пэвитт и Поуниман, учитывая тот факт, что многие американские музыканты приобрели известность сначала за океаном, установили связи с английским музыкальным журналом <Melody Maker>, который стал

с тех пор регулярно освещать события в музыкальной жизни Сиэтла и окрестностей.

<Это был сумасшедший тур>, - вспоминал Новоселич. Во время первого выступления Крис, раздосадованный плохо работающим усилителем, разбил свой новый бас. От гитары отлетела шейка грифа и пробила один из взятых Куртом напрокат динамиков. Но это было только началом. В Берлине, где они выступали на другой день после падения Стены, Курт отыграл без перерыва шесть песен, разнес на куски гитару и удалился. <Я был даже рад, что он так сделал, - вспоминал Крис. - Я был очень сильно обкурен>.

На концерте в Риме произошло, наконец, то, что и должно было произойти. Окончательно выведенный из себя отвратительным звучанием взятого напрокат аппарата, плохим питанием, напряженным графиком и низкой оплатой Курт, отыграв четыре или пять вещей, разбил о сцену гитару и забрался на стойку с динамиками.

<У него произошел нервный срыв, - рассказывал Пэвитт. - Он собирался прыгнуть вниз. Охранники были вне себя, и все просили его спуститься. А он говорил: <Нет, я хочу нырнуть>. Он был на пределе... Люди видели прямо перед собой рехнувшегося парня, который сломает себе шею, если упадет>.

Когда стойка начала раскачиваться, Курт перебрался по стропилам на балкон, где стал кричать на публику и упорно пытался бросить вниз стул, пока его не отобрали. Затем он вернулся на сцену, где в это время кто-то из организаторов шоу спорил с менеджером тура по поводу якобы разбитого Куртом микрофона. Курт такой несправедливости не потерпел, схватил оба микрофона, бросил их на сцену и принялся топтать ногами. <Теперь они действительно разбиты>, - сказал он и удалился со сцены. Потом Курт плачущим голосом произнес, что уезжает домой, и зарыдал. Подоспевший Поуниман вывел его на воздух.

После тура Курт и Чед отправились домой, а Крис с Шелли полетели в то место, которое тогда еще называлось Югославией, чтобы поведать отца Криса. По возвращении, 30 декабря 1989 года, они поженились. Церемония происходила в их квартире в Такоме, которая была набита людьми под завязку. Помимо матери Криса и отца Шелли там были Курт с Трейси, ребята из группы TAD, старые друзья и соседи. <Они поженились, - вспоминал об этом событии Мэтт Лукин, - а потом абсолютно все напились>.

Между тем НИРВАНА стала тяготиться своим контрактом с Sub Pop, подписанным, кстати, по настоянию членов группы. Тогда им казалось, что такой контракт упрочит их положение, однако в действительности все оказалось иначе.

Из-за неудачного руководства фирма оказалась на грани банкротства. К лету 1990 года она была должна всем в городе. <Они изо всех сил старались заплатить нам, - вспоминал Крис, - но это была слишком тяжелая ноша>.

Кроме того, Курт был отнюдь не в восторге от того имиджа, который пытались ему навязать Пэвитт с Поуниманом, хотевшие в рекламных целях представить его в роли эдакого сельского недотепы, неизвестно каким чудом добравшегося до Сиэтла и их фирмы. <Они полностью манипулировали людьми, стараясь повернуть эту программу, - рассказывал Курт. - Их считали гениями, организаторами всего проекта, хотя на самом деле это не имело к ним никакого отношения>.

Вместе с тем, НИРВАНОЙ начали интересоваться самые различные фирмы и не в последнюю очередь благодаря материалу для нового альбома, который они записали в апреле 1990 года на Smart Studios в Мэдисоне, штат Висконсин, при продюсировании Батча Вига, считавшегося ветераном андеграундной сцены. Курт был молчалив, и все переговоры вел Крис.

Группа потратила неделю на запись семи вещей для того, что должно было стать их вторым альбомом на Sub Pop, но в действительности стало демонстрационной лентой для крупных фирм.

На этот раз времени было вполне достаточно, и Курт мог как следует отточить слова и мелодию. <Я наконец пришел к тому, чтобы соединить поп-музыку и присущую нам тяжесть в правильной пропорции, - вспоминал Курт. - Это работало очень хорошо, потому что так говорили наши друзья, да и другие группы тоже. Все говорили, что это здорово. Я могу сказать, что это шаг вперед по сравнению с Bleach>.

Аранжировки этих вещей практически не отличались от версий, появившихся позднее на альбоме Nevermind, однако в действительности они все были смикшированы заново за исключением <Polly>. <Breed> тогда называлась <Immodium> в честь противопоносного средства, которым пользовался Тэд во время европейского тура. <Stay Away> первоначально называлась <Pay To Play>, имела несколько иные слова и

отличалась фид-бэком и кодой в стиле орущего камикадзе. Также были записаны <In Bloom>, <Dive> и <Lithium>, которые, подобно <Polly>, начинались игрой на акустической гитаре, которая постепенно затихала.

Однако Крис и Курт все больше разочаровывались в Чед. Чед, игравший, помимо ударных, на гитаре, бас-гитаре и скрипке, писал также собственные песни и, естественно, хотел принимать участие в создании композиций. Однако его музыкальный стиль, выработавшийся в Бейнбридже, плохо соответствовал тому, что играла группа. <Это было не то, - рассказывал Курт, ~ и с этим ничего нельзя было поделать. Это было грустно, потому что он чувствовал себя, словно он не является частью группы, так как не может творить в нашей манере>. К тому же Курт, сам несколько лет игравший на ударных, относился к их звучанию с особым вниманием. И хотя Чед нравился ему гораздо больше, чем все другие ударники, с которыми они работали, он не мог не замечать его недостатки, такие, например, как слабый удар и быструю утомляемость. Набравшись решимости, Курт и Крис откровенно сказали Чеду о том, что он больше не является членом группы. <Я чувствовал себя так, словно кого-нибудь убил>, - признавался потом Курт. Чед покинул группу в июне 1990 года.

Оставшись без ударника, НИРВАНА была вынуждена отменить намеченные гастроли по Великобритании. А уже в августе предстоял тур по Западному побережью вместе с SONIC YOUTH. Участвовать в нем согласился Дейл Кровер, но при одном условии. <Я сказал им, - вспоминал он, - что бы вы ни делали, не прыгайте на мою ударную установку>. Это условие было выполнено, причем даже не разбили ни одной гитары.

<Я рад, что они ничего подобного не сделали, - говорил тогда Кровер. - Я видел, как они раньше разбивали инструменты, и мне казалось, что они делают это для разрядки. Курт как-то пытался при мне сломать гитару, и он трудился минут пятнадцать. До того времени, как все было кончено, этот процесс для всех казался очень важным и имеющим какое-то значение. А я считаю это самым настоящим убийством гитары. Я думаю, у гитар есть души. Мне это совсем не кажется клевым. У инструментов есть души, так зачем тебе нужно убивать гитару? Я думаю, это бессмысленно.

Разве вы, ребята, никогда не видели THE WHO?>

Как-то незаметно Курт расстался с Трейси и начал

встречаться с артистичной и динамичной девушкой по имени Тоби Вейл. Она издавала собственный журнал и находилась у истоков движения <Riot Girls>, объединявшего молодых женщин, одержимых идеей усиления женского влияния на общество через средства массовой информации и музыки. Благодаря Тоби Курт близко познакомился с идеями феминизма. <Я думал, что снова влюблен, - рассказывал он, - и мне нравилось так думать>.

Между тем. Sub Pop захотела выпустить еще один сингл НИРВАНЫ. На сторону <В> была выбрана вещь под названием <Dive>, записанная с Вигом. В ней присутствуют все лучшие стороны Bleach - скрежещающий звук гитары, высокий завывающий вокал, восхитительно тяжелый рифф. Это поп-музыка, но очень, очень тяжелая музыка. Что же касается стороны <А>, то Курт решил воспользоваться тем, что в студии у Джека Эндино находился Тэд, и записал песню, воспользовавшись его ударными. 11 июля 1990 года был записан основной материал для <Sliver>.

В выходных данных <Sliver> в качестве ударника указан Дэн Питере из MUDHONEY. До него группа прослушала еще двух барабанщиков, но выбран был именно этот ветеран многих сиэтлских групп, известный своим быстрым и сильным ударом.

Подобно многим другим песням Курта <Sliver> представляется автобиографической. В ней рассказывается о мальчике, которого мать отдала на вечер своим родителям. Он не может есть и не хочет играть, единственное, чего он хочет, - это вернуться домой. Он засыпает... и просыпается уже на руках у матери. Это было своего рода экспериментом.

<Я решил написать самую нелепую из поп-песен, что я когда-либо писал, - рассказывал Курт. - Что-то вроде заявления. Мне нужно было написать настоящую поп-песню и выпустить ее на сингле, чтобы подготовить людей к следующему диску. Я хотел писать больше песен типа этой>.

Питере отыграл с НИРВАНОЙ всего один раз, 22 сентября 1990 года, на шоу в сиэтлском зале Motor Sports, бывшем крытом гараже, где участвовали также DWARVES и MELVINS. Среди беснующихся полутора тысяч зрителей на этом концерте присутствовал Дейв Грол.

ЧАСТЬ 2. НИРВАНА В ПОЛНЫЙ РОСТ

Глава 1

ДЕЙВ ГРОЛ

«Мы уже через две минуты знали, что это тот ударник, который нам нужен. У него был сильный удар. Он был очень динамичен. Дейв был такой яркий, горячий, живой. Он играл рок».

Крис Новоселич

Дэвид Эрик Грол родился 14 января 1969 года в городе Уоррен, штат Огайо, в семье Джеймса и Вирджинии Грол. Его отец был журналистом, а мать преподавала в школе английский язык. У Дейва была сестра Лиза, на три года старше его. Когда Дейву исполнилось три года, семья переехала в Спрингфилд, штат Вирджиния, а когда ему стукнуло шесть, родители развелись. По словам Дейва, развод родителей не произвел на него особого впечатления, возможно потому, что он тогда мало что понимал.

Дейва воспитывала мать, которую он до сих пор просто обожает. Однако растить двоих детей на алименты и скромную зарплату учительницы было непросто. «Бывали тяжелые времена, когда мы ели на обед только арахисовое масло и сэндвичи», - вспоминал Дейв.

Его мать в юности пела в нескольких вокальных группах, выступавших на улице, а отец был талантливым флейтистом. Сам Дейв, будучи еще голоштаным мальцом, легко схватывал любую мелодию на слух. Музыку он любил с детства. В возрасте десяти лет Дейв организовал со своим приятелем Ларри дуэт, называвшийся H. G. HANCOCK BAND.

Дейв играл на однострунной гитаре, а Ларри стучал по кухонной посуде. В двенадцать лет Дейв начал брать уроки игры на гитаре и проучился около двух лет. Он писал песни о своих друзьях или о своей собаке и записывал их на магнитофон - сначала гитару, а потом накладывал ударные.

В конце концов учиться ему надоело, и он стал играть в окрестных группах, исполнявших песни THE BEATLES и ROLLING STONES. Он тогда еще ничего не знал о панк-роке, но уже познакомился с «новой волной» в лице B-52 и DEVO.

Настоящий шок Дейв пережил летом 1982 года, когда

побывал у тети в Иллинойсе и познакомился со своей кузиной Трейси. Она была самым настоящим панком и щеголяла в навороченных кожаных штанах, вся увешанная цепями и подстриженная «ежиком». Трейси все лето водила Дейва с сестрой по самым различным панк-концертам, так что в результате оба почувствовали себя самыми настоящими панками. Дейву нравилось «быть просто маленьким засранцем-панком, слоняющимся по городу, быть маленьким отщепенцем». Но это была только одна из причин его увлечения панк-роком. Другая заключалась в энергии, излучаемой этой музыкой.

«Я был супергиперактивный», - вспоминал Дейв (не настолько, впрочем, чтобы его лечили риталином, как Курта).

Подобно Крису и Курту, в школе Дейв начал курить «траву», однако это стало для него настоящей проблемой. «Я курил слишком много, - вспоминал Дейв. - Это единственное, что я не могу себе простить, потому что это серьезно мне повредило. С пятнадцати до двадцати лет я курил четыре-пять раз в день и помногу. Каждый божий день. Это так изматывает. Ты не чувствуешь, что вымотан, пока куришь, но стоит тебе перестать, как ты понимаешь: «Со мной что-то не так».

Преуспевающие представители среднего класса, в основном населявшие Спрингфилд, относились к панк-року гораздо терпимее, чем замученные нуждой жители Абердина. Дейва окружало много единомышленников, и в школе он уже играл в «плохой», по его собственным отзывам, но все-таки панк-группе, которая называлась FREAK BABY. Вскоре выяснилось, что ударник совершенно не тянет, и за барабаны сел Дейв. Поупражнявшись некоторое время у себя в комнате на книгах, стульях и другой мебели, он вошел во вкус нового амплуа. Вскоре из группы пришлось выгнать бас-гитариста, поэтому бывший ударник переключился на бас, а Дейв - на ударные. Группа, отныне ставшая называться MISSION IMPOSSIBLE, играла быстрый хардкоровый панк, настолько быстрый, что пришлось сменить название на FAST.

В 1985 году вместе с Рубином Рэддингом, басистом местных знаменитостей АОС, которые только что распались, Дейв образовал группу DAIN BRAMAGE, которая выпустила единственный альбом, хорошо отражавший, по мнению Дейва, ту разновидность рока, которую они играли, а имен-

но «арт-панк и хардкор».

Для городского любителя «травы», каковым был в это время Дейв, совершенно естественным было стать поклонником LED ZEPPELIN. И еще более естественным для него было начать копировать манеру игры на ударных Джона Бонэма. «Я передирал его, как сумасшедший, - рассказывал Дейв, - а потом я раскусил фантастический запинаящийся звук «бочки» в «Kashmir», и это распахнуло передо мной миллион новых дверей».

В качестве шутки Дейв сначала изобразил бонэмовский логотип из трех кругов на своем большом барабане, а потом сделал себе аналогичную татуировку на руке, а также ее вариации на запястье и другой руке. Свою же первую татуировку - логотип BLACK FLAG на предплечье он сделал кустарным способом в возрасте тринадцати лет.

Когда Дейву исполнилось семнадцать лет, он бросил школу, поскольку гораздо больше диплома его привлекала возможность «увидеть мир и играть».

Позднее, когда Венди Кобейн встретила на телешоу «Saturday Night Live» в Нью-Йорке с Вирджинией Грол и обе женщины поговорили о своих сыновьях, они поразились, насколько те похожи.

Впрочем, сам Дейв отрицал это, хотя и признавал, что когда впервые побывал в доме, где прошло детство Курта, и увидел нарисованный на стене мозг со знаком вопроса, то вспомнил, как в седьмом классе по укурке он сделал аналогичный рисунок. Кроме того, Дейв соглашался, что и он, и Курт, оба порядочные лентяи.

Узнав, что местной хардкоровой группе SCREAM требуется ударник, Дейв пошел на прослушивание и был принят. Со SCREAM он записал два «живых» альбома и совершил несколько туров по США и Европе, пока в сентябре 1990 года, после скоропостижного отъезда домой бас-гитариста группы в ходе одного из туров, он не оказался в Лос-Анджелесе, совершенно один и без денег. Дейв позвонил Баззу Осборну, который, зная, что Курту и Крису нравилась игра Дейва, дал ему телефон Криса. Новоселич был в восторге и после нескольких вопросов, убедивших его, что Дейв слушает правильную музыку, пригласил его в Сиэтл.

Дейву уже приходилось слушать НИРВАНУ во время европейского тура вместе со SCREAM. Их звучание показалось ему похожим на звучание MELVINS, которые были близки его вкусу. Дейв разобрал свои барабаны, упаковал их

в большую картонную коробку и вылетел в Сиэтл.

Концерт в Motor Sports состоялся на следующий вечер после его прилета. В тот раз НИРВАНА не произвела на Дейва особенно сильного впечатления. «Я думаю, они выступили ничего, - вспоминал он. - Но они не потрясли меня. Перед ними выступали MELVINS, и я настолько погрузился в них, что к моменту выступления НИРВАНЫ был уже совершенно без сил».

Через несколько дней состоялось прослушивание Дейва. «Мы уже через две минуты знали, что это тот ударник, который нам нужен, - вспоминал Крис. - У него был сильный удар. Он был очень динамичен. Дейв был такой яркий, горячий, живой. Он играл рок».

Около месяца Дейв жил у Криса и Шелли, а потом переехал к Курту в Олимпию. Квартиру, в которой жил, он описывал как «маленькую, захлавленную, грязную и вонючую». Кровать, на которой ему приходилось спать, была короче его сантиметров на тридцать, а рядом помещался террариум с любимыми черепахами Курта, которые по ночам отчаянно стучали панцирями о стекло, пытаясь выбраться.

«Все это было очень необычно, - рассказывал Дейв. - Последние два с половиной года были очень необычными».

Курт и Дейв проводили время в чтении или просто в молчаливом разглядывании стен, а потом шли в дешевый кинотеатр или стреляли из духового ружья по двору. Они ложились спать в шесть утра, когда только рассветало, и просыпались на закате, так и не видя дня. Они практически не разговаривали.

В конце 1990 года Курт решил порвать с Тоби, которая была моложе его на несколько лет и явно не стремилась к завязыванию долговременных отношений. Однако именно такие отношения были нужны Курту. Очередная неудача на любовном фронте ввергла его в депрессию.

«Я просто устал от невозможности найти подходящую пару, которую я ищу всю свою жизнь, - рассказывал Курт. - Я устал от девушек, с которыми могу провести не более пары месяцев. Я всегда был старомодным на этот счет. Мне всегда была нужна девушка, с которой я мог бы долго находиться в хороших отношениях. Мне бы хотелось иметь много привязанностей, но мне всегда было нужно нечто большее, чем это».

Через несколько недель Дейв отработал свой первый концерт с НИРВАНОЙ в Олимпии. Это было потрясающее

шоу: Дейв играл с такой силой, что пробил малый барабан. Курт схватил пробитый барабан и поднял его над головой, чтобы все могли видеть - они нашли наконец настоящего ударника. И с этим мнением должны были согласиться все, кто присутствовал на концерте. Только теперь НИРВАНА обрела свое настоящее звучание.

Глава 2

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА, НОВАЯ ЛЮБОВЬ

«Это трудно объяснить. Он был очень клёвый, и у него были очень красивые руки. Курт казался мне очень красивым».

Кортни Лав

Между тем группа нуждалась в поддержке крупной фирмы, которая смогла бы выкупить контракт у Sub Pop и обеспечить НИРВАНЕ приличное существование. Еще летом 1990 года менеджер SOUNDGARDEN Сюзан Силвер познакомила членов группы с опытным юристом Эланом Минцем, который уже устраивал дела JANE'S ADDICTION и FAITH NO MORE. А позднее свои услуги предложил Джон Сильва из менеджерской фирмы Gold Mountain. Начались переговоры, неизменно проходившие в самых фешенебельных ресторанах. Во время встреч Курт молча поглощал изысканные блюда, а Крис налегал на выпивку. Вскоре им стало ясно, что они представляют для фирм такой интерес, что их будут приглашать на обед еще не раз и не два, что было для них очень даже кстати. «Нам казалось, начинается что-то важное», - вспоминал Дейв.

Поначалу члены группы были удивлены нешуточным вниманием крупных фирм к панк-группе из Абердина. А дело было в том, что после завоевания такими группами, как U2, R.E.M. и JANE'S ADDICTION золотых и платиновых дисков, стало ясно, что новым словом в индустрии звукозаписи стал альтернативный рок- Легковесный поп, доминировавший тогда в чартах, принес крупным фирмам быстрые деньги, однако они отчетливо ощущали нужду в музыкантах с долгосрочным потенциалом. Альтернативные группы хоро-

шо удовлетворяли этому требованию, к тому же лучшие из них имели за собой очень важный фактор - толпу преданных поклонников.

Вскоре Курт, Крис и Дейв стали понимать что к чему, и у них появилась надежда на определенный коммерческий успех. Во время переговоров с одной из фирм Курту пришла в голову шальная мысль: подписать контракт, взять предлагаемый миллион долларов и распасться, каковой трюк провернули целых два раза SEX PISTOLS. Однако, когда он поделился своими мыслями с Минцем, тот решил, что Курт шутит.

Наконец по рекомендации Gold Mountain выбор был остановлен на фирме Geffen Records, которая ранее уже хорошо проявила себя в раскрутке SONIC YOUTH. Договорились, что группа получает в качестве аванса 287 тысяч долларов и подписывает строгий контракт, предусматривающий в том числе выплату авторских отчислений в полном объеме в случае и после того, как альбом станет золотым. Тогда это никому и в голову не могло придти, однако, как потом выяснилось, отказавшись от большого аванса в пользу более высокого авторского вознаграждения, группа совершила ловкий коммерческий ход, принесший ей впоследствии миллионы долларов.

Отношения с Sub Pop были также урегулированы.

Фирма получала 75 тысяч долларов отступного и два процента от продажи последующих двух дисков, причем логотип Sub Pop сохранялся на задней обложке альбома Nevermind. Это, конечно, несколько снижало доход группы, зато помогло оказавшейся на грани банкротства фирме встать на ноги. «Не будь у нас этого соглашения, - вспоминал Поуниман, - мы с Брюсом уже мыли бы где-нибудь посуду».

В ожидании выплаты причитающегося НИРВАНЕ аванса Gold Mountain установила каждому из членов группы пособие в размере тысячи долларов в месяц. Этих денег, конечно, не хватало, и они были вынуждены заложить аппаратуру, чтобы прокормиться. Иногда они даже приторговывали майками с собственным изображением в одном из музыкальных магазинов Олимпии.

Это были тяжелые времена для группы. В отчаянии Курт стал искать утешения в героине. Тогда он употреблял его не чаще раза в неделю, то есть недостаточно часто, чтобы сформировалась зависимость, однако члены группы забеспокоились. «Я сказал ему, что он играет с динамитом, -

рассказывал Крис, которому Курт во всем признался сам. - Это сразило меня. Я был просто в шоке. Мне это совсем не нравилось. Я ничего не нахожу в этом дерьме. Я сказал ему, что об этом думаю». После этого Курт стал более скрытным, однако Крис всегда вычислял, когда тот был под кайфом.

В первый день 1991 года группа собралась на студии Music Source, где они записывали «Blew», и записала несколько вещей со звукооператором Крейгом Монтомгери, одна из которых - «Aneurysm», позднее появилась на альбоме Incesticide

4 января был составлен протокол о намерениях, а 30 апреля НИРВАНА подписала уже полноразмерный контракт с Geffen Records, которая только что открыла подразделение DGC, занимающееся альтернативной музыкой, после чего музыканты выехали в Лос-Анджелес для записи альбома. Группа настояла, чтобы запись осуществлял их старый знакомый Батч Виг, который уже знал многие из песен репертуара. Весь материал был достаточно перспективным, однако впервые услышав «Smells Like Teen Spirit» обычно хладнокровный Виг в возбуждении заходил по репетиционной студии.

Первым делом был взят напрокат малый барабан для Дейва. Выбрали самый громкий, который служащие между собой называли «Терминатором».

Они остановились в меблированной квартире в здании по соседству со студией, почему-то называвшемся «Дубрава». Крис потом со смехом описывал квартиру:

«Она была такая большая, вся розово-лиловая и зелено-ватоголубая. Мы, конечно, моментально загадили помещение, сломали кофейный столик и разбили картину с цветочным натюрмортом. Мы ведь находились в Лос-Анджелесе, и нам было нечего делать. Так приятно устроить вечеринку, когда ничего не беспокоит. Так приятно побеситься».

В «Дубраве» Курт стал объектом внимания женщины с чвчвроятным именем Кортни Лав. Кортни впервые увидела НИРВАНУ в клубе «Сатирикон» в Портленде, штат Орегон, в 1989 году. Тогда после выступления Курт по обыкновению удалился со сцены, чтобы не участвовать в собираннии аппаратуры. Он подошел к столику Кортни, сел и налил себе пива из ее кувшина. Курт смотрел на нее, а она на него. Позднее Курт вспоминал, что она выглядела, как Нэнси Спанн-жен, подруга Сида Вишэса из SEX PISTOLS, которую тот в конце концов зарезал. Они немного поболтали, и Курт пода-

рил ей несколько наклеек с изображением обезьянки Чим-Чим и логотипом НИРВАНЫ.

Впоследствии Кортни вспоминала, что уже тогда почувствовала влечение к Курту. Причем, рассказывая об этом, она мялась и чуть ли не краснела, что в общем-то для нее не характерно.

«Я не знаю, - говорила она. - Это трудно объяснить. Я просто думала, что он красивый. Он был очень клевый, и у него были очень красивые руки. Курт казался мне очень красивым».

Кортни была на пару лет старше Курта и также происходила из распавшейся семьи. Она родилась в Портленде, штат Орегон, в 1965 году. Ее мать, Линда Кэррол, была дипломированным психотерапевтом и занималась гештальт-терапией, однако жила в основном на доходы от наследства, доставшегося ей от приемных родителей. Отец Кортни, Хэнк Хэррисон, одно время был дорожным менеджером легендарной культовой группы GRATEFUL DEAD, но в основном просто тусовался с группой. «Меня воспитывали белые отбросы, которые считали себя хиппи», - так отзывалась

Кортни о своих родителях.

Ее настоящее имя было Лав Мишель Хэррисон, и в возрасте трех лет она уже побывала на знаменитом Вудстокском фестивале, а «кислоту» начала принимать еще до того, как пошла в школу. Мать Кортни любила путешествовать: некоторое время они жили в Новой Зеландии и Австралии, а потом вернулись в Штаты, где Кортни наконец пошла в школу.

Кортни была умна и много читала, однако у нее были постоянные проблемы с учителями. Она бросила школу, как только ей исполнились положенные по закону 16 лет. Причиной этого явились ее уже тогда непомерные амбиции: 11 Она сама признавалась впоследствии, что начиная с девяти лет внимательно просматривала подростковую прессу, чтобы узнать кто из ребят ее возраста уже пользуется известностью а после этого долго сидела с надутым видом, испытывая к'счастливчикам безумную зависть.

Первым шагом на пути к известности явилось возвращение в Портленд, где она зарабатывала себе на жизнь, выступая в стриптизе будучи еще подростком. Она оказалась в этом деле достаточно способной и попала в группу «танцующих девушек», получивших контракт на выступление в одном из только что открывшихся клубов в Японии.

После этого она ненадолго вернулась в Соединенные Штаты а потом отправилась в Дублин, где некоторое время изучала гуманитарные науки в Тринити-колледже и делала снимки для влиятельной ирландской рок-газеты «Hot Press».

Ободренная своим опытом жизни в Дублине, Кортни переехала в Ливерпуль, являвшийся в то время колыбелью пост-панковской новой волны. Этот период ее жизни был ознаменован неумеренным потреблением ЛСД и многочисленными романами с местными знаменитостями пост-панка вроде Джулиана Коупа из TEARDROP EXPLODES и членами группы ECHO AND THE BUNNYMEN. В результате Кортни скоро оттуда попросили. Джулиан Коуп впоследствии описывал Кортни как «жадную до наркотиков пиявку, присасывающуюся к группам» и строящую из себя Нэнси Спанджен.

В 1984 году Кортни вернулась в Портленд, где пробовала стать актрисой, однако уже через год этот интерес угас. Она переехала в Миннеаполис, где решила создать со своей старой подругой Кэт Бьелланд группу SUGAR BABY DOLL, которая довольно быстро приказала долго жить. Как правило, Кортни вышибали из групп ее же собственные товарки.

Она пробовалась на главную роль в фильм режиссера Алекса Кокса «Сид и Нэнси» на роль Нэнси Спанджен, однако он ее не взял, хотя она была очень похожа на главную героиню. Не получив роль в этом фильме, вышедшем в 1987 году, Кортни от обиды отправилась на остров Гуам выступать в баре и сниматься в порнухе. Наверное, это пошло ей на пользу, потому что в следующем фильме Алекса Кокса, жутком пост-панковском вестерне «Straight To Hell», она уже получила небольшую роль. Съемки проходили в Испании, в фильме участвовали также THE POGUES, Элвис Костелло и Джо Страммер.

По возвращении она перебралась в Сан Франциско, где со свойственным ей умением воспользоваться случаем свела дружбу с молодым клавишником Родди Ботамом из тогда мало известной местной группы FAITH NO MORE и какое-то время даже пела в составе группы. Однако ее диктаторские замашки всех быстро достали, и Кортни выставили.

Потихоньку ей начало надоедать такое существование, и в 1988 году Кортни решила добиться известности по-настоящему.

Она дала объявление в калифорнийской газете «Recycler» о том, что хочет набрать группу в соответствии со своими музыкальными пристрастиями: SONIC YOUTH,

BIG BLACK, FLEETWOOD MAC. Путем прослушиваний и встреч с возможными кандидатами новая группа, в которую вошли гитарист Эрик Эрландсон, барабанщица Кэролайн Лу и бас-гитаристка Джилл Эмери, вскоре была создана. Она получила название HOLE и довольно скоро приблизилась к культовому статусу, даже стала претендовать на роль лидера женского американского гранджа. Так или иначе, но на рубеже 90-х годов Кортни уже была хорошо известна в независимой тусовке.

После первой встречи Курта и Кортни прошло некоторое время, каждый из них приближался к собственной славе семимильными шагами, но в декабре 1990 года через свою подругу Дженнифер Финч Кортни познакомилась с Дейвом Гролом. После того как она призналась Дейву, что без ума от Курта, Дейв сказал ей, что она тоже произвела на него впечатление, однако Кортни не очень этому поверила.

Тем не менее она передала через Дейва посылочку для Курта - шкатулку в виде сердца, наполненную морскими ракушками, сосновыми шишками, маленькими чайными чашечками и куколками. На это страстное послание Курт так и не ответил, и впоследствии Кортни клялась, что не забудь она об этом, не стала бы больше преследовать его своими домогательствами.

Курт и Кортни встерлись снова на шоу в Лос-Анджелесе в мае 1991 года. Чтобы поведать о своих чувствах, Кортни тогда ударила его кулаком в живот. Он дал ей сдачи, бросился на нее, и они стали бороться. Спустя некоторое время Кортни поднялась, пнула Курта ногой и удалилась. «Это был брачный ритуал людей с нарушенными функциями», - со смехом вспоминала потом Кортни.

Хотя многие до сих пор считают Кортни ловкой охотницей за знаменитостями, она утверждает, что в то время даже не предполагала, что Курт может стать кем-то большим, чем просто культовая фигура. «Я думала, что стану более известной, чем он, - говорит она. ~ Это было для меня совершенно очевидным». Теперь ей кажется, что замужество за Куртом Кобейном плохо отразилось на ее карьере.

Кортни жила всего в одном квартале от «Дубравы» и заходила туда довольно часто. Крис не проявил к ней никакого интереса, а с Куртом они делились познаниями в области наркосодержащих лекарств. Впоследствии Курт признавался, что тогда толком не знал, хочет ли он сблизиться с Кортни. К тому же предстояла работа над альбомом.

Глава 3

NEVERMIND НА СТУДИИ И В ЖИЗНИ

«Каждый раз, когда я оглядываюсь на лучший период нашей группы, убеждаюсь — он был как раз перед выходом Nevermind. Это было так здорово. Тогда группа была в особом ударе -мы старались изо всех сил. и возбуждение было так велико, что явственно ощущался его вкус».

Курт Кобейн

Запись нового альбома проходила в мае-июне 1991 года на Sound City Studios, где некогда записывался FLEETWOOD MAC. Одной из причин того, что альбом оказался настолько удачным, Курт считал саму атмосферу Лос-Анджелеса. «Это было так приятно - неожиданно оказаться в теплом, тропическом климате, - вспоминал он. - Не думаю, что все получилось бы так же хорошо, если бы мы записывались в Вашингтоне».

Они работали по восемь-десять часов в день, иногда играя для отдыха музыку старых кумиров вроде Элиса Купера, BLACK SABBATH и AEROSMITH. Дейв бил по барабанам с такой силой, что пластик на них приходилось менять буквально через каждую песню.

Продюсеру этого альбома Батчу Вигу каждый раз стоило большого труда заставить Курта сделать второй дубль, поэтому он пускал ленту даже тогда, когда Курт просто разогревался, чтобы не пропустить что-нибудь ценное. Курт, со своей стороны, отработал вокал настолько хорошо, что он едва ли отличался от записи к записи, так что Виг часто пользовался этим для создания эффекта дополнительного голоса.

Что же касалось записи инструментов, то с этим все обстояло сложнее. Вигу хотелось получить более плотное звучание путем наложения гитары, однако это не нравилось Курту, которого приходилось долго убеждать записать еще одну инструментальную партию.

В «Territorial Pissings», несмотря на протесты Вига, Курт подключал свою гитару прямо к пульту, минуя усилитель, в стиле бесчисленных бедных панк-групп конца 70-х и начала 80-х. Песня была записана с первого раза. В ее начале Крис поет (скорее, произносит) часть хиппового хита конца

60-х «Get Together» группы YOUNGBLOODS. Крис утверждает, что у него это получилось спонтанно. Его попросили что-нибудь спеть, и он запел именно эту песню. «Может быть, я сожалею о былых идеалах, - рассуждает он. - Что случилось с этими идеалами? «Собирайтесь все вместе, любите друг друга». А теперь вот «Разметка мочой территории».

Виг вспоминал, что больше всего проблем было с «Something In The Way», написанной всего за неделю до записи. Они попробовали несколько раз, но получалось плохо. Тогда Виг позвал Курта в операторскую и спросил его, как, по его мнению, должна звучать песня. Курт присел на кушетку и пропел песню едва слышным шепотом, аккомпанируя себе на акустической гитаре. «Оставайся здесь», — сказал ему Виг, а сам помчался в офис и попросил выключить все телефоны, вентиляторы и другую технику. Песня так и была записана - с выведенными на максимальный уровень регуляторами. Потом добавили бас, ударные и дополнительный вокал.

За несколько недель до начала записи Курт показал группе рифф, который они затем обыгрывали около часа, используя различные аранжировки. В результате получилась песня, которую Курт назвал «Smells Like Teen Spirit». Поначалу вещь не понравилась Крису, однако, когда она была записана, он не мог скрыть своего восторга.

Крис и Дейв записали свои основные трэки за несколько дней, а Курту еще предстояло записать вокал, наложение гитары и написать слова к нескольким песням. Этот процесс часто задерживал запись, пока Курт не находил нужных слов. Так, большинство слов в «On A Plain» он написал за несколько минут до записи.

Курт не знал ни одного наркоторговца в Лос-Анджелесе, поэтому вместо героина для подзарядки постоянно пил микстуру с кодеином, не считая полбутылки «Джека Дзни-эlsa» ежедневно.

После окончания записи Виг сразу же приступил к микшированию, однако микс получался плохой - в нем не доставало энергии, особенно в отношении ударных. Заметив, что Виг устал, руководитель записи Гэри Герш воспользовался случаем, чтобы пригласить для завершения работы ветерана студий Энди Уоллеса, благодаря которому альбом приобрел окончательную гладкость звучания, устроившую руководство Geffen Records.

«Оглядываясь на Nevermind, - говорил Курт, - я теперь

даже не знаю, как к нему относиться. Это больше похоже на диск MOTLEY CREW, чем на панк-рок». Однако грань между коммерческим и альтернативным звучанием, как показало время, была выдержана правильно, что и позволило в конечном итоге продать более восьми миллионов дисков.

В середине июня, сразу после окончания записи, НИРБАНА совершила короткий тур по Западному побережью вместе с DINOSAUR JR., во время которого стало очевидно, что публика была в большем восторге от НИРБАНЫ, чем от признанных знаменитостей. В тур вместе с группой поехала Шелли, которая успешно торговала майками.

В августе НИРБАНА отправилась в европейский фестивальный тур вместе со своими недавними кумирами SONIC YOUTH, а также с DINOSAUR JUNIOR. «Это был жуткий тур», - так отзывался о нем Крис. Ему это было известно, наверное, лучше всех. Уже в самом начале путешествия он от тоски по Шелли так налег на выпивку, что Джону Сильве пришлось звонить ей и просить присоединиться к группе.

Члены SONIC YOUTH всячески опекали своих новых фаворитов, рекламируя их и следя за тем, чтобы с ними все было в порядке. Если Курт во время выступления вдруг прыгивал со сцены, рядом всегда оказывался Терстон МУР, чтобы затащить его назад.

Это было идиллическое время, когда члены НИРБАНЫ, SONIC YOUTH и DINOSAUR JR. тусовались вместе, совместно выпивали и вели долгие разговоры о музыке, и никто из них еще не был мировой звездой. НИРБАНА выступала на фестивалях впервые. Им все было в новинку и все было интересно.

«Самое лучшее время для группы - незадолго перед тем, как она становится по-настоящему популярной, - говорил Курт. - Я бы предпочел играть в группах, которые делают это каждые два года. Каждый раз, когда я оглядываюсь на лучший период нашей группы, убеждаюсь - он был как раз перед выходом Nevermind. Это было так здорово. Тогда группа была в особом ударе - мы старались изо всех сил, и возбуждение было так велико, что явственно ощущался его вкус».

Весь тур сопровождался оглушительным пьянством.

Особый пункт контракта предусматривал бесплатную выпивку (бутылку водки и бутылку виски) на каждое выступление. Дейв поначалу практически не пил, в отличие от Кур-

та и Криса, однако в конце концов он тоже сломался и успевал осушить бутылку красного вина во время исполнения безударной «Polly».

На фестивале в Рединге (Англия) Курт все-таки вывихнул себе плечо, хотя обычно его головокружительные прыжки на ударную установку заканчивались лишь ушибами. Полушутя-полусерьезно он утверждал, что его тело защищено от серьезных травм неким щитом. К этому времени НИРВАНА в совершенстве отработала трюк с тщательной расстановкой многочисленного оборудования и последующим разнесением его в щепки за какие-нибудь пятнадцать минут к неизменному восторгу публики.

На фестивале в Бельгии с красноречивым названием «Pukkelpop», что переводится как «Прыщава попса», НИРВАНА должна была выступать около одиннадцати утра, однако это не помешало членам группы основательно надраться еще до выступления. Но просто напиться у них уже не котировалось, хотелось еще и зрелищ.

Тогда в качестве развлечения они поменяли таблички с именами за обеденными столами, так что в результате музыканты RAMONES с сопровождением из двенадцати человек оказались за двухместным столиком, предназначавшемся для лидера PIXIES Блэка фрэнсиса и его девушки. Даже Джон Сильва из менеджерской компании оказался вовлеченным в сумятицу, возникшую из-за еды. Курт же ходил с табличкой «Блэк Фрэнсис» на груди целый день, а к вечеру подобрался к сцене, на которой Блэк Фрэнсис как раз исполнял соло, и окатил того пеной из огнетушителя. После этого ему лишь чудом удалось спастись от толпы разъяренных охранников.

Во время пребывания НИРВАНЫ в Бремене поприветствовать их зашла представительница местного филиала МСА, являющегося дочерней компанией Geffen Records. В качестве сувенира она преподнесла членам группы мусорное ведро в виде баскетбольной корзины, которое имитировало восторженный шум толпы после каждого удачного попадания. Само же ведро было наполнено сладостями и американскими журналами, а на дне его лежала карточка с надписью «Добро пожаловать в Германию и на МСА!» Когда представительница фирмы зашла проведать НИРВАНУ после выступления, она застала вдреизг пьяных членов группы, как раз довершающих разгром помещения, по которому были раскиданы в разные стороны ее подарки, а посреди комнаты

лежала злополучная карточка с отчетливой надписью: «Fuck you!» Как потом выяснилось, это была работа бас-гитаристки SONIC YOUTH Ким Гордон, которая, зайдя в комнату во время выступления НИРВАНЫ, обнаружила на мусорном ведре карточку и решила несколько дополнить пожелание.

Тем же вечером, давая интервью в гастрольном автобусе, Курт настолько заигрался с зажигалкой, что поджег занавески. Их быстро залили водой, но буквально через секунду в дверь постучали, и все та же представительница фирмы была встречена облаком едкого дыма, вылетевшего из автобуса. Этой же ночью им позвонил Джон Сильва и попросил вести себя «поспокойнее». Однако это было довольно трудно. Казалось, что осуществляются самые безумные фантазии Курта.

После выступления в Роттердаме, последнем пункте тура, вконец упившийся Крис в спущенных штанах, которые болтались где-то у лодыжек, и с бутылкой в руке забрался на стойку с динамиками. Пока охранники стаскивали его вниз, уже Курт начал крушить все, что попадалось ему под руку. Один из охранников замахнулся на Криса, и на сцене завязалась драка.

Такие поездки не проходят бесследно, поэтому группа решила немного отдохнуть дома, а затем отправилась в Лос-Анджелес для съемок клипа «Smells Like Teen Spirit». Курт сделал набросок сценария, который первоначально включал в себя сцены, напоминающие ролик RAMONES под названием «Rock & Roll High School» или, скорее, «Over The Edge», великолепный фильм конца 80-х о банде малолетних преступников, которые курят «траву», пьют вино и разносят вдребезги все, что попадает на глаза. В финале фильма их родители съезжаются в школу на собрание, а детки запирают их внутри, крушат их машины и, в конце концов, поджигают здание. «Этот фильм очень хорошо определял мою личность, - говорил Курт. - Там все было просто классно.

Полная анархия».

Идеи Курта не пришлись по вкусу режиссеру Сэму Бэйеру, однако анархия все-таки царила на съемках, когда собравшаяся на массовку толпа, устав от долгого ожидания, покинула свои места на трибуне и принялась безумствовать внизу. При этом поклонники едва не задавили Курта и украли гитару Криса и тарелки Дейва. Таким образом атмосфера молодежного бунта была передана в ролике вполне реально.

Несмотря на все элементы «альтернативности» «Smells Like Teen Spirit» является классическим образчиком массового видеоискусства: здесь есть милые девушки в откровенных одеждах, новые танцы, последние моды и длинноволосые парни, играющие на гитарах. Отличие состоит лишь в том, что здесь впервые появились признаки нового поколения - фланелевые рубашки, татуировки и символы анархии.

Все это хорошо соотносилось с музыкой НИРВАНЫ.

13 сентября в одном из престижных баров Сиэтла состоялась презентация Nevermind, ознаменовавшаяся грандиозной пьянкой, после чего группа сразу же уехала в тур по США и Канаде. Едва увидев Курта с гитарой, на которой было написано: «Вандализм прекрасен, как камень (rock) в лицо копа», - менеджер тура понял, что с этим парнем у него будет много хлопот.

Когда Курт и Крис еще сотрудничали с Sub Pop, их всегда раздражало то, что за все время работы с этой фирмой они дали всего несколько интервью. Когда они упомянули об этом в отделе паблицити Geffen/DGC, те быстро организовали на все время тура штук по шесть интервью в день для каждого из членов группы. Очень скоро ребята поняли, что это довольно тяжелая работа, однако они прекрасно понимали и то, что это поможет им продать больше дисков. Два месяца спустя все журналы, которым они дали интервью, появились одновременно, создав вокруг НИРВАНЫ настоящий бум.

К этому времени до Кортни стали доходить слухи о том, что она не сходит с языка у Курта. Такое известие казалось слишком хорошим, чтобы в него поверить, так как после нескольких летних встреч с ней Курт решил не обременять себя долгими узами и поспешил расстаться. Кортни стала звонить Дейву в те города, где останавливались музыканты группы, и в конце каждого разговора просила позвать к телефону Курта, который жил вместе с Дейвом. Через несколько дней они уже общались, не прибегая к помощи Дейва.

Наконец, 12 октября, когда НИРВАНА выступала в одном из кабаре Чикаго, в зале неожиданно появилась Кортни. Только тогда, по ее словам, они с Куртом в первый раз поцеловались, и Кортни тут же побежала звонить подруге в Лос-Анджелес, чтобы сообщить об этом. Остаток вечера они провели борясь и бросая друг в друга бокалы. У Кортни почему-то оказался с собой чемодан с дамским бельем, кото-

рое Курт не замедлил примерить, и тут же принялся щеголять в обновках перед окружающими. В результате их дважды вышибали из заведения. А потом они завалились в номер Курта и там занимались любовью столь громко и страстно, что разбуженный Дейв был вынужден уйти досыпать в номер звукооператора Крейга Монтгомери.

Между тем Nevermind буквально сметался с магазинных полок, однако, находясь в туре, сами члены группы понятия не имели о том, что происходит. Лишь спустя несколько недель кто-то сказал Курту, что альбом продается и MTV постоянно крутит «Smells Like Teen Spirit». Курт вспоминал, что, впервые увидев себя по телевизору, испытал что-то вроде опыта выхода из тела. «Боже, я ли это?» - ДУ" мал он.

Неожиданно выяснилось, что существует еще одна НИРВАНА, образованная в конце 60-х, музыканты которой теперь требовали прекратить использование радио и телевидением ее названия без разрешения. Дело дошло до суда, однако в конце концов «старички» согласились уступить свое название за пятьдесят тысяч долларов.

С каждым проданным экземпляром своего нового альбома НИРВАНА имела все меньшее представление о том, кем являются ее слушатели. У них был хороший контакт с независимой тусовкой, состоявшей в основном из учащихся колледжей, которые были достаточно умны, прогрессивны в социальном плане и хорошо разбирались в музыке. Теперь же на их концертах было полно тупоголовых «качков», ребят из студенческих братств и «металлистов». От своей новой аудитории НИРВАНА была отнюдь не в восторге.

«Когда мы работали над этим диском, - вспоминал Крис в интервью журналу «Rolling Stone», - у меня было такое чувство, что они противостоят нам. Все эти оболваненные люди, размахивающие флагами. Я их просто ненавижу. И вдруг они все покупают наш диск, а я думаю: «Вы же в этом ничего не понимаете».

Аналогичные чувства испытывал и Курт, который признавался, что ему было просто противно во время тура от того, что «на наши концерты приходило много обычных людей, а я не хотел, чтобы они приходили. Они мне действовали на нервы». Не удивительно, что вандализм в отношении инструментов достиг в этот период своего апогея.

Апофеозом в этом отношении явился концерт в Далласе. У Курта было очередное обострение его хронического

бронхита, и он чувствовал себя очень плохо. В день концерта его посетил врач и дал какой-то мощный антибиотик, забыв предупредить Курта о том, что в этот день ему следует воздерживаться от алкоголя. В результате Курт, по обыкновению много пивший в этот вечер, почувствовал себя так, словно «принял много «винта» или чего-то в этом роде».

На протяжении всего тура Курт постоянно жаловался, что не слышит себя в мониторах, но, кажется, никому не было до этого дела. Между тем, он терял голос, и выступления становились бесцветными. На этот раз в середине песни Курт неожиданно схватил свою гитару и с размаху ударил ею в монитор, стоявший рядом со сценой. Он разбил свой «Мустанг» и пробил один из двух динамиков монитора. После долгого перерыва, во время которого публика дружно скандировала: «Дерьмо! Дерьмо!», - монитор удалось запустить через оставшийся динамик, и группа почти благополучно доиграла до конца.

К несчастью, мониторы принадлежали лучшему другу одного из организаторов концерта, который к тому же на нем присутствовал. Когда во время исполнения «Love Buzz»

Курт прыгнул в зрительный зал, обиженный организатор схватил его за волосы и начал бить. Не долго думая, Курт закатал ему в лоб гитарой. Разъяренный организатор повалил Курта на пол и начал бить его ногами. Дело спасло лишь вмешательство Криса, который встал между дерущимися.

Однако на этом все не закончилось, и после концерта организатор поджидал группу на улице с компанией своих друзей. НИРВАНА ретировалась на такси, однако машина, как назло, попала в пробку. Организатор с друзьями принялись бить по машине ногами, и один из них, разбив стекло, едва не схватил Курта, но в этот момент машина резко рванула с места. Немного отъехав, водитель притормозил у тротуара, достал из-за солнцезащитного козырька «косяк», и все сделали по несколько затяжек, чтобы успокоиться.

К концу октября Nevermind стал золотым, а объем продаж намного превысил ожидания как Geffen/DGC, так и Gold Mountain. «Нирванамания» охватила Соединенные Штаты.

Люди стояли в очередях за вожаком группы, критики обсуждали многозначность и глубину куртовой лирики, а на андеграундной сцене стали поговаривать о революции. Невозможно было включить телевизор, чтобы не наткнуться на «Teen Spirit», а в Сиэтле некуда было спрятаться, чтобы не слышать разговоры об успехе НИРВАНЫ и о том, что все

это должно значить.

Даже сам Курт не мог понять, с чем связана вся эта шумиха. «Я, конечно, не мог позволить своему эго признать, будто мы настолько велики, что заслуживаем так много внимания, - вспоминал Курт, - но я знал, что наша музыка лучше, чем у 99 % групп, работающих на коммерческом уровне. Я знал: мы в тысячу раз лучше, чем эти траханные GUNS N' ROSBS или WHITESNAKE или что-либо еще из этого дерьма. Я чувствовал себя глупо из-за того, что на андеграундной сцене есть много групп, столь же хороших, как мы, или лучше нас, но почему-то только мы привлекаем внимание».

Чтобы исправить положение, НИРВАНА стала рекламировать те из малоизвестных групп, которые, по ее мнению, заслуживали этого. Некоторым из них такая реклама позволила заключить контракты с крупными фирмами. «Дело не в том, что группы взяли и подписали контракты, - объяснял Курт, - а в том, что какой-то идиот в городе теперь будет ждать их альбомов».

В декабре Nevermind стал платиновым, а на счета музыкантов стали приходить круглые суммы. Крис и Шелли, решив сначала сиять для себя небольшой домик, в конце концов просто купили его, выложив 265 тысяч долларов.

* * *

Nevermind вышел без текстов песен. «Думаю, мне не хватило уверенности», - объяснял Курт. Вначале он хотел напечатать некоторые из своих стихотворений, потом всякий «революционный мусор», потом вообще ничего - ни рисунков, ни стихов. В последнюю минуту он выбрал несколько строчек из песен (и пару таких, которых нет ни в одной песне) и объединил их в одно стихотворение.

В то время как людям старшего поколения лирика Курта представляется бессвязной, его образы, идеи и эмоции наилучшим образом воспринимаются сознанием подростка, которому трудно долго концентрироваться на одном предмете.

«Я очень редко пишу об одной теме или одном предмете, - рассказывал Курт. - Эта тема мне скоро надоедает, и дальше в песне я пишу о чем-либо другом, так что она заканчивается совсем другой мыслью».

Подобно Блэку фрэнсису из PIXIES Курт в своей лирике

избегает прямолинейности. В наиболее удачных его строчках музыка и слова соединяются, чтобы породить отчетливое третье восприятие. Большая часть его лирики происходит из стихов, которые Курт писал перед сном в измятых записных книжках, поэтому весь ее импрессионизм обусловлен скорее сопоставлением внешне несвязанных между собой строчек, чем использованием приема «потока сознания». В результате получается своеобразный музыкальный тест Роршаха, однако более важно то, что этот материал взаимодействует с другими идеями и эмоциями, выраженными логически связно. Впрочем, иногда и сам Курт запутывается во всем этом. «Что, черт возьми, я хочу сказать?» - поет он в «On A Plain».

В своей лирике Курт часто прибегает к столкновению крайностей и противоположностей, что очень оживляет песни. Одним из наиболее темных мест является часть припева в «Smells Like Teen Spirit»:

Мулатка, альбинос,
Москит, мое либидо

На самом деле, это всего лишь две пары противоположностей, забавный способ описать сексуальное возбуждение рассказчика. Часто в песнях Курта идея возвышается лишь для того, чтобы потом низвергнуть ее потоком цинизма. Даже в музыке находят отражение динамические контрасты образности. Во многих из песен - прежде всего в «Smells Like Teen Spirit» и «Lithium» - приглушенное, монотонное звучание сменяется кричащим взрывом эмоций, однако в альбоме присутствуют и акустическая «Polly», и величественная «Something In The Way».

Курт был достаточно проницателен, чтобы понять то, что противоречия - это выражение его собственной природы и, возможно, природы его аудитории. «Иногда я бываю тупым нигилистом, а в другое время я искренен и раним, - говорил Курт. - Так рождается каждая песня. Это как бы смесь того и другого. Таковы большинство людей моего возраста. Они то полны сарказма, то вдруг становятся заботливыми. За этим трудно уследить». Наверное, лучше всего это нашло выражение в «Smells Like Teen Spirit».

«да ничего особенного там нет, просто обыкновенное дурачество, - рассказывал Курт. - Это была одна из моих идей. Я чувствовал себя обязанным описать свои чувства по

поводу своего окружения, своего поколения и людей своего возраста».

Однажды ночью Курт и подруга Тоби Кэтлин Ханна из группы BIKINI KILL, подвыпив, решили заняться граффити и украсили Олимпию «революционными» и феминистскими лозунгами (включая вечно популярный «Бог - гей!»). Когда они вернулись домой к Курту, то продолжили разговоры о подростковой революции, одновременно разукрашивая надписями стены квартиры. Ханна написала тогда: «Курт пахнет «Духом подростка».

«Я принял это за комплимент, - вспоминал Курт. - Я думал, что это реакция на наш разговор, но на самом деле она имела в виду, что я пахну дезодорантом. Я узнал о существовании этого средства лишь спустя несколько месяцев после выхода сингла. Я никогда не пользовался ни одеколоном, ни дезодорантом».

На самом деле, едва попав в Олимпию, Курт оказался немедленно вовлеченным в дискуссию о «подростковой революции», идеей которой тогда была увлечена местная тусовка, называемая Куртом «кальвинистами».

Возможно, «кальвинистам» и не понравилось бы такое сравнение, однако во многих отношениях цели подростковой революции совпадали с целями Нации Вудстока. Имелось в виду, что молодежь создает и контролирует собственные культуру и политику, выводя их таким образом из-под опеки циничного и коррумпированного старшего поколения. Молодежная культура должна была стать честной, доступной и справедливой во всех отношениях - художественном, деловом и даже в плане аудитории, в противоположность поразившей Америку корпоративности.

Курт не сомневался в серьезности намерений «кальвинистов», и ему нравились их идеи, однако их виды на будущее вызывали у него сомнения. Их альтруизм казался ему наивным.

«Все на андеграундной сцене стремятся к Утопии, но существует так много различных фракций, и они так разьединены, что это невозможно, - говорил Курт. - Если вы не можете объединить траханное андеграундное движение и прекратить грызться между собой по поводу ничего не значащих вещей, то как вы рассчитываете произвести эффект на широкую публику?»

Курт даже ощущал давление на НИРВАНУ. «Я просто чувствовал, что от моей группы ждали, чтобы она вела

борьбу в революционном смысле против огромной корпоративной машины, - вспоминал Курт. - Этого ждали много людей, которые говорили мне: «Ты можешь использовать это как инструмент. Ты можешь использовать это, чтобы изменить мир». Я тогда думал: «Как вы смеее оказывать на меня такое давление. Это глупо». И я сам чувствовал себя глупым и заразным».

Таким образом, «Smells Like Teen Spirit» - это саркастическая реакция на идею реальной революции, но, с другой стороны, это принятие самой идеи. Однако смысл возникает не из конфликта двух противоположных идей, а из того смятения и ярости, которые этот конфликт порождает в рассказчике - он в ярости от того, что пребывает в смятении.

Строчка «Это так весело - проигрывать и притворяться» указывает на притягательность альтруизма, подразумевая одновременно его тщетность.

«Вся песня состоит из противоречащих друг другу идей», - объяснял Курт. - Она высмеивает мысль о настоящей революции. Однако это приятная мысль».

Одна из сторон принятия революции - это критика апатичных людей, которым чужды ее идеалы. Курт прекрасно сознавал, что его поколение в большей степени поражено апатией, чем другие.

«От нас ждали, что мы прольем немного света на свои идеалы, откуда мы пришли, но в действительности мы не способны даже на это. Мы неплохо с этим поработали, однако это никогда не было нашей первостепенной целью».

«Smells Like Teen Spirit» звучит яростно, даже грубо, вокал скорее напоминает крик, чем песню. Возможно, эта злость, постоянно присутствующая в музыке НИРВАНЫ, явилась отражением неурядиц в семье Курта, однако сам Курт считал: «Во мне накопилось достаточно гнева против общества, чтобы я стремился играть именно такую музыку».

Существенным отличием «Smells Like Teen Spirit» от предшествующих вещей подобного рода явилось то, что в ней нет упрека старшим поколениям - вина за все возлагается на самих слушателей. Это предполагало наличие у них чувства ответственности, что плохо соответствовало распространенному в тусовке стереотипу «пофигиста». Впоследствии Курт признавался, что, видимо, перегнул палку с обвинениями.

«Это не дало никаких положительных результатов, - говорил он. - Только оттолкнуло людей и пробудило в них

чувства, которые испытывают к злему отчиму». Курт категорически возражал против того, что ему приписывала пресса - будто он «ненавидит свою аудиторию за ее апатичность».

«Хотите вы признать это или нет, но сознание людей меняется в лучшую сторону, и они становятся более человечными. Я всегда был оптимистом, просто во мне сидит маленький Джонни Роттен, которому положено быть саркастическим засранцем», - говорил Курт.

«In Bloom» первоначально была направлена против случайных на андеграундной сцене людей, которые стали ломиться на концерты НИРВАНЫ после выхода альбома Bleach. Впрочем, это только добавило группе популярности. В песне перемешаны образы расцвета и упадка, а в припеве речь идет о парне с ружьем, который любит подпевать песням НИРВАНЫ, но «не знает, что все это значит». Ирония заключается в том, что мелодия песни настолько привязчива, что ей действительно хочется подпевать. Это также намек на бывших членов группы вроде Дейва фостера, Джейсона Эвермана и Аарона Буркхарда, которым искренне нравилась музыка группы, но при этом была чужда панковская идеология Курта и Криса.

Звучание «Come As You Are» не похоже ни на одну из песен на диске. Она отражает трансформацию Курта из мизантропа в более открытого человека.

«Я устал от людей, которые выносят суждения о других людях и ожидают, что те будут соответствовать их представлениям, - говорил Курт. - Я занимался этим всю свою жизнь. Я - Рыба, а для Рыбы естественно сердиться на людей за то, что они ведут себя не так, как тебе бы хотелось, поэтому ты все время на кого-нибудь сердит. Я от этого просто устал». Рассказчик признается, что не знает, каким должен быть другой человек, но он готов принять другого человека со всеми его противоречиями. Он добавляет, что не будет его ни за что осуждать: «И клянусь, у меня не будет ружья».

В начале песни «Breed» Курт сначала кричит «Мне плевать!», потом «Я не против» и наконец «Я боюсь», уже тем самым сказав все, что нужно: об обуревающей его апатии, равнодушии и страхе. Строчка «Я не против, если у меня не будет ума» служит в данном случае просто дополнительным украшением.

Название «Lithium» связано с применением солей лития

в психиатрической практике в качестве средства, купирующего маниакально-депрессивные состояния. Здесь Курт несколько осовременил формулу Маркса, назвавшего религию «опиумом для народа». Курт рассказывал, что эта песня, возможно, была инспирирована воспоминаниями о семье его абердинского друга Джесси Рида, которая принадлежала к религиозному движению «возрожденные христиане». Курт признавался, что не относится к религии однозначно отрицательно. «Мне всегда казалось, что некоторым людям религия нужна, - говорил он. - Это хорошо. Если она может кого-нибудь спасти, то все в порядке. А герою этой песни спасение необходимо». Песня не носит отчетливого автобиографического характера, однако нетрудно заметить совпадения между тем отчаянием и одиночеством, которые Курт испытывал в Олимпии, и состоянием, в котором находится герой «Lithium».

Песня «Polly» основана на реальных событиях, произошедших в Такоме в июне 1987 года. Тогда маньяк по имени Джеральд френд похитил четырнадцатилетнюю девушку, возвращавшуюся с панк-концерта, которую затем он подвешивал вниз головой в своем доме на колесах, насиловал и пытал с помощью кожаной плетки, бритвы, горячего воска и паяльной лампы. В конце концов девушке удалось бежать, когда маньяк остановился на автозаправочной станции. Позднее Френд был арестован и, кажется, приговорен к пожизненному заключению. Единственным дополнением Курта к реальному случаю явился намек на то, что девушке удалось бежать, убедив насильника, будто ей нравится то, что он с ней делает.

Тема насилия вообще часто встречается как в песнях Курта, так и в его интервью. Он словно хочет оправдаться за весь мужской род. «Я вовсе не испытываю отвращения от того, что я мужчина, - говорил Курт. - Есть много мужчин, которые стоят на стороне женщин, поддерживают их и оказывают влияние на других мужчин. На самом деле, мужчина, подающий пример другим, наверное, может произвести больше впечатления, чем женщина».

Хотя в названии «Territorial Pissings» высмеивается жизненная позиция «мачо», здесь также находит отражение вандализм участников группы в отношении инструментов. В ее словах соединены вместе самые различные идеи, по тем или иным причинам привлекательные для Курта. Он объяснял начальные слова «Когда я был чужаком» тем, что ему

всегда хотелось быть существом из другого мира. «Я очень хотел быть инопланетянином, - рассказывал он. - Каждую ночь я разговаривал со своими настоящими родителями и своей настоящей семьей из космоса. Я знал, что рядом есть тысячи других инопланетных детей, и я встречался со многими из них». Курт был убежден, что «есть особая причина для того, чтобы я был здесь».

«Drain You» - это любовная песня или, скорее, песня о любви. Во вселенной Курта двое детей из этой песни символизируют людей, доведенных своей любовью до состояния совершенной непорочности. «Я всегда думал о детях, спящих в одной больничной кровати», - рассказывал Курт. Слова песни отражают крайнюю зависимость детей, чередующуюся с нарциссизмом:

Мне наплевать, что ты думаешь,
Если это не обо мне

Хотя здесь присутствует явная сексуальная коннотация, образ дренирования раны указывает главным образом на освобождение другого от неприятных эмоций по примеру высасывания яда после укуса змеи.

По поводу названия «Lounge Act» Курт объяснял, что им показалось, будто «песня звучит как развлекательная, которую могла бы сыграть группа из какого-нибудь бара». Однако это не относится к словам. «Эта песня главным образом о... вдохновении, о давящих взаимоотношениях и невозможности завершить замысел из-за того, что тебе мешают другие», - объяснял Курт.

«Stay Away» звучит как обвинительный приговор «кальвинистам» из Олимпии, однако в более широком смысле это относится к любой конформистской группе:

Обезьяна, смотри, обезьяна, делай. (Не знаю почему)

Я буду лучше мертвым, чем клевым. (Не знаю почему)

Название песни «On A Plain» («На поле брани») может быть так же прочитано в качестве каламбура как «В самолете», поскольку Курт написал ее во время полетов в Лос-Анджелес и Нью-Йорк для встречи с представителями крупных компаний. «Я думаю, таким образом я хотел сказать, что все еще продолжаю жаловаться на ситуацию, хотя на самом деле она гораздо лучше, чем я когда-либо мог ожидать», - объяснял Курт. Строчки «Моя мать умирала каждую ночь» и «Паршивую овцу опять шантажировали» имеют

для Курта особый смысл. Первая из них связана с неудачным опытом взаимоотношений Венди с ее агрессивным сожителем, а «паршивой овцой» Курт часто называл самого себя.

Что касается «Something In The Way», то Курт не считал нужным скрывать, что эта песня отражает его опыт жизни под мостом в Абердине, хотя и в несколько преувеличенном виде. «Это было так, словно я жил под мостом и умирал от СПИДа, словно я был болен, не мог двигаться и вообще был самым настоящим бомжом, - рассказывал Курт. - Это была своего рода фантазия».

Хотя Курт всегда резко противился навязываемой ему роли «выразителя чаяний поколения», он, тем не менее, соглашался с тем, что Nevermind содержит много информации о его сверстниках. «Это очевидно, - говорил он. - Мы - яркий пример рядовых необразованных двадцатилетних, живущих в Америке в девяностые годы». А двадцатилетние - это поколение, уверовавшее в то, что оно пропустило самое лучшее время.

«Нар можно хорошо определить, если сказать, что мы - панк-рокеры, которых не было в панк-роке во время его расцвета, - говорил Курт. - Так происходило всю мою жизнь, потому что когда я врубился в THE BEATLES, они уже много лет как распались, а я даже не знал об этом. Я мечтал о том, чтобы сходить на концерт THE BEATLES, но вдруг узнал, что они распались. То же самое с LED ZEPPELIN. Они уже много лет как распались».

Однако дело не только в этом. Курт описывает ситуацию, когда родители его сверстников росли в атмосфере конформизма, присущей пятидесятым и началу шестидесятых. В конце шестидесятых у них появились дети, и одновременно шквал новых идей опрокинул их привычную систему ценностей, заставив искать утешения в алкоголе и наркотиках. При этом рушились семьи. «Все родители совершали одни и те же ошибки, - говорил Курт. - Я не знаю точно в чем тут дело, но моя история аналогична историям 90 % людей моего возраста».

«Я не думаю, что наша музыкальная версия происходящего сильно отличается от других групп, появившихся в то же время, - продолжал он. - Я не думаю, что наши родители и наше общество причинили нам больший вред, чем другим. Мы привлекаем больше внимания, потому что наши песни цепляют людей и как бы застревают у них в мозгах».

Причину популярности альбома, наверное, лучше всех смог объяснить Дейв Грол.

«В роке наблюдалось странное затишье, пустота, - вспоминал он. - Если посмотреть на «Топ-10» за год до появления Nevermind, вы практически не обнаружите там рок-музыки за исключением плохого «металла», который никому не интересен. Когда появилась наша музыка, мне кажется, она объединила всех брошенных ребят, которые видели группу таких же брошенных ребят, игравших такую музыку, словно они злы на весь мир. И, я думаю, многим это казалось интересным. И наши песни были хорошими песнями. У

Курта был великолепный голос. Песни были простыми и запоминающимися, как те, которые ты слышал ребенком».

Одной из неафишируемых целей рок-музыки всегда являлось доставание родителей. Однако родители современных двадцатилетних сами выросли на роке, поэтому задача оказалась намного сложнее, чем она была в шестидесятые.

Nevermind с его агрессивным напором, пронзительными криками и судорожными перепадами справился с этой задачей великолепно.

И, наконец, невозможно отрицать то, что это просто потрясающая музыка. Она аккумулировала всю энергию панка и влила ее в песни, которые люди еще долго продолжают напевать после того, как отзвучали последние ноты альбома.

В отличие от многих альбомов, состоящих из одного-двух хитов и «дописок», Nevermind хорош весь, от начала до конца. При его прослушивании вам вряд ли придет в голову пропустить ту или иную вещь.

Впечатление, произведенное альбомом, было столь велико, что теперь специалисты от индустрии звукозаписи говорят об «эпохе пост-НИРВАНЫ» в области музыкального бизнеса. С другой стороны, как заметил Мэтт Лукин, и сам «андеграунд перестал быть таким, каким он был раньше».

Успех НИРВАНЫ продемонстрировал музыкальным бизнесменам всю силу независимой сцены. В результате крупные фирмы стали проявлять больше интереса к тем группам, которые действительно нравятся людям, вместо того чтобы создавать искусственные образования. Возможно, основным значением успеха Nevermind было именно то, что даже одна группа (или один человек) может вызвать значительные изменения в казавшейся до этого неподвижной структуре.

Глава 4

ГЕРОИН И ОСТАЛЬНЫЕ

«Наркотики дают кайф - особенно когда ты в 4-х звездочном отеле, когда ты можешь заказать себе все, что вздумается, когда ты можешь целыми днями валяться в кровати и торчать, потому что тебе наплевать на все -у тебя в банке миллион. Но этим занимаются те, кто на всю жизнь хотят остаться подростками».

Кортни Лав

Между тем проблемы Курта со здоровьем серьезно осложнились во время европейского тура. Постоянные боли в животе делали его раздражительным и замкнутым. Позднее он признавался, что именно тогда начал впервые задумываться о самоубийстве. Однако он выбрал для этого долгодействующий яд.

В начале декабря 1991 года, когда Курт вернулся в Сиэтл, а Кортни все еще была в Европе вместе с HOLE, он начал систематически употреблять героин. Это было вполне осознанным решением.

«Я решился на то, чтобы привыкнуть к этому, - вспоминал он позднее. - Я этого хотел. Это был мой выбор. Я сказал: «Это единственное, что может спасти меня от того, чтобы вышибить себе мозги прямо сейчас. Я был у десятка докторов, и они ничего не смогли сделать. Мне нужно что-нибудь, чтобы унять боль». Курт, конечно, не отрицал, что при этом ему просто нравилось торчать, однако утверждал, что дело было не только в этом.

Когда Кортни вернулась домой, в Лос-Анджелес, Курт позвонил ей и предложил жить вместе. Некоторое время они жили на квартире, которую Кортни снимала вместе с гитаристом Эриком Эрландсоном и еще одной подругой, пока их пристрастие к наркотикам сделало совместное проживание невозможным. Они переезжали из отеля в отель, продолжая постоянно колотиться героином, при этом львиную долю наркотика потреблял Курт.

«Он принимал все подряд, - вспоминает Кортни, - если была «кислота», так «кислоту», если грибы, так грибы. И меры совершенно не знал: появится у него сорок таблеток, так все сорок и заглотит».

Сразу после Рождества НИРВАНА отправилась в короткий тур вместе с PEARL JAM и RED HOT CHILI PEPPERS, которые считались хедлайнерами. Никому не нравилось, что НИРВАНА должна была играть вторую скрипку, однако согласие уже было дано во время неразберихи, сопутствовавшей американскому туру. Как бы то ни было, НИРВАНА заткнула всех за пояс. Единственное, чем хоть как-то смогли ответить CHILI PEPPERS, была версия «Higher Ground» Стиви Уандера.

Во время этого тура Крису Новоселичу стало очевидно, что Курт крепко сидит на героине. При этом он понимал, что ничем не может помочь. «Я просто решил, что это его дело, его жизнь, он может делать все, что хочет, - вспоминал Крис. - Ты не можешь никого изменить чтением морали. Что я собирался делать? Ничего. Поэтому я просто занимался своим делом».

Не сговариваясь, в том, что произошло с Куртом, все стали обвинять Кортни, которую считали властолюбивой стервой. Однако правда заключается в том, что употребляющие героин люди действительно хотят это делать независимо от того, кто и что им рекомендует. Подобные домыслы на его счет сам Курт считал «классической сексистской глупостью», подчеркивая, что решил постоянно употреблять наркотики по собственной воле.

Кортни охотно поддавалась тлетворному влиянию мужа, но общей перспективы не теряла никогда: «Наркотики дают кайф - особенно когда ты в 4-х звездочном отеле, когда ты можешь заказать себе все, что вздумается, когда ты можешь целыми днями валяться в кровати и торчать, потому что тебе наплевать на все - у тебя в банке миллион, Но этим занимаются те, кто на всю жизнь хотят остаться подростками».

Вскоре пристрастие Курта сделалось достоянием прессы. Первым выступил журнал «ВАМ», который утверждал, что «суженные в точку зрачки, запавшие щеки и бледная сухая кожа свидетельствуют о чем-то более серьезном, чем простая усталость». Через некоторое время аналогичные намеки появились в газете «Hits». Все это выводило Курта из себя. Он начал опасаться того, что к нему на квартиру нагрянет с обыском полиция, а его самого посадят в тюрьму.

При этом его очень пугали неизбежные «ломки».

Между тем произошло невероятное. В январе 1992 года Nevermind вышел на первое место в чартах, опередив аль-

бомы U2, GUNS N' ROSES и даже Майкла Джексона. Помимо Соединенных Штатов он стал первым номером в Бельгии, Франции, Ирландии, Израиле, Испании, Швеции и Канаде. НИРВАНА получила приглашение выступить вместе с GUNS N' ROSES и METALLICA в ходе американского тура. Несмотря на оказывавшееся на них на всех уровнях давление Курт и группа отказались.

После этого НИРВАНА направились в Нью-Йорк для записи живой программы для MTV и выступления на телешоу «Saturday Night Live». Когда выяснилось, что к дверям отеля в Сиэтле, где они проживали, подан лимузин, Курт и Кортни отослали его назад и попросили прислать более скромную машину, однако выяснилось, что другими машинами компания не располагает, и ехать все-таки пришлось на лимузине. Когда все, наконец, было улажено, выяснилось, что Курт и Кортни опоздали на самолет.

Этим вечером НИРВАНА исполняла «Smells Like Teen Spirit» и «Territorial Pissings», завершив выступление, как обычно, разламыванием инструментов. Представляя в конце участников группы, Крис поцеловал Курта и Дейва в губы, чтобышний раз досадить присутствовавшим в зале и у экранов телевизоров гомофобам. Это был неплохой эпатаж перед двадцатипятимиллионной аудиторией.

По возвращении из Нью-Йорка Курт и Кортни переехали в скромную квартиру на Сполдинг-авеню в Лос-Анджелесе. Их существование там не отличалось разнообразием. «Я просыпался, принимал наркотики, слушал музыку, рисовал и играл на гитаре, - рассказывал Курт. - Что-то в этом роде. Еще смотрел телевизор. Это был отдых. Я находился в непрерывном туре почти семь месяцев. Мне был необходим именно такой отдых».

У Кортни нашлись свои проблемы: она переживала из-за того, что им пришлось выбросить целую кучу прожженных выпавшими сигаретами одеял.

Каждое утро Курт направлялся к одному из двух своих наркоторговцев, для которых он был просто обычным покупателем. «Им было наплевать на то, что я рок-звезда, - рассказывал он. - Они и раньше имели дело с рок-звездами». Курт не знал, какова его доза в граммах, однако знал, что тратит на героин сотню долларов в день.

Периодически у них «ехала крыша». Однажды ночью Кортни показалось, что к ним забрался вор, и Курт пошел проверить в чем дело, вооружившись ружьем, подаренным

ему Диланом Карлсоном. Тревога оказалась ложной.

Хотя большинству его слушателей было довольно трудно представить себе Курта с оружием в руках. Курт был убежден в необходимости держать его дома в целях самозащиты. «Я не настолько хиппи, как этого хотелось бы некоторым людям, - говорил он. - Я могу легко убить человека, если мне нужно будет защитить себя или свою семью».

Беременность Кортни явилась для обоих полной неожиданностью. Ни она, ни Курт никогда не предохранялись, даже когда систематически употребляли героин. Кортни утверждала, что это «вопрос морали», и настаивала на том, что она бы сразу бросила наркотики, если бы узнала, что беременна.

Они хотели иметь ребенка, но позже, когда освободятся от зависимости. Теперь же, убежденный, как, впрочем, и все остальные, что ребенок родится уродом или умственно отсталым, Курт настаивал на аборте. Однако Кортни была категорически против.

Они обратились к специалисту-тератологу, который проинформировал их, что употребление героина, особенно если оно ограничено первыми тремя месяцами беременности, может пройти безвредно для плода, если только абстиненция матери не будет носить слишком травматического характера (что, впрочем, не исключает возможности отставания в умственном развитии в дальнейшем).

«Мы знали, что это не самое лучшее время для того, чтобы иметь ребенка, - вспоминал Курт, - но для себя мы уже все решили. Мы думали, что сможем это сделать прямо сейчас. Конечно, для Кортни было бы лучше, если бы она немного подождала и сначала бы выпустила диск, но я теперь не жалею об этом. Фрэнсис не была бы Фрэнсис, если бы родилась позже».

Необходимо было освободиться от наркотической зависимости, поэтому Курт и Кортни решили сделать это вместе. Детоксикацию они проходили дома, принимая назначенные врачом лекарства, помогающие преодолеть самый тяжелый начальный трехдневный период. Периодически их посещал менеджер группы Алекс Маклеод, чтобы убедиться, что все в порядке. Курт вспоминал, что в тот раз прошел через отвыкание довольно легко, поскольку не имел слишком сильной зависимости. Кортни было чуть тяжелее, однако все закончилось благополучно.

Между тем группе предстоял тур в Австралию, а до

этого - съемки клипа «Come As You Are». Учитывая предыдущий негативный опыт работы с Сэмом Бэйером, Курт пригласил на роль режиссера Кевина Керслейка, который уже делал клипы для Игги Попа, SOUL ASYLUM и SONIC YOUTH. Импрессионизм Керслейка не всегда соответствовал требованиям, предъявляемым к видеопродукции крупными фирмами, однако на этот раз у Курта было достаточно влияния, чтобы выбрать режиссера по своему вкусу. Поскольку он сам не смог предложить ничего кроме образа плавающего под водой ребенка с обложки альбома и «обилия красного и фиолетового», Курт предоставил работать над концепцией клипа Керслейку.

Помимо цветовой гаммы Курт настаивал на том, чтобы лица участников группы были затемнены. Это шло вразрез с основными законами создания видеоклипов, однако опять же у Курта оказалось достаточно решимости, чтобы настоять на своем. В «Come As You Are» лица Курта, Криса и Дейва затемняются то текущей водой, то видеоэффектами, то облаками, что представляет собой хитрый трюк, привлекающий внимание к самой песне, а не к исполняющей ее группе. НИРВАНА как бы видна и не видна. И таким образом клип работал на упрочение их славы, подразумевая, что их и так все знают.

Керслейку принадлежала идея использовать проекции членов группы на фоне других кадров. Большинство материала было отснято в парке на Голливудских Холмах за несколько дней до основных съемок. При этом Керслейк побуждал членов группы «экспериментировать с камерой», что особенно нравилось Курту.

Клип впервые был показан в марте и имел громадный успех, вполне сравнимый с успехом «Smells Like Teen Spirit». Это было началом длительного сотрудничества с Кевином Керслейком. «Мы наконец нашли человека, который разделяет наше видение мира», — отзывался о нем Курт.

Группа и ее ближайшее окружение находились в мучительных раздумьях по поводу предстоящего тура. Все понимали, что сейчас для него не самое лучшее время, однако решено было ехать.

Во время поездки в Австралию проблемы Курта с животом обострились как никогда раньше. Первые несколько дней он чувствовал себя нормально, однако потом неожиданно возникли сильные боли. Его постоянно рвало, и он практически не мог есть. Несколько раз он звонил Кортни,

плача от боли. Однажды он чуть не собрался и не улетел домой.

В момент особо сильного приступа болей Маклеод отвез Курта в больницу, однако при этом он ошибочно информировал врачей, что Курт все еще проходит курс детоксикации. Во время осмотра Курт услышал, как один из докторов со смешком сказал на ухо другому, что «это просто наркоман». Обиженный Курт покинул больницу, отказавшись от помощи.

В конце концов он попал на прием к «рок-доктору», в офисе у которого висела фотография, где тот был изображен вместе с ROLLING STONES. Выслушав историю Курта, врач решил, что его проблемы являются следствием отказа от героина и назначил ему то, что некогда помогло Киту Ричардсу. Он дал Курту метадои, синтетический опиат, который Курт тогда принял за безобидные желудочные таблетки.

Боли сняло как рукой, и НИРВАНА благополучно продолжила тур, побывав после Австралии в Новой Зеландии и Сингапуре. Когда они прибыли в Сингапур, их встречала толпа из двухсот с лишним подростков, которые стали хватать членов группы за волосы. Оказалось, что это обычная практика в Сингапуре: точное время их прилета было заранее опубликовано в прессе.

После этого они отправились в Японию, где к ним присоединилась Кортни, а потом на Гавайи. Там, в Вайкики, 24 февраля 1992 года состоялась свадьба Курта и Кортни. На церемонию не были приглашены Крис с Шелли, видимо, по настоянию Кортни, к которой они не испытывали особенно дружеских чувств. Были Дейв, менеджер группы Алекс Маклеод, Дилан Карлсон со своей подругой и еще несколько ребят из технического персонала.

Церемония происходила в достаточно экстравагантных условиях - на утесе, нависающем над заливом. Она была короткой и проводилась не принадлежащей ни к одной из церквей женщиной-священником, которую Кортни отыскала в одном из свадебных бюро. На невесте было старинное платье с кружевами, некогда принадлежавшее Фрэнсис Фармер, голливудской актрисе родом из Сиэтла, которая в 50-е годы была занесена в «черный список» и позднее помещена в психбольницу. Одетый в зеленую пижаму жених был слегка под кайфом.

Крис и Шелли сильно переживали из-за отчуждения, которое возникло между ними и Куртом с Кортни. Позднее,

в октябре 1992 года, когда группа выступала в Аргентине, Кортни и Шелли встретились наедине и обсудили свои взаимоотношения. После этого они, кажется, помирились.

Между тем Курт попал в довольно трудную психологическую ситуацию. При всем его идолоборчестве он сам постепенно превращался в самого настоящего рок-идола. За три года замкнутый, стеснительный парень проделал путь от полной неизвестности до мировой славы. Славы, которой он не желал и к которой, по его словам, не стремился.

Курт открыто выражал недовольство своей известностью, и большинством его слушателей это воспринималось, как пощечина. В результате Курту еще больше опротивела постоянная охота за ним прессы и желание публики знать о его жизни как можно больше.

«Никто не имеет никакого права копаться в моей личной жизни, - возмущался он. - Если они хотят узнать что-либо о музыке и как я ее пишу, это другое дело. Конечно, и это связано с моей личной жизнью, но не настолько, как все думают. Я все время ощущаю желание влезть ко мне в душу, и я не согласен с теми людьми, которые считают, что они вправе знать обо мне все. У меня есть право попытаться изменить отношение людей к знаменитостям. Оно должно быть изменено. Оно должно стать другим. К ним должны относиться как к людям и не нарушать их право на личную жизнь».

К этому времени Курт уже снова употреблял героин, однако прилагал все усилия, чтобы не искушать Кортни. Он колосся в запирающейся кладовке, помещавшейся в дополнительной комнате в конце коридора, где он также хранил наркотик и все необходимые принадлежности.

В художественном плане это время было для Курта очень плодотворным: он много рисовал и написал многие из песен, которые затем появились на альбоме *In Utero*. Однако он утратил контакт с группой и фирмой Gold Mountain. Это выводило из себя Криса, который чувствовал себя брошенным. Частично проблема заключалась в том, что Крис по обыкновению не обсуждал с Куртом возникшие трудности напрямую. Дейв относился к происходящему спокойнее, так как не ощущал такой близости с Куртом, однако его волновало то, что группа была вынуждена отказываться от туров.

Одной из причин, по которым Курт отказывался от гастролей, была та, что он хотел провести вместе с Кортни

весь период ее беременности. С точки зрения бизнеса, это был, конечно, не самый удачный выбор. Соверши НИРВА-НА тур по Соединенным Штатам весной 1992 года, Nevermind продержался бы на первых местах в чартах гораздо дольше.

Вскоре ультразвуковое исследование показало, что ребенок развивается нормально, и радости Курта не было конца. Просматривая видеозапись, Курт клялся, что видел, как Фрэнсис вытягивает указательный палец и мизинец в сатанинско-металлическом приветствии.

Через некоторое время из-за денег в группе произошел большой скандал, поставивший НИРВАНУ на грань распада. Поскольку в начале карьеры Курту не могло и в голову придти, что группа продаст миллионы дисков, он согласился делить авторские поровну с остальными участниками группы несмотря на то что он проделывал, по собственным подсчетам, 90 % работы над песнями. При этом им руководило желание избежать опасной ситуации, когда ему будет принадлежать самый большой кусок скромного пирога, а другие останутся практически ни с чем. Теперь же, после потрясающего успеха альбома, он решил изменить свое решение и настоять на более правильном распределении доходов. При этом он утверждал, что дело не в деньгах, а в справедливости, поскольку он испытывает на себе гораздо большее давление со стороны общества.

Поначалу Дейв и Крис не возражали против этого, однако когда Курт стал настаивать на том, чтобы новое соглашение имело обратную силу, распространяющуюся до момента выхода Nevermind, они не выдержали. По их мнению, таким образом Курт просто вытаскивал деньги у них из карманов. Скандал продолжался всего неделю, однако всю эту неделю группа стояла на грани распада. В конце концов, благодаря уговорам ближайшего окружения Крис и Дейв уступили, и Курт получил свою, имеющую обратную силу долю - 75 % авторских.

В ходе всех этих перипетий Курт решил предпринять еще одну попытку покончить с наркотиками посредством программы под названием «Exodus», которая помогла многим рок-звездам. Однако специально обученный персонал довольно быстро достал его разговорами о роке и постоянными упоминаниями имен старых кумиров, к которым Курт не испытывал никакого уважения. Через несколько дней, почувствовав себя лучше, он покинул клинику лишь для то-

го, чтобы через непродолжительное время опять начать все сначала.

Все это время Кортни, чтобы не общаться с Куртом, проводила много времени с гитаристом Эриком Эрландсоном или шла в ближайшие ясли смотреть на детей, чтобы укрепить в себе решимость оставаться трезвой.

В июле вышел сингл «Lithium», на вкладке которого изображена Фрэнсис в материнской утробе. На стороне «B» записана «живая» версия «Been A Son» и ранее не издававшаяся вещь «Curmudgeon». Здесь же, наконец, появились все слова к Nevermind. Вскоре после этого был показан видеоклип «Lithium», представляющий собой монтаж кадров, снятых во время концерта на прошлый Хэллоуин в Парамаунте, и фрагментов снятого в 1991 году фильма «The Year That Punk Broke». Несмотря на все ухищрения Керслейка клип не произвел ожидаемого впечатления. Возможно, одной из причин этого было то, что Курт практически не принимал участия в создании концепции клипа.

Между тем НИРВАНА отправилась в двухнедельный тур в Ирландию, Северную Ирландию и Скандинавию, куда они не доехали в прошлый раз, а также во Францию и Испанию. Кажется, никому из участников группы это не доставляло ни малейшего удовольствия. Отчасти это объяснялось тем, что НИРВАНЕ вообще не нравилось выступать на фестивалях под открытым небом, где не было слышно мониторов, а звук из динамиков относился ветром. Однако дело было не только в этом. «Я думаю, вся группа понимала, что хорошие времена миновали», - вспоминал Курт.

Утром 23 июня, после концерта в Белфасте, за завтраком Курт внезапно забился в судорогах. Как он потом объяснял, он забыл принять на ночь метадон. Прибыла машина «скорой помощи», водитель которой потом обзвонил все бульварные газеты и сообщил о том, что Курт передозировался.

На всем протяжении тура в группе царил напряженный настрой. Во-первых, Кортни была на восьмом месяце беременности, что, естественно, отражалось на состоянии ее нервной системы. Во-вторых, Курта выводило из себя то, что все знали о его проблеме с наркотиками и так или иначе выражали свое отношение к ней. Впрочем, и Кортни, и Курт старались не терять чувства юмора и регистрировались в отелях под именами мистера и миссис Саймон Ритчи (настоящее имя Сида Вишэса).

Как выяснилось чуть позже, Gold Mountain наняла двух профессиональных «наблюдателей», чтобы приглядывать за Куртом и Кортни. Курт обнаружил слежку в Париже, когда выходил, чтобы купить еды, и увидел, что дверь в соседнюю комнату открыта и сидящий там человек внимательно наблюдает за ним. Возмущенные Курт и Кортни собрали свои вещи и тайком переехали в другой отель, не давая никому о себе знать до следующего дня и тем самым произведя изрядный переполох.

В Испании Кортни испытала что-то вроде легких схваток и испугалась, что может родить преждевременно. Это случилось как раз перед концертом, поэтому во время выступления Курт был просто вне себя от волнения. После концерта он бегом направился в больницу, куда увезли Кортни. По его отзывам, это была самая грязная и омерзительная больница из всех, что он когда-либо видел. Выяснилось, что серьезных проблем нет, однако врачи рекомендовали Кортни на всякий случай вернуться домой.

«Мы вынуждены были купить два места в первом классе, чтобы Кортни могла лечь, - вспоминал Курт. - Эта долбанутая пресса, конечно, сообщила о том, что мы приобрели целых два ряда».

Когда Курт и Кортни вернулись домой, там их ожидало несчастье. Дело в том, что, боясь ограбления, Курт спрятал свою лучшую гитару, а также некоторые записи и записные книжки со стихами и набросками песен в ванну. Однако, пока они отсутствовали, ванну затопило сточными водами, и все погибло.

Вскоре они нашли новую квартиру с двумя спальнями неподалеку от Голливудских Холмов, где Курт просто начал писать все сначала.

Глава 5

ВОЙНА С ПРЕССОЙ

«...у всех рок-звезд одни и те же проблемы. Мы постоянно сталкиваемся с ними. Это вина фэнов и средств массовой информации».

Курт Кобейн

Когда Курт проходил очередной курс детоксикации, а Кортни ждала ребенка, о ней появилась скандальная публикация в журнале «Vanity Fair». Когда Кортни летом 1992 года давала интервью журналистке Линн Хиршберг, ей и в голову не могло придти, что из этого получится. Она рассчитывала, что это будет в целом хвалебная статья о ней и ее музыке, упустив из виду, что ее положение супруги рок-звезды побуждает журналистов скорее к поиску сенсаций в ее жизни, чем к рассказу о ее творчестве. Возможно, одной из причин ее неосторожных высказываний явилось то, что в момент интервью она находилась под воздействием наркотиков и не заметила, куда клонит своими вопросами журналистка.

В статье, появившейся в августе 1992 года, утверждалось, что Кортни продолжала употреблять героин уже после того, как узнала о своей беременности. Кортни, естественно, сразу заявила, что журналистка извратила ее слова, однако та настаивала, что располагает записями.

Если успех Nevermind был во многом обязан тому, что диск появился в нужное время в нужном месте, то статья в «Vanity Fair» как раз наоборот застигла чету Кобейнов в неподходящее время в неподходящем месте. В условиях продолжавшейся в национальном масштабе истерии по поводу наркотиков и инспирированного республиканцами «крестового похода» в защиту «семейных ценностей» эта статья также хорошо играла на внезапно пробудившемся чувстве вины американцев по отношению к своим детям. В это время средства массовой информации оказались заполнены историями о жестоком обращении с детьми, и, конечно, рассказ о матери, употреблявшей героин во время беременности, бил в самую точку.

Появление статьи повергло Кортни в шок. Она была на грани сумасшествия и сочла за благо лечь в ту же больницу, где лежал Курт, тем более, что до рождения ребенка оставалось всего две недели.

Между тем, детоксикация Курта происходила крайне мучительно и долго, потому что врачи вынуждены были давать ему морфий, чтобы унять боли в животе. Ему делали рентген, гастроскопию и множество других исследований. Он не мог есть, поэтому питание ему вводили внутривенно, через капельницу. Он был очень слаб.

Сначала Курт не осознал все возможные последствия

публикации в «Vanity Fair». Однако постепенно ему стало ясно, как это может отразиться на их с Кортни репутации. В его воспаленном воображении возникла мысль убить Линн Хиршберг. Поскольку он был слишком слаб, чтобы осуществить это самому, он решил нанять киллера. Немного успокоившись, Курт передумал и решил прибегнуть к помощи Дэвида Геффена, одного из руководителей компании Geffen Records, чтобы как-нибудь наказать журналистку, пригрозив в случае чего уйти из группы. Впрочем, ни один из этих планов так и не был осуществлен.

Утром 18 августа 1992 года у Кортни родились роды. Почувствовав схватки, она вытащила из руки капельницу, встала и направилась через всю больницу прямо к палате Курта. Войдя туда, она закричала: «Немедленно вставай, черт тебя возьми, и иди ко мне! Ты не бросишь меня делать все это в одиночку!». Потом она направилась к себе в палату, обнаружив там настоящий переполох. Курт все еще находился под воздействием снотворных препаратов, однако нашел в себе силы прийти в родовое отделение позднее.

Фрэнсис Вин Кобейн родилась в 7.48 утра совершенно Здоровой, несмотря на все опасения. Курт так и не увидел рождения дочери. «Я рожала, ребенок вылезал из меня, - вспоминала Кортни, - а его рвало, он отрубался, и я держала его голову и терла ему живот, пока ребенок вылезал. Это было довольно жутко».

Радость, которую испытали Кобейны от рождения дочери, довольно быстро сменилась тревогой. Дело было в том, что злополучная статья в «Vanity Fair» побудила лос-анджелесский Департамент по делам детства возбудить против них дело о лишении родительских прав. На слушаниях в Суде по делам семьи, где к доказательствам не предъявляются слишком жестких требований. Департамент помимо журнальной статьи представил суду некий анализ мочи, как потом выяснилось, подложный, чтобы убедить суд, будто Кобейны являются политоксикоманами и, следовательно, не могут воспитывать ребенка. Судья согласился с представленными доказательствами. Фрэнсис должна была быть передана под опеку сестры Кортни Джеми, а Курт должен был провести еще тридцать дней в другом реабилитационном центре.

У Курта не было сомнения, что все это - самый настоящий заговор против них. «Это была попытка на нашем примере дать всем урок, - объяснял он, - потому что мы

олицетворяли собой все то, что было не по нраву конформистской Америке. Началась самая настоящая «охота на ведьм».

Через день после рождения Фрэнсис НИРВАНА отправилась в Англию, чтобы выступить на фестивале в Рединге. К этому времени английская пресса была полна слухами о распаде группы по причине здоровья лидера, поэтому появление Курта на сцене в инвалидной коляске и одетого в больничный халат явилось откровенной насмешкой над занятыми поисками сенсаций журналистами. Несмотря на все обрушившиеся на него беды Курт был в ударе, и НИРВАНА выступила блестяще.

Еще через несколько дней группа выступала на шоу, посвященном вручению ежегодных музыкальных премий MTV. Сначала им было заявлено, что они могут сыграть любую вещь по своему выбору. Однако когда НИРВАНА решила исполнить «Rare Me», организаторы по каким-то причинам заупрямились и стали настаивать на исполнении «Smells Like Teen Spirit». В конце концов сошлись на «Lithium». Но когда группа вышла на сцену и началась прямая трансляция, Курт неожиданно сыграл и спел несколько тактов из «Rare Me», как он потом объяснял, «просто чтобы заставить их немного понервничать». Это сработало. Едва только он начал играть, оператор MTV издал короткий крик и бросился к пульту. Однако в этот момент группа перешла на «Lithium».

В конце песни Крис подбросил свой бас вверх, но не сумел его поймать, получив в результате тяжелым концом по лбу. Некоторое время он корчился на полу, а потом убежал со сцены. Несколько напряженных минут его нигде не могли найти. В конце концов Алекс Маклеод обнаружил его с холодным компрессом на голове и бутылкой шампанского в руке мирно беседующим с бывшим гитаристом QUEEN Брайаном Мэем.

НИРВАНА решила не выходить на сцену для получения премии «За лучший альтернативный видеоклип», однако

Курту пришла в голову идея использовать для этой цели двойника Майкла Джексона. В соответствии с наставлениями Курта он представился как «Король гранджа» и произнес небольшую речь, которая была встречена смущенным молчанием аудитории, не понявшей, в чем, собственно, дело.

Курт объяснил происшедшее просто: «Я хотел напомнить, что у всех рок-звезд одни и те же проблемы. Мы по-

стоянно сталкиваемся с ними. Это вина фэнов и средств массовой информации».

Для получения другой премии - «Лучшему новому артисту» - друзья все же уговорили выйти Курта. В короткой речи он поблагодарил свою семью, свою фирму и «настоящих фэнов» группы. После этого он сделал паузу, задумчиво посмотрел в камеру, улыбнулся и сказал: «Знаете, очень трудно верить всему, что читаешь». Крис несколько испортил момент, проревев в микрофон: «Помните Йозефа Геббельса!», однако Курт все-таки достиг своей цели несмотря на то, что большинство присутствующих так и не поняли, как много он хотел им сказать. Это появление перед миллионами людей еще раз напомнило поклонникам НИРВАНЫ, за что они ее любят.

Вечер чуть не закончился дракой между НИРВАНОЙ и GUNS N' ROSES. Все началось с того, что Кортни, находившаяся за сценой вместе с Фрэнсис, заметила проходившего в окружении охранников Акселя Роуза и предложила ему стать крестным отцом их с Куртом ребенка. В ответ на это Роуз, с покрасневшим даже сквозь грим лицом, повернулся к Курту, ткнул в него пальцем и визгливо крикнул: «Заткни рот своей суке, или я вышвырну тебя на улицу!» Все присутствующие разразились смехом, за исключением Курта, который сделал вид, что собирается передать Фрэнсис, которую он взял на руки, обратно Кортни и разобраться с Роузом. Однако вместо этого он посмотрел на Кортни и сказал: «Заткнись, сука!», после чего все опять весело засмеялись.

Однако когда НИРВАНА возвращалась после выступления к своему трейлеру, их уже поджидали «быки» из окружения GUNS N' ROSES. Курт сразу же рванул к трейлеру, чтобы убедиться, что с Кортни и Фрэнсис все в порядке, а Крис попал в окружение. Однако вокруг стал собираться народ, и драка не состоялась.

Роуз мог быть сердит на НИРВАНУ за ее отказ выступать перед GUNS N' ROSES и METALLICA во время их тура прошедшим летом. Они также отклонили предложение Роуза выступить на вечеринке в честь его тридцатилетия. Кроме того, между двумя группами существовало, конечно же, соперничество, проистекавшее из того факта, что они конкурировали за одну и ту же аудиторию разочарованных, ущербных ребят. Курт всегда отрицал существование этого соперничества, неоднократно заявляя на публике, что ему глубоко плевать на аудиторию GUNS N' ROSES. Однако при

этом Курт и Роуз ненавидели друг друга с такой силой, как это могут делать лишь две стороны одной медали.

«У нас действительно сходные биографии, - объяснял Курт. - Мы оба выходцы из маленьких городков и за свою жизнь повидали много сексизма и расизма. Однако наши внутренние устремления совершенно различны. Мне кажется, я сделал себя открытым в гораздо большей степени, чем Роуз.

Он играет старую роль. С самого начала рок-н-ролла там был Аксель Роуз. И это просто скучно, невероятно скучно для меня. Ему это кажется свежим и новым потому, что это случилось лично с ним, а он - он настолько эгоистичен, что считает, будто весь мир чем-то ему обязан».

Поначалу Роуз относился к НИРВАНЕ вполне благо-склонно и даже появился в клипе «Don't Cry» в кепочке с надписью NIRVANA. Однако впоследствии, по мере роста популярности группы Курта, его отношение резко изменилось. В декабре 1991 года, перед выступлением GUNS N' ROSES в нью-йоркском зале Madison Square Garden видео-оператор группы показал крупным планом нескольких женщин в аудитории, которые задрали на себе майки, каковое изображение было передано на гигантские экраны вокруг арены. Преимущественно мужская аудитория начала одоб-рительно кричать и топтать ногами, при этом через динамики звучала «Smells Like Teen Spirit».

На концерт в сиеэтлском Coliseum 11 сентября 1992 года неожиданно пришел Дон Кобейн вместе со своим сыном Чедом. Ему удалось пройти в зал, показав билетерам водитель-ское удостоверение со своей фамилией. Он нашел помеще-ние, где группа отдыхала после выступления, и отец с сыном встретились вновь после семилетней разлуки.

Курт познакомил Дона, уже знавшего из прессы о том, что он стал дедом, с Кортни и Фрэнсис. «Я спросил его, сча-стлив ли он и тому подобное, - рассказывал Дон, - а он ска-зал, что счастлив, но ему не хватает денег. Потом я спросил: «Ну, тебе хотя бы нравится то, что ты делаешь?» Он ответил «да», и тогда я сказал: «Ну и хорошо». Я не знал, что еще сказать, потому что мне было очень неловко. Мы обнялись пару раз, и я просил его давать о себе знать». С тех пор Дон больше не видел Курта.

Между тем, атака прессы на чету Кобейнов продолжа-лась. Вскоре появилась чудовищная статья в бульварной га-зете «Globe» под кричащими заголовками: «Ребенок рок-

звезды родился наркоманом» и «У них есть слава и деньги, но нет сердца». После появления еще нескольких подобных статей Крис, Шелли и Дейв отбросили все обиды и встали на сторону Курта, Кортни и их новорожденного ребенка.

Следующим эпизодом в войне с прессой явился случай с двумя английскими журналистками - Викторией Кларк и Брит Коллинз, которые собирались писать историю группы. Первоначально Курт и Кортни проявили интерес к проекту, но когда выяснилось, что авторы контактировали с Линн Хиршберг, последовала бурная реакция со стороны четы Кобеинов.

Опасаясь появления новых «разоблачений», Курт и Кортни в отчаянии повели себя не совсем адекватно и наговорили кучу угроз и брани на автоответчик Кларк. Все это было позднее опубликовано английским журналом «Select».

Чтобы замять скандал, Gold Mountain поспешила заявить что никто из членов группы никогда не звонил английской журналистке.

Курт, однако, не отрицал, что голос на автоответчике принадлежит ему, добавляя, что действительно хотел убить англичанок. «Конечно, сейчас я могу много потерять, поэтому пока я не буду этого делать, - говорил он. - Но у меня в запасе вся жизнь. Если меня когда-либо лишат того, что я имею, и я потеряю свою семью, я не колеблясь отомщу людям, которые смешивали меня с дерьмом. Я всегда был способен на такой поступок. Я и раньше пытался убить людей во время приступов ярости. Это, конечно, недостаток моего характера, но я очень не люблю, когда одни люди безо всякой причины причиняют неприятности другим людям».

30 октября, спустя ровно четыре года с тех пор, как Курт впервые разбил свою гитару на вечеринке в общежитии Эвергринского колледжа, группа играла перед пятидесяти-тысячной аудиторией на стадионе в Буэнос-Айресе. Они практически не репетировали, энтузиазма было мало, и играли они плохо. Группа согласилась на это выступление исключительно из-за денег и поклялась в дальнейшем не повторять таких ошибок.

Один из пунктов соглашения предусматривал то, что НИРВАНА сама выберет группу, которая будет играть перед ними. Они привезли с собой CALAMITY JANE, женскую группу из Портленда. Это вызвало крайнее возмущение преимущественно мужской аудитории. В группу полетели банки из-под пива, зажигалки, монеты и другие предметы, с

первых рядов слышались грубые выкрики. «Это было самым чощным проявлением сексизма, что я когда-либо видел», - вспоминал Курт.

Он решился сорвать концерт. Первое, что они сыграли, был импровизированный джем, постепенно выродившийся в пятнадцатиминутный «зафидбэченный» разгул Курта, преовавший лишь на несколько минут, когда он свирепо разглядывал аудиторию. Чтобы позлить слушателей, он несколько раз начинал играть «Smells Like Teen Spirit», так ни оазу и не доиграв ее до конца. Впрочем, у него осталось хорошее впечатление от концерта.

«Напряжение во время этого выступления было очень велико, - вспоминал он. - Там было так много эмоций, а <Бид-бэк> звучал просто великолепно. Я манипулировал им лучше, чем когда-либо прежде, и приобрел хороший опыт. Это было действительно здорово».

* * *

В конце ноября, через месяц после окончания съемок, по MTV был показан клип «In Bloom». Первоначально у Курта была мысль сделать сюрреалистическую притчу о девочке, родившейся в семье ку-клукс-клановцев и однажды понимающей, насколько злы ее родители. Однако проект оказался слишком сложным, и в результате Курт остановился на идее пародии телепрограмм начала 60-х годов в духе «Ed Sullivan Show», явившемся началом рок-видео. Он попросил Керслейка найти где-нибудь кинокамеры того времени, и тот вскоре откопал какие-то старые «Кинескопы», чтобы снимать ими клип.

Ключом должна была стать спонтанность, поэтому сценарий не писался. В качестве актера был приглашен Дуг Левелин, самой первой ролью которого по чистой случайности оказалась как раз роль в «Ed Sullivan Show».

Члены группы были одеты в смешные костюмы в стиле BEACH BOYS. Крис как раз подстригся, что только способствовало созданию нужного образа, а Курт надел очки, которые делали его очень похожим на своего отца в молодости. В результате они стали выглядеть, как «приличные» чудаки из эпохи 60-х. Это был новый шаг по сравнению с «Teen Spirit». Если там члены группы и аудитория сливались друг с другом в общем танце, то здесь они были отделены друг от друга не только пространством, но и временем.

Клип высмеивал идею создания поп-идолов вроде MONKEES. Причем имелось ввиду, что НИРВАНА как раз Достигла аналогичного статуса. «Эти трое приятных молодых людей из Сиэтла, - возвещал ведущий, - совершенно порядочные и достойные люди». Зализанные назад волосы, строгие костюмы и неестественные позы должны были продемонстрировать всю абсурдность представления о чистеньких поп-идолах и их моральных стандартах. Переодеваясь в конце клипа в женскую одежду и устраивая погром в студии, члены НИРВАНЫ откровенно глумились над этой идеей.

Первоначально планировалось отправить на MTV лишь фрагмент с поп-идолами шестидесятых. Его кульминацией должен был стать эпизод с показом крупным планом гитарного соло Курта: вместо гитары камера фиксировалась на мотающейся голове Курта, чтобы переместиться на гитару лишь в самом конце соло. После демонстрации этой версии они планировали выпустить версию с переодеванием, которое должно было явиться настоящим сюрпризом.

К сожалению, «альтернативная» программа MTV «120 Minutes» настояла на показе клипа целиком, поэтому шутки не получилось (первоначальная версия так никогда и не увидела свет).

Пронизывающий клип юмор имел большое значение. После всех мрачных слухов о судьбе НИРВАНЫ это было очень хорошей рекламой. «Я настолько устал от того, что люди воспринимают нас серьезно и так озабочены тем, что мы делаем и говорим, что хотел послать все к черту и показать им наше чувство юмора, - рассказывал Курт. - Оно всегда у нас было, просто многие неправильно его понимали».

15 декабря 1992 года появился новый диск под названием Incesticide. Еще со времени записи Nevermind группа планировала выпустить альбом, включающий в себя записи «живых» выступлений, вещи со вторых сторон синглов и ленты, записанной с Кровером. Целью такого альбома должна была стать борьба с пиратскими записями. Затем Sub

Pop объявила, что собирается издать альбом раритетов НИРВАНЫ. Рассудив, что двух альбомов с раритетами НИРВАНЫ будет многовато, Гэри Герш уладил дела с Sub Pop. Таким образом группа могла лучше контролировать конечный продукт, к тому же реализация в этом случае могла быть гораздо шире, чем это могла осуществить Sub Pop. Этот альбом демонстрирует весь спектр поисков НИР-

ВАНЫ, начиная от тяжелого, почти лишенного мелодии набора риффов в «Aero Zeppelin» до вполне осознанной поп-музыки в «Sliver». Здесь присутствуют все стили, синтезированные воедино группой: хард-рок семидесятых, панк-поп, новая волна в духе DEVO и KNACK и то, что называл новой волной сам Курт (BUTTHOLE SURFERS, SACCHARINE TRUST, BIG BLACK).

Заключительная вещь, «Aneurysm», демонстрирует, как мощная игра Дейва Грола помогла НИРВАНЕ превратиться из интересной андеграундной группы в рок-группу мирового класса. Эта вещь также указывает направление в сторону большего экспериментирования, характерного для следующего альбома.

«Turnaround» и версии вещей группы VASELINES «Son Of A Gun» и «Molly's Lips» транслировались во время радиошоу Джона Пила на Би-Би-Си в октябре 1990 года. Все три были включены в редкую сорокапятку «Hormoaning», выпущенную лишь в Японии и Австралии накануне приезда туда НИРВАНЫ в начале 1992 года.

«Stain» была взята с сорокапятки «Blew», а «Been A Son», новая версия «Polly» и «Aneurism» - с шоу Марка Гудьера на Би-Би-Си (лучшая версия «Aneurism», записанная НИРВАНОЙ с Крейгом Монтгомери, появилась на «Hormoaning» и в качестве дополнительного трэка на компакт-сингле «Smells Like Teen Spirit»).

Необычайно выразительной является обложка альбома, представляющая собой рисунок Курта. Здесь изображен ущербный ребенок, цепляющийся за скелеты родителей, которым, по-видимому, нет до него никакого дела. Взгляд ребенка прикован к цветам: это маки. По обыкновению Курт отрицал за рисунком какой бы то ни было смысл. «Это просто образ, который пришел ко мне», - говорил он, объясняя, что маки появились с открытки, которую он нашел на полу.

Первоначально текст на обложке альбома включал в себя довольно сильные выражения в адрес Линн Хиршберг, однако руководство Geffen/DGC нашло их слишком резкими и попросило Курта смягчить тон. В целом эти заметки являлись типичным проявлением двойственной натуры Курта.

"зчинаются с превознесения достоинств любимых Куртом групп вроде RAINCOATS, SHONEN KNIFE, VASELINES, SONIC YOUTH, MUDHONEY. Далее он посылает «ко всем чертям тех из вас, кто имел наглость считать меня настолько наивным и глупым, чтобы позволить манипулировать собой

и использовать в своих интересах». В заключение он призывает всех гомофобов, расистов и сексистов из своей аудитории оставить группу в покое.

В дополнение к критике своего поколения в «Smells Like Teen Spirit» и замечаниям, содержащимся практически в каждом интервью, это послание, кажется, еще больше упрочило репутацию Курта как человека, до глубины души презирающего своих слушателей.

Учитывая, что MTV все еще крутило клип «In Bloom», Geffen/DGC решила не вкладывать денег в раскрутку альбома, рассчитывая, что поклонники группы откроют его сами. Так и случилось. К февралю следующего года Incesticide стал золотым.

Между тем, борьба за возвращение родительских прав в полном объеме была в самом разгаре. Фрэнсис жила теперь вместе с Куртом и Кортни, однако супруги должны были регулярно сдавать анализ мочи, и к ним периодически навещались социальные работники, чтобы убедиться, что они растят дочь подобающим образом.

Курт утверждал, что они с Кортни потратили более 200 тысяч долларов на адвокатов, чтобы вернуть Фрэнсис и защитить свою репутацию. «Эта сука мне дорого стоила», - отзывался Курт по адресу Линн Хиршберг.

В 1993 году НИРВАНА вернулась к обычной работе. В январе группа выступала в Бразилии на двух грандиозных концертах на стадионах в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро вместе со своими старыми друзьями L7. По одним отзывам, группа была в превосходной форме, а по отзывам тех, кто присутствовал на других фестивалях, эти концерты оказались самыми неудачными и хуже всего подготовленными. Уже одно то, что члены знаменитой НИРВАНЫ должны были сами перетаскивать оборудование, говорило о многом. К тому моменту, когда группа прибыла в Рио, за кулисами царил близкая к бунту атмосфера, так как не были готовы ни еда, ни напитки. В довершение всего полиция арестовала в грим-уборной группы одного человека из ее окружения за хранение большого количества героина. Адвокатам Геффена понадобилась целая ночь, чтобы отвести обвинения от самого Кобейна.

Концерт в Рио Курт завершил, уползая со сцены. При этом к негодованию толпы на нем были надеты черные женские трусы.

По возвращении домой Курт самостоятельно догово-

рился об интервью с журналом для геев «Advocate». Это был удачный ход. Во-первых, он побуждал поклонников НИР-ВАНЫ читать журнал для геев, и, во-вторых, представлял группу аудитории, которая обычно не ходила на концерты подобных НИРВАНЕ групп.

В интервью Курт упомянул о том, что некоторое время считал себя геем и добавил: «Наверное, в душе я гей, и, возможно, мог бы стать бисексуалом». Вскоре крупные газеты сообщили, будто он признался, что «является бисексуалом» и что «об этом знает его жена».

Время от времени Курт проявлял интерес к конструированию и в феврале заказал фирме Fender гитару собственной разработки - нечто среднее между «Ягуаром» и «Мустангом». Первоначально предполагалось сделать всего несколько штук лично для Курта, однако уже к весне было запланировано серийное производство.

Ну а 23 марта 1993 года Кобейны, наконец, выиграли судебное дело, и с них были полностью сняты обвинения, выдвинутые Департаментом по делам детства. Супруги могли теперь воспитывать дочь без унижительной опеки социальных работников.

Глава 6

IN UTERO

«Мы пытались писать песни в стиле новой волны, нечто агрессивное, жуткое и экспериментальное... Это пока не более выходит за определенные рамки, чем то, что было раньше, но это уже другое. На первый взгляд звучит как панк-рок, но при этом мелодично или, по крайней мере, запоминается».

Курт Кобейн

В середине февраля 1993 года группа отправилась в Миннесоту для записи своего нового альбома с продюсером Стивом Альбини. Основные идеи большинства песен пришли в голову Курту еще предыдущим летом, когда они с Кортни жили на Сполдинг-авеню. Необходимо было лишь придать им форму, что и было сделано на репетициях вместе с Крисом и Дейвом.

Курт хотел приступить к записи тем же летом, однако все трое членов группы жили в разных городах, и им было трудно собираться вместе. К тому же Кортни ждала ребенка.

Курту всегда хотелось записываться у Альбини, еще с тех времен, когда он впервые услышал BIG BLACK, чикагское трио, сочетавшее в своей музыке грязную гитарную текстуру, желчный гнусавый вокал и непрерывную дробь ударного автомата, все вместе вызывавшее видения урбанистического неистовства и паранойи.

Альбини был против того, чтобы новый альбом звучал похоже на Nevermind, поскольку считал, что это не естественное звучание группы, а результат работы продюсера и звукорежиссеров.

Запись происходила на Pachyderm Studios, где НИРВАНА зарегистрировалась как THE SIMON RITCHIE GROUP, и была закончена за две недели.

Группа поставила в известность как DGC, так и Gold Mountain, что не желает никакого вмешательства в свою работу, как это было с Nevermind. Рабочие записи не показывались даже ответственному за репертуар Гэри Гершу. Все были уверены, что у НИРВАНЫ теперь достаточно влияния для того, чтобы ее продукция не была отвергнута руководством фирмы.

Они записывались «вживую», то есть бас, ударные и гитару вместе, и оставляли практически все, что записали. Примерно в половине вещей Курт наложил дополнительную гитару, потом добавил гитарные соло и вокал.

По утверждению самого Альбини, он - в большей степени инженер, чем продюсер. Поэтому он предоставил членам группы самим решать, где хороший дубль, а где плохой.

Он был уверен, что Курт знает, что делает.

Идея состояла в том, чтобы сделать звук естественным. Ударные записывались без всяких электронных «примочек» - просто по всей комнате были расставлены микрофоны, чтобы улавливать естественную реверберацию помещения. Аналогичным образом, вместо того чтобы электронно обрабатывать запись вокала, чтобы звук получился как в хорошо резонирующем помещении, Альбини просто записывал его в хорошо резонирующем помещении.

In Utero является аналогом акустического альбома, однако лишен обычно присущих таким альбомам неестественности и нарочитости, фактически теперь НИРВАНА делала то, о чем давно мечтала.

На этот раз Курт не имел ничего против того, чтобы напечатать слова песен, признавая, что на слух их бывает довольно трудно разобрать из-за его невнятного произношения, к тому же часто имитирующего английский акцент. «Мне они действительно нравятся, - говорил он о словах своих песен, - меня в них ничего не смущает, поэтому теперь я могу их напечатать. Это гораздо лучше, чем читать отчеты, в которых эти идиоты будут неправильно цитировать мои песни».

На этом альбоме лирика Курта не так импрессионистична, как обычно, однако ее нельзя назвать и буквальной, как, например, в «Sliver» или «Polly». Через все песни красной нитью проходит медицинская тема, начало которой было положено в «Drain You». Практически каждая песня содержит образы недомогания или болезни: Курт упоминает солнечный ожог, прыщи, рак, открытые язвы, усиливающие боли, похмелье, анемию, бессонницу, запор, несварение желудка. По-видимому, ему самому это казалось забавным.

«До меня как всегда все доходит в последнюю очередь, - со смехом объяснял он, - так же, как с оружием на прошлом диске. Я вовсе не собирался делать этот альбом концептуальным».

Музыка на новом альбоме отражает мощные противоречивые силы в жизни Курта: ярость, отчаяние и страх, вызванные той ситуацией, в которую попали они с Кортни, и не менее сильные чувства любви и оптимизма, внушаемые ему женой и ребенком. Вот почему маниакально-депрессивный характер его музыки, наметившийся в Nevermind, получил здесь новое развитие. Псевдобитловская «Dumb» спокойно сосуществует с проникнутой неистовством панковских граффити «Milk It», а «All Apologies» находится неизмеримо далеко от апоплектической «Scentless Apprentice». Все выглядит так, словно Курт отказался от попыток соединить свои панковские и поп-инстинкты в одно гармоничное целое.

В случае с In Utero у Курта было немного больше времени для работы над словами песен, чем при создании Bleach и Nevermind. Не удивительно поэтому, что они носят более продуманный и законченный характер. Сам Курт отрицал то, что они носят личностный характер, возможно, для того, чтобы побудить к поиску иных интерпретаций. Однако даже Дейв признавал, что в основе текстов песен лежат глу-

боко личные переживания.

«Они производят жуткое впечатление, - объяснял он. - В них много энергии, но в то же время возникает ощущение, будто Курта приперли к стене, и он пытается с помощью крика найти выход из этого положения. Многие из того, о чем он говорит, связано с тем дерьмом, через которое он должен был пройти. Это уже не отчаяние подростка. Это совсем другой коленкор - отчаяние рок-звезды».

Песня «Rare Me» была сочинена под акустическую гитару во время микширования Nevermind. Хотя она была написана совсем по другому поводу, эта вещь приобрела новый смысл после того, что пришлось испытать Курту и Кортни. Кажется, она обращена ко всем журналистам, которые им досаждали, ко всем фэнам, которые атаковали Курта буквально везде, лишь бы получить автограф, ко всем тем, кто хотел выжать все, что можно, из Курта и группы, забывая, что они тоже люди.

Эта песня является, наверное, предельным выражением покорности судьбе со стороны человека, на которого обрушилось так много ударов, что он уже перестал их ощущать.

«Изнасилуй меня, мой друг», - это приглашение публике, которая не понимает, что своим обожанием причиняет боль объекту этого обожания. «Я - не единственный!» - кричит Курт, имея в виду Кортни и Фрэнсис. Гитарная цитата из «Smells Like Teen Spirit» в начале песни не случайна. Точно так же, как припев в «In Bloom», она содержит в себе иронию - ведь все началось именно с «Teen Spirit».

Мой любимый внутренний источник,
Я поцелую твои открытые раны,
Я оценю твою заботу,
Ты будешь вечно вонять и гореть.

Эти строчки откровенно обращены к менеджеру одной сиэтлской группы, которого Кобейны подозревали в передаче информации Линн Хиршберг, ссылавшейся на анонимный «внутренний источник». Они даже послали этому менеджеру рождественскую открытку с надписью: «Нашему любимому внутреннему источнику».

По поводу «Milk It» Курт говорил, что это хороший пример того направления, в котором двигалась группа за шесть месяцев до начала записи. «Мы пытались писать песни в стиле «новой волны», - объяснял он, - нечто агрессив-

ное, жуткое и экспериментальное... Это пока не более выходит за определенные рамки, чем то, что было раньше, но это уже другое. На первый взгляд звучит как панк-рок, но при этом мелодично или, по крайней мере, запоминается».

В этой песне присутствует еще одна метафора взаимозависимого существования, на этот раз выраженная жутковатым образом: «У меня есть свой домашний вирус, - поет Курт, и его голос дрожит от ужаса. - Ее молоко - это мое дерьмо, мое дерьмо - это ее молоко». Песня взрывается припевом, одновременно бессмысленным и мрачным, который сопровождается приступами истерической ярости.

«Scentless Apprentice» инспирирована книгой Патрика Зюскинда «Парфюмер», рассказывающей о маньяке-парфюмере, лишенном запаха, но при этом обладающем феноменальным обонянием, что отчуждает его от окружающих людей. Судя по всему, этот персонаж был близок Курту. «Так было несколько лет назад, - рассказывал он. - Я чувствовал себя очень похожим на того парня. Я хотел быть как можно дальше от людей - мне внушал отвращение их запах. Запах людей».

По поводу «Heart-Shaped Box» Курт говорил: «Каждый раз, когда я вижу по телевизору больных раком детей, я просто схожу с ума. Это бьет мне по нервам гораздо сильнее, чем все остальное, что я там вижу». Курт начал писать эту песню на Сполдинг-авеню, где в гостиную у Кортни была выставлена целая коллекция шкатулок в форме сердца. Курту тоже всегда нравились такие шкатулки, однако он настаивал, что они имеют мало касательства к песне.

«Большинство строчек в этой песне набраны из разных стихотворений, - объяснял он. - Мне казалось, что они создают хорошую картину, каждая строчка. Но основная тема песни - это больные раком дети».

Некоторое время он не вспоминал о песне, потом снова занялся ей уже на Голливудских Холмах. Группа пробовала играть ее несколько раз, но ничего не получалось. Курт ждал, что Крис и ДГ" ". внесут в песню что-либо свое, однако те, кажется, пола!... ..и;ъ во всем на него. Наконец, когда Курт решил дать песне последний шанс, она неожиданно получилась у него сама собой.

Несмотря на эмоцио;: ..оа описание Курта эта песня, кажется, вовсе не о больных раком детях. Она о Кортни. «Питающиеся мясом орхидеи пока еще никого не прощают» и «Я хотел бы съесть твою раковую опухоль, когда ты

злишься», по-видимому, указывают на своенравный характер его супруги, в то время как строчки «Сбрось аркан своей пуповины, чтобы я мог забраться назад» и «Целые недели ты держала меня в своей шкатулке в форме сердца» отражают ужасающую зависимость Курта. Однако исполненный сарказма припев указывает на неминуемое освобождение: «Эй, подожди, у меня еще одна жалоба, - поет Курт. - Я в вечном долгу перед твоим бесценным советом».

«Serve The Servants» - типичный пример соединения в одной песне различных тем. Одна из них - это последствия «нирвапггмании», о которых говорится в первых строчках:

«Я сполна рассчитался с тревогами подростка, теперь я усталый и старый».

«Именно так я теперь себя и ощущаю, - объяснял Курт. - Не то чтобы совсем так, но я, во всяком случае, могу делать саркастические замечания по поводу феномена НИР-ВАНЫ».

«Самозванные судьи судят строже, чем понимают» - эти слова относятся к тем, кто критиковал Курта и его группу, не зная, что значит быть в их положении. «Охота на Кортни» также отражена в этой песне. «Если она плывет, значит, она не ведьма» - эта строчка указывает на использовавшееся раньше испытание: на подозреваемую в ведовстве навешивали камни и бросали в колодец. Если она тонула, значит, не была ведьмой.

В «Serve The Servants» также содержится весьма откровенное и личное послание к Дону Кобейну:

Я делал все, чтобы у меня был отец,
но вместо этого у меня был папаня.
Я просто хочу, чтобы ты знал,
я больше не ненавижу тебя.
Мне больше нечего сказать из того,
о чем бы я не думал раньше.

«Я просто хотел, чтобы он знал, что я больше ничего против него не имею, - объяснял Курт. - Но я не хочу с ним говорить, потому что у нас с ним нет ничего общего. Это наверняка его сильно обидит, но так оно все и есть».

«Легендарный развод - это такая скука», - добавляет он в конце припева. Здесь Курт имеет в виду, что ему надоело

постоянное обсасывание идеи, будто развод родителей оказал травмирующее влияние на его последующую жизнь. «В этом нет ничего удивительного или нового, это само собой разумеется, - говорил он. - Я - продукт испорченной Америки. Но я представляю, насколько хуже была бы моя жизнь, если бы я рос во времена депрессии или чего-либо в этом роде. Существуют гораздо более плохие вещи, чем развод». /

Тенденция давать своим песням длинные названия являлась для Курта своего рода реакцией на обычную для так называемых «альтернативных» групп практику давать своим песням и альбомам названия, состоящие из одного слова. Отсюда столь длинное название, как «Frances Fanner Will Have Her Revenge On Seattle». Эта песня была написана в честь мученицы, которую чета Кобейнов почитала как свою заступницу. Особую остроту песне придавало то, что многие из преследователей Фрэнсис Фармер проживают в Сиэтле по сей день.

Она дает ложное свидетельство,
Но мы надеемся, ты все еще с нами,
Чтобы посмотреть, выплывут они или утонут.

Первые две строчки - это ясное для фэнов указание на статью Линн Хиршберг, в то время как третья строчка повторяет образ испытания ведьм из «Serve The Servants». Песня завершается очень близкой сердцу Курта нотой - идеей мести:

Она вернется, как огонь,
Чтобы сжечь всех лжецов

И укрыть землю одеялом из пепла.

«Мне кажется, таким образом я дал всем понять, что бюрократия есть везде, и такое может случиться с каждым, и это большое зло, - объяснял Курт. - Судьи и руководители штата участвовали в заговоре, чтобы поместить ее в психбольницу и сделать ей лоботомию, и ее насиловали группой каждую ночь, и она должна была есть собственное дерьмо, и ее объявили коммунисткой, потому что, когда ей было четырнадцать лет, она написала стихотворение, которое называлось «Бог мертв».

Хотя судьба Фрэнсис Фармер гораздо тяжелее, чем ис-

тория Курта и Кортни, они имеют много общего.

Описанию непривычного для себя состояния счастья Курт посвятил целую песню под названием «Dumb». Наброски этой вещи в стиле THE BEATLES он сделал еще летом 1990 года, незадолго до заключения контракта с Geffen Records, и той же осенью представил ее на радиостанции KAOS в Олимпии. «Думаю, я - глупый, или, может быть, просто счастливый», - поет Курт. «Здесь я решил использовать тему смятения», - объяснял он, давая понять, что счастье и смятение, по его мнению, не так уж далеко отстоят друг от друга.

Хотя сама песня была написана задолго до этого, следующие строчки служат хорошим описанием месяцев, проведенных Куртом и Кортни на героине:

Мое сердце разбито, ноу меня есть немного клея.

Помоги мне вдохнуть и починить его.

Мы взлетим к облакам и там отдохнем,

А потом мы опустимся вниз, и начнется отходняк.

Люди с хорошим слухом наверняка заметят, что гармония песни напоминает «Polly».

«Pennyroyal Tea» была написана осенью 1990 года, когда уже стало ясно, что НИРВАНА подпишет контракт с Geffen Records. «Мы с Дейвом от нечего делать писали все подряд на обычный четырехдорожечник, и я придумал эту песню за полминуты, - вспоминал Курт. - Потом я сел и за полчаса написал к ней слова, и мы записали ее».

Мята болотная, вынесенная в название этой песни, является лекарственным растением, которое среди прочих других обладает абортивными свойствами, но только в токсических дозах. «Мне казалось, это классный образ, - рассказывал Курт. - Я знал девушек, которые пили эту траву, потому что думали, что беременны. Это тема очищения: я пытаюсь изгнать из себя всех своих злых духов с помощью мятного чая. Его нужно выпить очень много, и, я слышал, он действует не очень хорошо. Я никогда не мог найти трав, которые бы мне помогли. Женьшень и все такое прочее - это просто набор левой фашистской пропаганды, которой занимаются хиппи».

«Very Ape» имела рабочее название «Perky New Wave Number». «Я на самом деле понятия не имею, о чем эта песня, — говорил Курт. - Это своего рода атака на мужчин и ущербных личностей вроде мачо». Выражение «король неграмотности», видимо, относится к самому Курту, которого

Кортни часто упрекала за то, что он мало читает.

«Tourette's» вообще не имеет отношения ни к чему.

«Это просто набор звуков, - объяснял Курт. - Я не произносил никаких фраз и никаких слов, я просто кричал». Первоначально на вкладке здесь были указаны слова: «Fuck Shit Piss». Однако название песни напрямую связано с переживаниями Курта по поводу того негативного имиджа, который он приобрел благодаря прессе.

«Всю свою жизнь я плохо относился к людям, и для меня нет ничего хорошего в том, чтобы из-за всего этого стать еще более обозленным, - говорил он. - Я не знаю, как мне противостоять этому. Едва я начал становиться лучше и утвердил себя в качестве музыканта и автора песен, как вдруг меня сделали козлом отпущения, и я вынужден выглядеть еще большей задницей. Для меня существует серьезная угроза превратиться в уличного сумасшедшего. В восьмидесятилетнем парня, страдающего синдромом Туретта, который проклиная весь мир».

(Синдром Туретта - заболевание нервной системы, проявляющееся в многочисленных тиках, охватывающих различные группы мышц, в том числе и мышцы речевого аппарата, что иногда сопровождается непроизвольным произнесением слов, несущих негативную эмоциональную нагрузку - ругательств, проклятий и т.д. - прим. пер.)

В названии «Radio Friendly Unit Shifter» содержится явная отсылка к Nevermind. «Одеяло с прыщами сигаретных ожогов» - это сцена из жизни на Сполдинг-авеню, а строки:

Используй только раз и уничтожь,
Вторжение нашего пиратства...

являются еще одним указанием на беспокойство, причиняемое переменчивой публикой и враждебной прессой. Впрочем, даже сам Курт признавал, что эта песня слишком похожа на листовку.

Вне всякого сомнения, носящие характер исповеди слова песни «All Apologies» имеют для Курта глубоко личный смысл. Эту песню на фестивале в Рединге в 1992 году он посвятил Фрэнсису и Кортни. «Мне хотелось бы думать, что эта песня для них, - объяснял он, - однако ее слова напрямую не связаны с нами. Я написал ее для них, но сами слова этого не выражают. Выражает чувство, а не слова». Этим чувством, по мысли Курта, является счастье. И когда после

второго припева он поет: «Yeah, yeah, yeah, yeah», трудно не почувствовать то же самое.

Первоначально альбом планировалось назвать «I Hate Myself And I Want To Die». Со времени австралийского тура эта фраза стала стандартным ответом Курта на вопрос: «Как дела?». Наверное, это была шутка. Однако весь зловещий смысл этой фразы («Я ненавижу себя и хочу умереть») стал ясен через год. Название было отвергнуто, потому что, как проницательно заметил Крис, «ребята будут совершать самоубийства, и нас привлекут к суду».

Затем альбом хотели назвать «Verse Chorus Verse» - саркастический намек на стандартную для поп-песен схему, которая, по словам Курта, ему очень надоела. Однако к концу мая в качестве названия было выбрано In Utero, каковое выражение Курт обнаружил в одном из стихотворений Кортни и решил, что оно как нельзя лучше подходит для их альбома.

Едва только альбом был закончен, группа направила еще сырую запись президенту Geffen Records Эду Розенблату, а также Гэри Гершу и в Gold Mountain. Но произошло неожиданное - руководству запись не понравилась.

Сначала Курт, столкнувшись со столь единодушным неодобрением всех тех, от кого напрямую зависела карьера НИРВАНЫ, решил переделать альбом заново, тем более что времени еще оставалось достаточно и стоил он не дорого.

Однако друзьям группы альбом понравился, поэтому решено было его доработать с продюсером Скотом Литтом. В начале мая Литт и группа встретились на Bad Animals Studios в Сиэтле и сделали ремикс двух песен, добавив акустическую гитару и ленноновскую гармонию в «Heart-Shaped Box». Большая часть альбома осталась без изменения, однако бас сделали более четким, а вокал - громче.

В середине мая был закончен видеоклип «Sliver», который снимал все тот же Кевин Керслейк. Для этого клипа Курт извлек из хранилища свою собиравшуюся несколько лет коллекцию кукол и безделушек и оформил ими свои гараж, так что он стал выглядеть очень похоже на его квартиру в Олимпии. Во время исполнения Фрэнсис сидела на стуле рядом с Куртом. Позже он прорезал дырки для рук в большом листе картона, поставил перед ним Фрэнсис, а сам просунул в дырки руки и держал ее, так что казалось, будто она не только стоит, но и танцует.

In Utero появился в сентябре 1993 года и несмотря на

все опасения был хорошо встречен критикой и быстро вышел на первые места в чартах.

Глава 7

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ

«Существовало три основных Курта: рок-звезда, отец семейства и абердинский неудачник. Все трое находились в конфликте между собой».

Элис Уилер, фотограф

Знаком того, что Кобеины решили вести «что-то вроде нормальной семенной жизни», явилась покупка ими одиннадцатиакрового имения (а проще говоря, фермы) в Карнейшн, небольшом поселении в двадцати милях к востоку от Сиэтла, которое обошлось им в 400 тысяч долларов. Покупка собственности, по-видимому, явилась для Курта наиболее здравомыслящим поступком после того, как он стал знаменитым. «Он мечтал уехать туда и никогда не возвращаться, - вспоминала его мать. - Он любил бывать там с Кортни и Фрэнсис и, может быть, еще несколькими близкими друзьями, выращивать овощи и цветы, немного играть для себя и не хотел возвращаться». Курт также приобрел для Кортни новую машину, «лексус», и снова стал водить сам.

Кобейны также сняли дом в Сиэтле, на Лейксайд-авеню, прямо у озера, который наиболее соответствовал представлениям о «нормальной семейной жизни», которую они собирались вести. В доме было четыре спальни, а вокруг был каменный сад с кустами рододендронов, лодочный ангар и даже баскетбольная корзина. Среди соседей Курта и Кортни были университетский профессор и вице-президент компании «Боинг».

Несмотря на все свое богатство Курт по-прежнему делал покупки в обычном супермаркете и всегда находил время, чтобы пообщаться с фэнами и просто любопытными. По мнению одного из местных жителей, «ему была смешна сама мысль о том, что он чем-то отличается от других».

Однако, невзирая на все внешние знаки стабильности, Кобейны продолжали вести хаотичную жизнь, которую вели

всегда. Их сие́тлский дом сочетал в себе атмосферу экспериментального искусства, присущую жилищу Курта в Олимпии, с атмосферой наркотического загула, свойственную их квартире в Лос-Анджелесе. Один угол дома, обозначенный как «комната для хлама», был забит книгами, газетами, разлагающейся пищей, пустыми бутылками и частями гитар. Там стоял также буддистский алтарь Кортни. Пол был усеян бычками, «золотыми» и «платиновыми» дисками и их коробками. Одна из спален была превращена в художественную студию, совмещенную со складом жестяных банок и битой посуды. Курт обычно проводил время за кухонным столом, занимаясь собиранием анатомического манекена.

Свидетелями наиболее бурных проявлений семейной жизни Кобейнов становились их соседи. Так, по воспоминаниям одного из них, однажды ночью Курт выскочил на крыльцо и с криками стал швырять одежду Кортни на улицу. В другой раз он набросился на собственную машину с мониторингом и разбил ветровое стекло, после чего, «словно бык», ринулся к озеру. Вызываемая соседями полиция посещала беспокойную пару с периодичностью примерно два раза за пять недель. Впрочем, через год Кобейны купили собственный дом, и тихая улочка зажила своей обычной жизнью.

9 апреля НИРВАНА дала свой первый за полгода концерт в Соединенных Штатах. Это было благотворительное выступление в Cow Palace в Сан-Франциско, весь сбор от которого в размере пятидесяти тысяч долларов пошел жертвам изнасилований во время войны на Балканах. На пресс-конференции Крис прочувствованно говорил о тяжелом положении балканских женщин и, поддержанный Кортни, настаивал, что «смысл панка» заключается в том, чтобы «дать возможность женщинам жить собственной жизнью».

Курт не принимал никакого участия в политических декларациях. По-видимому, он был просто рад представившейся возможности поиграть. Концерт открылся «Rare Me» и включал в себя семь других новых вещей, записанных в феврале на Pachyderm Studios. Выступление прошло с большим подъемом и завершилось традиционным нырянием Курта в ударную установку.

Между тем физическое и умственное здоровье Кобейна продолжало неуклонно ухудшаться. В конце 1993 года он чуть было не бросил пить, однако в остальном дело обстояло еще хуже. Практически каждый вечер, если он был в Сиэтле,

Курта можно было увидеть у заброшенного дома на Гарвард-авеню, где он покупал героин. Он по-прежнему непрерывно курил марихуану и обычные сигареты и редко ел.

Хотя друзья предпочитали об этом не говорить, всем было ясно, что Курт стал психически неустойчивым. «Он быш испуган, ему казалось, что люди преследуют его, что его разговоры прослушиваются», - вспоминал близко знавший Курта репортер Фрэнк Халм. Когда в дом на Лейксаид-авеню пришли монтеры с телефонной станции, Курт закрылся на цокольном этаже, опасаясь, что это пришли за ним «агенты». Кроме того, у него развился любовный бред, и он отправил одной юной студентке-художнице семь или восемь любовных посланий с предложением встретиться с ним в одном из сиэтлских отелей. Когда девушка отказала, он стал звонить ей по десять раз на дню, провожал ее до дома и в заключение послал ей кирпич, завернутый в бумагу с запиской: «Я не одержим тобой. Я просто хотел поговорить с тобой о концептуальном искусстве».

Возможно, в основе странного поведения Курта лежал его давний страх перед старостью, сопряженный с осознанием того, что в двадцать шесть лет его лучшие годы уже остались позади. И хотя миллионам людей все еще нравилась музыка НИРВАНЫ, росло число тех, кто считал их фирменную смесь апатии и ярости устаревшей. Среди поклонников группы было немало и таких, кому просто надоел беспроектный мрак гранже. Таким образом, Курт мог вполне реально опасаться потери своей аудитории.

«Большая часть его проблем была связана с творческим кризисом, - рассказывал один из друзей Курта. - В музыкальном плане это был скорее закат, чем рассвет». Курт стоял у истоков гранджа и в большей степени, чем кто-либо другой, мог считаться его создателем. Он воспользовался преимуществом писания на доске, пока она была еще практически чистой. Теперь НИРВАНЕ приходилось конкурировать со множеством новых групп, и это деморализовывало Курта. Всем было хорошо известно, что группе понадобилось почти два года, чтобы выпустить альбом с новым материалом. Ходили постоянные слухи о ее распаде. Крис открыто говорил о возможности сольной карьеры, а сам Курт признавался, что хочет основать независимую фирму, «чтобы записывать уличных бродяг, людей с физическими недостатками и умственно неполноценных».

Другим мучительным для Кобейна моментом явилось

осознание им своей трансформации из бунтаря в то, что он больше всего ненавидел - богатую знаменитость. Ему приходилось постоянно убеждать себя в том, что его слава вполне заслуженна, и в этом мало кто из окружающих мог его понять.

2 мая 1993 года Курт вернулся домой на Лейксайд-авеню бледным, дрожащим и нетвердо стоящим на ногах. Позднее вечером, во время семейного обеда, на котором присутствовали его мать и сестра, состояние Кобейна настолько ухудшилось, что Кортни вынуждена была сделать мужу инъекцию бупренорфина (запрещенного препарата, используемого иногда для откачивания передозировавшихся героином) и дать ему еще кучу разных таблеток, чтобы вызвать рвоту. После того как приехали медики и полиция, Курт был отправлен в больницу, откуда, впрочем, его вскоре выписали. Полиции Кортни сказала, что такие случаи происходили и раньше.

4 июня полиция вновь была вызвана в дом Кобейнов. Согласно протоколу, «подозреваемый Курт Кобейн и потерпевшая Кортни Лав вступили в спор из-за хранящегося в доме оружия. Потерпевшая Кортни заявила, что выплеснула в лицо подозреваемому Курту стакан сока, в ответ на что подозреваемый Курт толкнул ее. Потерпевшая в свою очередь толкнула подозреваемого, после чего подозреваемый повалил потерпевшую на пол и стал душить ее, оставив царапины». Позднее Кортни утверждала, что драка завязалась из-за «суицидального» пристрастия Курта к наркотикам. Курта арестовали и поместили в окружную тюрьму, откуда он был выпущен через три часа под залог в 950 долларов.

Утром 23 июля в Нью-Йорке Кортни услышала грохот в ванной комнате отеля, где они с Куртом остановились. Открыв дверь, она обнаружила Курта без сознания. Спустя считанные часы после того как его откачали от очередной передозировки, Курт уже был вместе с группой на сцене в Роузленде. Несмотря ни на что концерт прошел успешно, хотя состояние Курта не укрылось от бдительных журналистов, один из которых написал позднее, что Курт «выглядел как человек, собаку которого только что задавила машина».

Следующие три дня Курт провел, давая интервью в Нью-Йорке. На вопрос корреспондентки журнала «Face»: «Думает ли он, что может жить вечно?», Курт ответил: «Конечно. Я думаю, когда ты умираешь, ты совершенно счастлив, и твоя душа где-то продолжает жить, и существует

эта позитивная энергия. Я совсем не боюсь смерти». Другому корреспонденту Курт сказал: «У меня всю жизнь были суицидальные намерения. Я просто не хочу умирать сейчас. Иметь ребенка и любить - это единственное, что делает меня счастливым».

Три недели спустя, 6 августа, в Сиэтле НИРВАНА дала свой завершающий концерт в качестве трио. В последний момент они присоединились к благотворительной акции, посвященной памяти Мии Запаты, участницы одной из местных групп, убитой в прошлом месяце, фотограф Майкл Эндил рассказывал, что после концерта обнаружил пьяного Курта за кулисами, где тот судил поединок между Кортни и подружкой Тэда Доила. В результате они опрокинули лампу, и в гримерной возник пожар. После этого Курт отправился к своему торговцу за героином и закончил вечер в баре одного из центральных отелей, где раздавал автографы туристам и бизнесменам и утверждал, что «несмотря на дерьмовую погоду» Сиэтл является «лучшим местом на земле».

К этому времени Курт играл всего несколько концертов в год, однако даже это полностью выматывало его. Он был мертвенно-бледен, его вес упал до 115 фунтов (52 кг), а голос превратился в едва слышное рычание. Прекрасно понимая, как он выглядит, Курт стал все чаще появляться на улице в шапке и черных очках. В довершении всех бед его боли в животе возобновились, что явилось дополнительным стимулом к хроническому употреблению героина.

Помимо передозировок в мае и июле были еще случаи в Сан-Франциско, когда Курт ввалился в одну из клиник с мертвенно-бледным лицом и едва дыша. Врачи оказали ему необходимую помощь, при этом у него из руки были извлечены две сломанных иглы. Его можно было увидеть покупающим героин перед закусочной для автомобилистов на Бродвее, в парке неподалеку от дома, у входа в сиэтлскую публичную библиотеку. В сентябре Курт предпринял еще один курс детоксикации, готовясь к осенне-зимним турам по Штатам и Европе.

Одновременно с ухудшением здоровья росли раздражительность Курта и его неприятие соперников. На вопрос журналиста Дэвида Фрика по поводу PEARL JAM Курт сначала сказал, что «не хочет углубляться в это», а потом добавил: «Я уверен, что они не сделали ничего, чтобы бросить вызов своей аудитории, как это сделали мы (в In Utero). Это благополучная рок-группа».

Раньше Курт отчаянно пытался убедить себя, что мрачная полоса в жизни скоро закончится и вот-вот впереди забрезжит свет. Ему казалось, что все, что для этого нужно, это немного отдохнуть, переждать волну критики и обвинений. Теперь, спустя год после начала направленной против него кампании в прессе, у него, кажется, не осталось никаких надежд. Согласно воспоминаниям близко знавшего Курта писателя Дэвида Хейга, «его очень беспокоила мысль о том, что невыносимое положение вместо того, чтобы улучшиться, может стать еще более невыносимым». Готовясь к туру в октябре 1993 года, Курт, кажется, утратил даже уверенность в своем профессионализме. «Мы совершенно истощились, - сказал он в одном из интервью. - Мы подошли к тому пределу, когда все начинает повторяться. Не к чему стремиться, нечего ожидать». В том же интервью Курт заявил, что «через пять лет я буду совершенно забыт».

Единственное, что к этому времени оставалось в жизни Курта помимо наркотиков, были его жена и дочь. По мнению репортера Фрэнка Халма, «Курт находился в подчинении у одной и боготворил другую». Он с необычайной аккуратностью относился к своим отцовским обязанностям: сам подогревал молоко и проверял, чем няня кормит его дочь. Как всякий любящий отец, он с восторгом показывал фотографии Фрэнсис друзьям.

На вручение ежегодных премий MTV 8 сентября Курт явился в модном полосатом пиджаке из джерси и толстых солнцезащитных очках красного цвета. На руках он держал Фрэнсис и уверял собравшихся, что стал «самым настоящим денди». Сама церемония коренным образом отличалась от того что происходило год назад. Несмотря на то что НИРВАНА вновь победила в номинации «За лучший альтернативный клип», на этот раз с «In Bloom», все прошло очень спокойно и, по мнению звукоинженера Элана Уайнберга, «напоминало скорее пикник, чем рок-шоу». Напряжение возникло лишь однажды, когда охранник, введенный в заблуждение видом улыбающегося Курта, несущего на плечах Фрэнсис, потребовал у Кобейна удостоверение личности, прежде чем выпустить его на сцену.

Две недели спустя НИРВАНА во второй раз выступила на «Saturday Night Live». Наркотически-разгульный хаос первого выступления на этот раз уступил место атмосфере высокого профессионализма. Группа выступала в расширенном составе, с добавленной ритм-гитарой, на которой

играл Пэт Смир, входивший ранее в состав легендарной лос-анджелесской панк-группы GERMS. НИРВАНА отыграла две вещи с In Utero, раскланялась и степенно удалилась. Не было ни ломания инструментов, ни французских поцелуев.

Наверное, одним из самых любопытных эпизодов жизни Курта этого времени, характеризующим поиски им новых горизонтов, явилась его встреча с Уильямом Берроузом.

Знакомство состоялось через общего друга. Тора Линдсея, работавшего на независимой фирме Tim Kett Records. Хотя, по собственному признанию автора «Голого завтрака», он не очень «врубался в грандж», тем не менее он «восхищался пылом» музыки Курта. В это время Берроуз прислал Тиму Керру запись своего чтения одного из произведений, которую тот наложил на сэмплы гитары Курта и выпустил в свет под названием «The Priest They Called Him».

Позднее Курт послал факс Берроузу в Лоуренс, штат Канзас, с предложением сыграть роль распятого в клипе «Heart-Shaped Box», однако Берроуз отказался. После еще одного обмена факсами, в котором Курт между прочим выразил надежду, что писатель не воспримет его послание как «поиск новых источников наркотиков», решено было встретиться в Лоуренсе. Вот как Берроуз описывал впоследствии эту встречу: «Я уже ждал его, и Курт вышел из машины с еще одним человеком (дорожным менеджером Алексом Маклеодом). Кобейн был очень застенчив, очень вежлив и, по-видимому, был доволен тем, что я не испытывал в его присутствии благоговейного ужаса. В нем было что-то мальчишеское, хрупкое и обаятельно-потерянное. Он курил сигареты, но ничего не пил. Наркотиков не было. Я так и не показал ему свою коллекцию оружия». Вечер закончился обменом подарками: Курт получил живописное полотно, а сам подарил Берроузу биографию Лидбелли, на которой поставил свой автограф. Провожая взглядом отъезжающий лимузин, старый писатель заметил секретарю: «С этим парнем что-то не так. Он хмурится безо всяких причин».

Осенний концерт в Лондоне со всей очевидностью показал, что выступления НИРВАНЫ уже не имеют никакого отношения к андеграунду. Масштабы коммерциализации, торговли наркотиками и майками, процветавшей там, сделали бы честь самим ROLLING STONES. В музыкальном же плане концерт принес разочарование.

18 октября НИРВАНА начала свой полномасштабный тур по Соединенным Штатам, первый за два года. Курт

предпочел бы ограничить выступления небольшими клубами, где все могли бы танцевать и не было бы нужды вооружаться биноклями. Однако для группы было уже слишком поздно бороться с гигантской шоу-машиной, которую они же сами и создали. В результате тур включал в себя сорок пять концертов на самых различных площадках перед аудиторией, привычно нюхавшей кокаин и размахивающей знаменами с надписью «Teen Spirit». Сцена была декорирована под лес с похожими на скелеты деревьями и бумажными птицами. Курт воспользовался также идеей кинорежиссера Вима Вевдерса и поставил по бокам сцены крылатые анатомические манекены вроде того, который изображен на обложке In Utero. Претерпел изменение и состав группы: теперь в ней играл второй гитарист Пэт Смир и виолончелист Лори Голдстон из сие́тлского оркестра BLACK CAT.

На этот раз НИРБАНА решила получить от iju i чак можно больше удовольствия. Они взяли с собой свои любимые группы, включая BREEDERS, BUTTHOLE SURFERS, CHOKEBORE, COME, HALF JAPANESE, MEAT PUPPETS, MUDHONEY и SHONEN KNIFE. НИРБАНУ везли два автобуса, они останавливались в хороших отелях, и у них даже был свой массажист. Они запланировали много дней для отдыха и взяли с собой жен, невест и друзей. Возможно, поэтому они играли в этот раз самые лучшие концерты за все время своего существования.

Так как Кортни со своей группой HOLE была занята записью материала к новому альбому, в эту поездку Курт взял с собой Фрэнсис, которая в самом прямом смысле была светом его жизни. Всякий раз, как он видел ее, его лицо светлело, морщины на лбу разглаживались, и все пространство вокруг озарялось его радостью.

Курт был на подъеме. Еще до начала тура он признался Дэвиду Фрику, «что никогда не чувствовал себя счастливее». Другому репортеру он сказал, что «излечился» как от наркотической зависимости, так и от болей в животе. Окруженный толпой телохранителей, журналистов, поваров, шоферов и личных консультантов, Курт, тем не менее, всегда был настроен на неформальное общение с аудиторией. Так в Канзасе он вышел на сцену и обратился к публике с вопросом: «Кевин здесь?» Он побуждал аудиторию подпевать припевы наиболее известных вещей. Наверное, наиболее сюрреалистическим моментом тура явился звук голосов 6000 глоток, старательно выводящих слова «Rare Me».

В одном из интервью в Чикаго, перечислив причины своего нынешнего оптимистического настроения («Выпуск диска. Моя семья. Встреча с Уильямом Берроузом и работа над совместным диском»), Курт бросил замечание, которое постфактум можно было расценить как указание на близящуюся трагическую развязку: «Я только надеюсь, что не буду счастлив настолько, что мне станет скучно. Думаю, я всегда останусь невротиком, способным на какую-нибудь ди-кость».

Неудовлетворенность Курта «формулой НИРВАНЫ», впервые проявившаяся в Роузленде, когда он настоял на введении в концерт акустического номера, проявилась в полной мере 18 ноября 1993, когда НИРВАНА пополнила собой список групп, участвующих в акустических концертах, организованных MTV. Выступление в Sony Studios в Нью-Йорке было отмечено атмосферой довольства и благополучия, излучаемых группой, и самоиронией Курта («Даю гарантию, вы забудете на эту песню»), который был в ударе, сыпал шутками в перерывах между песнями и пел с подъемом. Были исполнены версии «About A Girl», «Polly», «Come As You Are» и «Pennyroyal Tea», которой Курт покориł даже самых упорных поклонников гранджа, присутствовавших в толпе. Наверное, лучше всего на концерте работали ранние вещи из архивов Курта, которые он исполнял один, сгорбившись на стуле со своей акустической гитарой. Также было исполнено беспрецедентное количество кавер-версий, включая «The Man Who Sold The World», в которую Курт добавил строчку о «слепом взгляде» успеха. Диск MTV Unplugged In New York был выпущен почти год спустя и получил премию «Грэмми».

1993 год «Нирвана» завершила участием в организованном MTV в канун Нового года шоу «Live and Loud» в Нью-Йорке. Фотограф Элис Уилер была поражена «голливудской атмосферой», царящей за кулисами: там было полно группиз и «всем было глубоко наорать на группу». По словам Уилер, которая сделала несколько снимков Кобейна, это был «обычный, умный и самоуверенный» Курт. По мнению Уилер, давно знавшей Кобейна, «существовало три основных Курта: рок-звезда, отец семейства и абердинский неудачник. Все трое находились в конфликте между собой».

В этот же день, поздно вечером, Курт появился у знакомого заброшенного дома на Гарвард-авеню, где приобрел станиолевый пакетик героина. После этого он направился в

бар, где выпил коктейль из текилы с джином, запив все это микстурой от кашля. Домой он вернулся за полночь. По свидетельству соседей, поднимаясь нетвердым шагом по ступенькам, Курт упал и скатился вниз, в сточную канаву, где некоторое время лежал с легкой улыбкой, всматриваясь в последний год своей жизни.

Завершающие концерты американского тура НИРВА-НА отыграла в Сиэтле 7 и 8 января 1994 года. По свидетельству очевидцев, Курт сохранил свое бодрое расположение духа. После одного из концертов при непрекращающейся овации он вышел на сцену, подошел к микрофону, закурил и произнес двухминутную речь, обращаясь не только к битком набитому залу, но и к огромной аудитории радиослушателей. Медленно и тщательно подбирая слова, он говорил фэнам о своей любви к ним. Эта короткая речь шесть раз прерывалась аплодисментами, прежде чем он смог ее закончить.

19 января Кобейны приобрели за полтора миллиона долларов дом в Сиэтле, на Лейк-Вашингтон-бульвар. Это был серый трехэтажный особняк, скрытый за каменной стеной, обвитой сверху непроницаемыми зарослями кустарника. Прилегающий к дому участок был украшен рододендронами и азалиями, а из окна открывался великолепный вид на озеро и далее на горы и леса центрального Вашингтона.

Дом был построен в начале века шведскими плотниками из кедра, и в нем не было недостатка в предметах роскоши. Дубовые полы были покрыты дорогими коврами. Как и на Лейксайд-авеню, одна комната была отведена Куртом для занятий живописью. На цокольном этаже находился целый склад книг, дисков, разломанных гитар и бутылок. В доме была огромная модернизированная кухня, а в гостиной имелся большой камин. Несмотря на хорошее расположение дома посетители почему-то находили его довольно мрачным. На стенах не было никаких картин. Так же, как и в предыдущем жилище, окна вместо штор были завешаны тяжелыми простынями.

Соседями Кобейнов на этот раз были банкиры и доктора, что, кажется, доставляло Курту особое удовольствие. «Солидные, преуспевающие люди», - отзывался он о них. По-видимому, чувство уважения было обоюдным. «Они были образцовыми соседями, - характеризовал Кобейнов Уильям Бейларджн, чей дом примыкал к дому Курта. - Мы были рады знакомству с творческими и интересными людьми».

ми». В своем стремлении стать полноправным членом высшего общества Курт даже преодолел свою застарелую ненависть к спорту и послал заявку на вступление в расположенный неподалеку Сиэтлский теннисный клуб для себя и своей семьи. Одновременно Курт начал отдаляться от многих из своих старых друзей, для которых его богатство стало непреодолимой преградой для общения.

В начале года Курт заявил, что НИРВАНА примет участие в фестивале в Лоллапалузе, не забыв при этом лягнуть соперников: «Мы должны продать больше дисков, чем PEARL JAM». Никто из присутствовавших на его сиэтлских концертах не мог предположить близость кризиса. «Как раз наоборот, - вспоминал один из друзей Кобейна. - Впервые у Курта появился вкус к жизни. Он собирался с силами».

В это время Курт неоднократно подчеркивал свою приверженность НИРВАНБ. После введения в состав группы второго гитариста его, кажется, вполне удовлетворяло ее звучание. На концертах Курту вновь стал присущ юмор, свойственный его ранним выступлениям. Он регулярно наигрывал между номерами «Twilight Zone», исполнял песни по просьбам. Он даже включил в репертуар группы хипповскую песню «If You're Going To San Francisco». Прежде чем уйти со сцены 5 января, он посвятил исполнение «Teen Spirit» «Сиэтлу - самому приемлемому для жизни городу в Америке». После этого Курт сорок минут стоял на улице под дождем, раздавая автографы.

Глава 8

Я НЕНАВИЖУ СЕБЯ И ХОЧУ УМЕРЕТЬ

«Уже много лет я не испытывал волнения ни от прослушивания, ни от создания музыки, равно как от чтения и писания стихов. Трудно передать словами, как мне стыдно за это».

Курт Кобейн

Ситуация резко изменилась уже к концу января. Было похоже на то, словно Курт истощил свои силы в результате чрезмерной социализации. Достаточно хорошо знавший

Курта писатель Дэвид Хеиг вспоминает, что в это время «Курт, кажется, постоянно пребывал не в духе. Его энергетический потенциал понизился. Пламя угасало. Ему казалось, что он отбывает срок». Появились слухи, что не все благополучно между Куртом и Кортни. У них происходили постоянные стычки из-за хранящегося в доме оружия, которое, как настаивал Курт, было необходимо ему для самозащиты.

Продолжалось и хроническое употребление героина. Однако теперь Курт пристрастился еще и к транквилизаторам, которые принимал в огромных количествах. Для близких друзей уже давно не являлось секретом, что в последние два года своей жизни Курт фактически превратился в инвалида. Докторам требовалось от четырех до шести недель, чтобы подготовить его к туру, и даже это не всегда помогало. Во время же последних концертов он с трудом вспоминал слова собственных песен.

В начале 1994 года Gold Mountain, кажется, забыла о своем обещании никогда не планировать для НИРВАНЫ напряженных зарубежных туров. Проигнорированы были также предупреждения друзей Курта, что его здоровье может просто не выдержать тридцати восьми концертов в десятке европейских стран.

К началу тура в Лиссабоне, 6 февраля, Курт выглядел напряженным, отчужденным и, по свидетельству Алекса Маклеода, «усталым». Он путешествовал отдельно от Криса и Дейва и уже во Франции, во время телевизионного шоу, заявил, что чувствует себя истощенным и не в настроении петь. К тому же у него начались проблемы с голосом, и по этому поводу Крис едко заметил, что «Курту, чтобы выступить, необходима нянька». Кортни ничем не могла ему помочь, так как была занята со своей группой, однако Курт постоянно звонил ей. «Он звонил мне из Испании, - рассказывала она журналу «Rolling Stone». - Он был в Мадриде и проходил через зал. Ребята курили героин с фольги и говорили ему: «Курт! Кайф!» - и показывали вытянутые вверх большие пальцы. Он звонил мне, плача... Он не хотел превратиться в символ наркомании».

Когда НИРВАНА была в Париже, местный фотограф Юри Ленкет решил сделать несколько снимков Курта с только что приобретенным спортивным пистолетом. В жутком предвосхищении последующих событий Курт засунул ствол пистолета себе в рот, сделал вид, что нажимает на

спусковой крючок, и изобразил результат выстрела.

Мити Адхикари, инженер компании «Би-Би-Си», продюсировавший НИРВАНУ в 1991 году, вспоминает, что после выступления в Любляне 27 февраля Курт «...выглядел, как призрак. Бледный. Сжавшийся. Он что-то пробормотал по поводу того, чтобы встретиться в Лондоне, однако я бы не поручился за то, что это когда-либо произойдет. Он был мертвенно-бледен, и было видно, что ему трудно говорить, не говоря уже о том, чтобы петь».

Адхикари, который записывал триумфальное выступление НИРВАНЫ на фестивале в Рединге, был разочарован «сырым и бесцельным» выступлением в Любляне. По его словам, «это не было похоже на дикое, необычное выступление, которое сорвалось. Это было хуже - посредственность». Конечно, там были знакомые черты: хард-роковые ударные и отрывистый звук гитары (не Кобейна, а Смира). Виолончель добавила группе мелодичности. Однако часто самый лучший материал с Nevermind и In Utero превращался в ленивую импровизацию, недостойную оригиналов. Если паньше НИРВАНА лучше играла на концертах, чем в записи то теперь все обстояло наоборот. Трехминутная классика вроде «Drain You» и «Rare Me» превратилась в растянутый джем, и сами музыканты, кажется, думали только о том, как бы отработать положенное время и побыстрее покинуть сцену.

1 марта НИРВАНА выступала в Мюнхене. Курт потерял голос после третьего номера, прорычал в микрофон несколько импровизированных строк и на следующий день вынужден был обратиться к врачу. Ему был поставлен диагноз «тяжелый ларингобронхит» и рекомендовано несколько недель отдохнуть. Группа вынуждена была отложить оставшиеся тридцать три концерта. При этом личный врач Курта считал, что ему необходимо по меньшей мере «два месяца отдыха и учиться нормально петь». Ответом Курта явился очередной курс самолечения с помощью героина. 2 марта Курт вылетел в Рим. Он сказал одному из репортеров, что нет никаких шансов возобновления тура.

В этот же день вечером он остановился в римском отеле «Excelsior» через дорогу от американского посольства. На следующий день из Лондона прилетела Кортни с ребенком и няней. В этот же вечер Курт послал служащего гостиницы получить по рецепту в аптеке роипнол, сильный транквилизатор, использующийся иногда для снятия симптомов ге-

роиновой абстиненции. После этого он заказал в номер две бутылки шампанского.

То, что произошло впоследствии, в объяснениях различных сторон описывалось то как «неумышленная передозировка», то как потеря сознания «на почве сильной усталости». Дело обстояло следующим образом. Проснувшись рано утром 4 марта, Кортни заметила струйку крови, вытекающую из носа Курта. После безуспешных попыток привести мужа в сознание она вызвала «скорую помощь». Сначала все происшедшее было расценено как несчастный случай. Однако впоследствии выяснилось, что Курт проглотил никак не меньше пятидесяти таблеток и оставил записку.

Под вымышленным именем Клод Пупон в семь часов утра Кобеин был помещен в «Клинику Умберто 1 », а затем переведен в американский госпиталь. После двадцати двух часов, проведенных в коме, Курт пришел в себя и потребовал «убрать эти чертовы трубки» у себя из носа.

Рим никогда не был местом, где знаменитость могла чувствовать себя спокойно. После того как доктор Освальдо Галетта заверил прессу, что в организме его пациента «не произошло необратимых нарушений и высшие центры мозга остались незатронутыми», журналисты словно сорвались с цепи. Итальянское телевидение показало репортаж, как безжизненного Курта выносят из отеля и Кортни кричит оскорбления репортерам. CNN прервало свою передачу, чтобы ошибочно сообщить о смерти Кобеина. Во всей этой информационной кутерьме руководство Gold Mountain решило представить инцидент в Риме как несчастный случай. Было заявлено, что Курт просто «хотел отпраздновать свою встречу с Кортни после долгой разлуки». Впоследствии многие из друзей Курта сожалели о том, что не знали об этой первой попытке самоубийства и не пытались с ним поговорить. Спустя пять дней Кобеин в сопровождении жены и дочери покинул госпиталь в Риме и вылетел в Сиэтл.

Один из друзей вспоминал, что в этот период Кортни «строила перед Куртом различные проекты, словно он был ребенком, рассматривающим книжку с иллюстрациями, о том, что она, Кортни, сможет все уладить с бизнесом». Чаще всего, однако, в этом не было никакой необходимости, потому что Курт начинал клевать носом уже с вечера. При этом его раздражало, что «Кортни предпочитала проводить время с HOLE вместо того, чтобы быть его сиделкой».

Некоторое время о Кобеинах ничего не было слышно,

однако уже 18 марта сизтлский полисмен по фамилии Левандовски был вызван в дом Кобейнов. Придя на место, он «обнаружил Курта, запершегося в ванной, где он прятался от Кортни». На вопрос полицейского, что происходит, Курт ответил, что их супружеские отношения с Кортни стали слишком напряженными и что они собираются обратиться к семейному консультанту. Месяц спустя Кортни заявила полиции: «Отношения переживали трудные времена из-за частотного употребления Куртом наркотиков и из-за того, что я пыталась его остановить». Частный детектив Том Грант утверждал также, что за несколько недель до смерти Курта Кортни попросила своего адвоката Розмари Кэррол найти опытного специалиста по бракоразводным процессам. Она также интересовалась, нельзя ли как-нибудь аннулировать брачный договор.

По возвращении Курта в Сизтл его телефон и факс стали буквально раскалываться от звонков и посланий обеспокоенных фэнов. Большинство из них перехватывалось Кортни, однако Курту удалось увидеть некоторые из них, и он пришел в ужас. Десятилетний мальчик писал ему: «Если ты умрешь, как смогу жить я?» Таким образом, та самая «доступность», на которой всегда настаивал Курт, повлекла за собой сотни посланий от людей, которым он был не в состоянии помочь, но ответственность за которых ощущал. Кортни впоследствии вспоминала: «Однажды Курт «нашел спрятанную кипу статей о себе за последние три месяца. Мы подрались. Я пыталась их отнять. Он рассыпал страницы по полу... Я пыталась уговорить его: «Это все дым, это пройдет». Он ответил: «Точно, это пройдет. Я никогда больше не буду играть эту чертову музыку. Я не собираюсь оставаться здесь и смотреть, как это происходит».

18 марта полиция вынуждена была еще раз посетить дом Кобейнов по вызову Кортни, которая утверждала, что Курт заперся в комнате с тремя ружьями и угрожает убить себя. Прибывший на место полицейский снова обнаружил запершегося в ванной Курта, при этом тот утверждал, что вовсе не собирался убивать себя. Принимая во внимание «быстро меняющуюся ситуацию», полиция конфисковала хранившиеся в доме четыре ружья, двадцать пять коробок различных боеприпасов и флакон неизвестных таблеток. Остаток недели Курт провел один в семейном имении в Карнейшн. Позднее Кортни призналась журналу «Rolling Stone», что «она больше не могла этого выносить».

Четыре дня спустя чету Кобейнов видели в автомагазине «American Dream» на Вестлейк-авеню, где владельца Джо Кении поразил их «удрученный вид и шаткая походка». При этом из кармана у Кортни, когда она направлялась в туалет, выпал флакон с таблетками. Еще один местный житель вспоминал, что слышал, как супруги «рычали друг на друга, словно злые собаки», гуляя с дочерью около дома.

К концу марта семья Курта, его коллеги и менеджеры наконец поняли то, что уже давно было известно обычным фэнам. Стивен Чатоф, психотерапевт-интервенционист из Калифорнии, вспоминает: «Они позвонили мне, чтобы узнать, что можно сделать. Кобейн в Сиэтле снова употреблял наркотики. Он находился в полном негативе. Его поведение было хаотичным. И они опасались за его жизнь. Это был кризис». По-видимому, менеджеры поставили перед Куртом ультиматум: «Лечись или можешь распрощаться со своей карьерой».

25 марта Кортни, Крис, Пэт Смир, старый друг Курта Дилан Карлсон, а также Джон Сильва, Дэнни Голдберг и Дженет Биллиг из Gold Mountain под руководством доктора Чатофа приняли участие в сеансе интервенционной психотерапии. Один за другим они угрожали Курту бросить его или перестать с ним сотрудничать. В течение всех пяти часов, что продолжался сеанс, Курт сидел с отсутствующим видом. Один из участников впоследствии вспоминал: «Мы все сыграли свои роли. Беда была в том, что никто не указал, что слезть с героина было в личных интересах самого Курта».

От услуг Чатофа решено было отказаться, и Кортни убедила мужа еще раз пройти курс лечения в реабилитационном центре «Exodus», в Калифорнии. Однако уже в аэропорту Курт изменил свое решение и отказался садиться в самолет. Кортни улетела в Лос-Анджелес одна со своим менеджером. Ей больше было не суждено увидеть мужа живым.

Последнюю неделю марта Курт провел один в Сиэтле. Полиция предполагает, что в течение нескольких дней он бесцельно слонялся по городу. Одному из завсегдатаев Linda's Tavern (совладельцами которой являлись Пэвитт с Поуниманом) он жаловался, что его «органическая связь с жизнью» нарушилась, и остались лишь квитанции о денежных поступлениях. 26 марта он покупал героин у своей дилерши на Кэпитл Хилл и спрашивал ее: «Куда пропали все мои друзья, когда они мне так нужны? Почему мои друзья

против меня?»

В конце марта в прессе появились сообщения, что НИРВАНА отказалась участвовать в фестивале в Лоллапалузе. Некоторые газеты написали даже о распаде группы. Вне всякого сомнения, Курту было больно читать о том, что в Лоллапалузе НИРВАНУ заменит SMASHING PUMPKINS, группа бывшего любовника Кортни Билли Коргана.

Вечером 30 марта Курт и Дилан Карлсон зашли в спортивный магазин Стэна Бейкера, расположенный на Лейк-Сити-уэй, где по просьбе Курта Карлсон приобрел ружье «ремингтон М1 1» 20-го калибра, которое, по словам Курта, было необходимо ему для самообороны. Впоследствии Дилан утверждал, что ни Курт, ни кто-либо из его близких не сказали ему о том, что инцидент в Риме был попыткой самоубийства. По-видимому, Курт не хотел приобретать оружие на свое имя, опасаясь привлечь внимание полиции, недавно уже конфисковавшей его арсенал.

В оставшиеся часы 30 марта на Лейк-Вашингтон-бульвар происходила бурная деятельность. Один за другим Курта посетили сотрудник Геффена, его агент, врач и торговец героином. Курт также разговаривал по телефону с Крисом и Кортни, которая пригрозила ему разводом, если он не согласится пройти курс лечения в «Exodus». Этим же вечером шофер лимузина по имени Харви Оттинджер отвез Курта в аэропорт. По дороге пассажир рассказал ему, что только что приобрел ружье, что у него с собой коробка с патронами, и он беспокоится, как бы не возникли проблемы с посадкой в самолет. По словам Оттинджера, он взял с собой патроны для лучшей сохранности.

В лос-анджелесском аэропорту Курта встретили Пэт Смир и менеджер из Gold Mountain, которые тут же отвезли его в Марина-дель-Рей, где располагался «Exodus». Одеть ИИ в оливкового цвета пижаму и халат, но без пояса, Курт был заперт в своей палате 2х3 метра, напоминавшей скорее тюремную камеру. На день ему полагалась лишь пачка сигарет и двухразовое питание. Особенно раздражал Курта проникавший в палату отраженный свет, сориентированный таким образом, чтобы палата постоянно была освещена.

1 апреля няня принесла в больницу Фрэнсис пообщаться с отцом. По свидетельству одного из работников клиники, «Курт был очень расстроен, что не пришла Кортни» (находившаяся, кстати, всего в нескольких милях, на полуострове Беверли Хиллз). Этим же вечером он позвонил ей в

отель. «Помни, что бы ни случилось, я люблю тебя», - тако-
вы были его последние слова, обращенные к жене. Позднее,
после посещения Гибби Хейниса из BUTTHOLE SURFERS и
еще одной женщины, Курт оделся, перелез через двухметро-
вую стену вокруг клиники и направился в аэропорт.

Он купил билет первого класса до Сиэтла, воспользо-
вавшись своей кредитной карточкой. Прежде чем сесть в
самолет, Курт позвонил в компанию по прокату лимузинов и
попросил встретить его по прилете. После этого он попы-
тался снять со своего счета 150 долларов, но обнаружил, что
Кортни, которой сообщили о побеге, аннулировала карточ-
ку. Шофер лимузина Линда Уокер, встретившая Кобейна на
следующее утро в аэропорту, впоследствии вспоминала, что
Курт нормально разговаривал с другими пассажирами, и на
его лице блуждала неясная улыбка. Она отвезла Курта на
Лейк-Вашингтон-бульвар, где его встретил обитавший там в
отсутствии хозяев Майкл Де Витт, исполнявший ранее обя-
занности няни Фрэнсис, а теперь следивший за домом. Впо-
следствии Де Витт вспоминал, что Курт «выглядел больным
и вел себя странно».

В 7.30 утра Курт взял такси и отправился в город за бо-
еприпасами. Квитанция на 25 патронов была позднее обна-
ружена у него в кармане. Наспех позавтракав, он отправился
к торговцу героином, а потом в течение шести минут безуспешно пытался связаться с Кортни. Гостиничный коммута-
тор, служащим которого Кортни дала указание не соединять
ее ни с кем, кроме мужа, так и не смог наладить связь. Днем
одна из подруг повстречала Курта на Кэпитл Хилл. Он отдал
ей ключи от своей «вольво» и жестом показал приставлен-
ное к голове ружье.

3 апреля Курта мельком видел Джон Сильва. Один из
соседей также видел его в парке неподалеку от дома. По его
словам, Курт выглядел больным и был в пальто несмотря на
теплую погоду. Чарльз Петерсон тоже видел его в централь-
ной части города и подумал тогда, что Курт «готов». В этот
день мужской голос позвонил в «Seafirst Bank» и попытался
снять со счета Курта 1100 долларов, используя его кредит-
ную карточку, однако получил отказ. После этого было еще
несколько попыток, которые также закончились неудачей. В
этот день Курта, одетого под пальто в плотный военный ки-
тель и охотничью кепку, встретила на Бродвее женщина по
имени Сара Хоэн. По ее словам, он был «в скверном распо-
ложении духа», прочитав известие о том, что в этот день 40

тысяч фэнов выстроились в Лос-Анджелесе в очередь за билетами на концерт EAGLES. «Мы могли бы вовсе не существовать», - сказал ей Курт напоследок.

После этого Курт на двое суток исчез из города. Полиция считает, что он провел это время с неизвестной женщиной в Карнейшн. Позднее Кортни обнаружила там незнакомый ей голубой спальный мешок, остатки еды и компакт-диски. Пепельница была полна окурков, часть из которых имела на себе следы помады.

Утром 4 апреля мать Курта Венди подала в полицию заявление на розыск сына. Согласно этому заявлению, «Кобейн сбежал из клиники в Калифорнии и прилетел в Сиэтл. Он также приобрел ружье и может иметь суицидальные намерения». Патрульная полицейская группа стала совершать периодические объезды дома Кобейнов, однако там не было никого, кроме строителей, которые обещали немедленно информировать полицию в случае появления Курта.

Вечером 4 апреля Курта повстречал в Карнейшн один из друзей, которому тот пожаловался на то, что после Рима может выносить общество людей, только загрузившись наркотиками. «Это помогает мне терпеть безмозглость людей», - сказал Курт. «Его лицо было мрачным, отяжелевшим и застывшим, он еле волочил ноги», - вспоминал впоследствии этот друг.

6 апреля, когда мертвое тело Курта уже лежало в запечатом изнутри помещении над гаражом, во дворе дома Кобейнов работали двое электриков. Почтальоны доставляли газеты и почту. Приходил и уходил Майкл Де Витт. Полицейский патруль сообщал, что не обнаружено «ничего необычного». В городе какая-то женщина пыталась снять со счета Курта по кредитной карточке 1517 долларов. Видимо, это была последняя попытка получить по неоплаченному счету за наркотики.

На следующее утро нанятый Кортни частный детектив Том Грант вместе с Диланом Карлсоном, проникнув через открытое окно кухни, дважды осмотрели дом Кобейнов. Они, однако, не обследовали помещение над гаражом, о существовании которого Грант просто не знал, а Карлсон, видимо, забыл. Тем не менее Гранту удалось найти на лестнице записку Де Витта, в которой тот рекомендует Курту «позаботиться о бизнесе» и перестать третировать свою семью. В этот же день Де Витт срочно вылетел в Лос-Анджелес, чтобы оправдаться перед Кортни, которая обви-

нила его в «укрывании Курта». Однако к моменту его прилета Кортни уже находилась в больнице, как полагают, в результате передозировки героином. По выписке она была сразу же арестована за хранение наркотиков. (Впрочем, все обвинения впоследствии были с нее сняты.) Уплатив 10 тысяч долларов залога, Кортни немедленно легла в клинику «Exodus», однако продержалась лишь одну ночь.

8 апреля в 8.40 утра электрик Гэри Смит прибыл на Лейк-Вашингтон-бульвар для проведения профилактических работ. Осмотрев главное здание, он поднялся на балкон оранжереи, расположенной над гаражом, и через дверное стекло увидел тело лежащего человека. «Сначала я подумал, что это манекен, - рассказывал Смит. - Потом я заметил кровь на правом ухе. Потом я увидел ружье, лежащее у него на груди и направленное в подбородок». Смит поднял тревогу, предварительно позвонив своему боссу, который немедленно связался с местной радиостанцией KXRX-FM. Ко времени прибытия полиции в 8.56 по городу уже распространилось известие, что в доме Кобейнов найдено мертвое тело, и строились предположения о том, кому оно может принадлежать.

Прибывшая на место полиция обнаружила рядом с телом удостоверение личности на имя Курта Кобейна и пошертную записку. Сличение отпечатков пальцев подтвердило, что это был действительно Курт Кобейн, который стал таким образом четвертым членом семьи Кобейнов, покончившим самоубийством.

В записке Курт писал:

«Сказано для Бодды

Говорю языком опытного простака, который скорее предпочел бы быть лишенным мужества, инфантильным жалобщиком. Эту записку, наверное, будет довольно легко понять. Все предупреждения взяты из курса Punk Rock 101 за все эти годы, с тех пор как мое первое введение в своего рода этику, предполагающую независимость и принятие общности с вами, подтвердило свою правоту. Уже много лет я не испытывал волнения ни от прослушивания, ни от создания музыки, равно как от чтения и писания стихов. Трудно передать словами, как мне стыдно за это. Так, например, когда мы стоим за кулисами, и зажигаются огни, и слышен неистовый гул толпы, это не трогает меня так, как это трогало фредди Меркьюри, которому, видимо, нравилось наслаж-

даться любовью и обожанием толпы, чем я восхищаюсь и чему завидую. Дело в том, что я не могу вас обманывать. Никого из вас. Это было бы просто несправедливо по отношению к вам или ко мне. Самым страшным преступлением мне кажется дурачить людей, притворяясь, что мне весело на все 100 %. Иногда мне кажется, что я хотел бы разбить часы перед выходом на сцену. Я прилагал все усилия, чтобы ценить наши отношения, и я делаю это, видит Бог, я делаю это, но этого недостаточно. Я ценю то, что я и мы затронули чувства многих людей. Наверное, я - один из тех нарциссистов, которые ценят что-либо только тогда, когда оно уходит... Я слишком чувствителен. Мне необходимо быть слегка бесчувственным, чтобы вновь обрести энтузиазм, которым я обладал, будучи ребенком. Во время трех наших последних туров я стал гораздо больше ценить всех тех, кого я знаю лично, а также поклонников нашей музыки, но я все еще не могу отделаться от разочарования, вины и сочувствия, которые я ко всем испытываю. Во всех нас есть что-то хорошее, и, мне кажется, я просто очень люблю людей.

Люблю столь сильно, что это вызывает во мне чертову грусть, превращая меня в грустного, чувствительного, не ценящего хорошего человечка, рыбку, Иисусика! Почему ты просто не радуешься этому? Я не знаю. У меня жена-богиня, дышащая честолубием и сочувствием, и дочь, которая напоминает мне меня, каким я когда-то был. Исполненная любви и радости, она целует всех, кто ей встречается, потому что все хорошие, и никто не причинит ей зла. И это пугает меня в такой степени, что я практически ничего не могу делать. Я не могу смириться с мыслью, что Фрэнсис станет таким же несчастным, саморазрушающимся смертником-рокером, как я. Меня окружает много хорошего, очень хорошего, и я признателен за это, но с семи лет я стал ненавидеть всех людей в целом. Только потому, что им кажется столь простым быть вместе и сочувствовать друг другу. Сочувствовать! Только потому, что я очень люблю людей и сострадаю им, так мне кажется. Благодарю вас всех из глубины своего пылающего, выворачивающегося наизнанку желудка за ваши письма и вашу заботу, которую я ощущал все последние годы. Во мне слишком много от сумасбродного, капризного ребенка! Во мне больше нет страсти, поэтому помните: лучше быстро сгореть, чем медленно угасать. Мир, любовь, сочувствие. Курт Кобейн.

Фрэнсис и Кортни, я буду у вашего алтаря. Кортни,

пожалуйста, продолжай ради Фрэнсис,
ради ее жизни, которая будет гораздо счастливее
без меня. Я люблю вас. Я люблю вас!»

Как впоследствии разъяснила мать Курта, Бода было именем воображаемого друга Курта в детстве. В записке это имя написано с двумя «д», что делает его похожим на имя Будды, придавая таким образом записке Курта смысл духовного послания.

Проведенная позднее токсикологическая экспертиза установила, что в крови Курта содержалось такое количество героина, которое могло убить трех нормальных людей, а также транквилизаторы. Это вполне могло свидетельствовать о том, что в момент самоубийства Курт плохо понимал, что он делает. Его тело пролежало обнаруженным целых три дня, что мало вяжется с утверждениями разных сторон о том, что Курта «лихорадочно» искали.

Панихида проходила 10 апреля в сиэтлской унитарной церкви Истины. Место было выбрано менеджером SOUND-GARDEN Сюзан Сильвер. Гроба не было, так как тело Курта все еще находилось в распоряжении судмедэксперта. 200 родственников и приглашенных близких друзей слушали речь священника Стивена Таулза, описывавшего самоубийство как «погружение в пучину греха». Одетый в темный костюм Крис сказал: «Мы помним Курта таким, какой он был: заботливым, благородным и добрым». Дилан Карлсон читал стихи буддистского монаха. Брюс Пэвитт тоже сказал несколько слов своему ушедшему другу: «Я люблю тебя. Я уважаю тебя. К сожалению, я опоздал на два дня, чтобы выразить это». Позднее присутствовавшая на церемонии фотограф Элис Уилер вспоминала: «Примечательно, что там были все старые друзья, такие как Дилан, Брюс и Слим Мун, но ни одного из так называемых друзей, которые появились у Курта после того, как он стал знаменитым». Таулз продолжил службу чтением 23-го псалма, а потом Кортни читала фрагменты из «Книги Иова» и рассказывала истории о своем муже. Завершил церемонию Дэнни Голдберг, сказав: «Ты застал нас врасплох, Курт. Так расставаться несправедливо».

В тот же вечер 6000 фэнов собрались у Flag Pavilion, чтобы почтить память своего кумира. Плачущие поклонники ныряли в близлежащий фонтан, демонстрировали друг другу свои только что нанесенные татуировки с надписью «kurdt» и сжигали свои майки в виде жертвы духу покойного. Организовавший все это ди-джей Марко Коллинз был уверен, что

«Курту понравилось бы это. Это был один из тех направленных против истеблишмента актов, ради которых он жил».

Через динамики по всему городу транслировался голос Кортни, которая зачитывала последнее обращение Курта Кобейна к своей аудитории. Периодически она прерывала чтение, чтобы обратиться с саркастическими замечаниями и упреками к покойному мужу. Несколько раз она назвала его «задницей», и в заключение призвала всех присутствующих, придя домой, заявить родителям, чтобы они никогда не пробова­ли на детях свою «суровую любовь».

Впоследствии Кортни утверждала, что Курт оставил ей еще одну записку, в которой среди прочего говорилось: «Ты знаешь, я люблю тебя, я люблю Фрэнсис, и мне очень жаль. Пожалуйста, не следуй за мной... Я буду защищать тебя от туда. Я не знаю, куда я иду. Я просто больше не могу быть здесь». Хотя на самом деле эта записка была написана Куртом еще во время римского инцидента 4 марта.

14 апреля тело Курта было кремировано. Часть его праха была отослана Кортни на место захоронения в Индии, часть должна была быть захоронена на публичном кладбище в Сиэтле после улаживания вопросов оплаты и охраны, наконец, еще одну часть Кортни поместила в изображение Будды, стоящее у ее кровати.

Для многих из его одиннадцати-двенадцатилетних фэнов гибель Курта Кобейна явилась их первым соприкосновением со смертью. Поэтому их реакция на нее во многом отразила одиночество и отчаяние Курта, его страх быть использованным и затем брошенным. «Он бросил нас», - сказала одна заплаканная девочка на Лейк-Вашингтон-бульвар.

Сиэтлская кризисная клиника в день, когда было найдено тело Курта, приняла более 300 звонков, в два раза больше, чем обычно. Через несколько часов после возвращения с панихиды у Flag Pavilion молодой человек по имени Дэниел Каспар застрелился из ружья. Его примеру последовали еще двое подростков, один из Австралии, другой из Турции.

Трагическая смерть Курта Кобейна всколыхнула музыкальную общественность. Многие известные музыканты так или иначе выразили свое отношение к его неожиданному уходу из жизни. Нил Янг был настолько потрясен, когда узнал, что Курт процитировал в своей предсмертной записке строчку из его песни («лучше быстро сгореть...»), что, по словам его друзей, частично переделал свой новый альбом, вышедший спустя несколько недель после смерти Курта.

Вышедший спустя полгода диск PEARL JAM Vitalogy содержит строки, очевидным образом намекающие на смерть Курта, вроде упоминания сигарной коробки на полу, в которой Кобейн хранил свой наркотический набор и которая была найдена рядом с его телом.

«Я ехал на репетицию во время нашего тура, когда услышал новости о Кобейне по радио, - вспоминает басист MOTLEY CRUE Никки Сикс. - Я был сильно подавлен. Я просто офигел. Я думал, парню предстоит долгая жизнь.

Это была моя первая реакция. Но потом я на него по-настоящему разозлился. Кобейн всегда много распространялся о том, как развод его родителей сломал его личность и как он пытался исправить это опустошение с помощью музыки. И что же он делает? Отворачивается, всаживает пулю себе в голову и оставляет своей дочери Фрэнсис Бин еще худший ад, чем тот, через который прошел он сам».

«Я был очень удивлен, узнав о том, что сделал Курт, - рассказывает Слэш из GUNS N' ROSES. - Подобного рода вещи случались со мной миллион раз. Единственная разница в том, что я еще здесь».

Мик Джэггер заявил, что смерть Курта была неизбежной, в то время как Кит Ричарде выразил уверенность в том, что «он желал смерти». Дэвид Боуи назвал смерть Кобейна «одним из самых тяжелых ударов в моей жизни».

Наверное, наиболее мудрая оценка произошедшего принадлежит Оззи Осборну. «Это настоящая трагедия, - сказал он. - За свою жизнь мне пришлось побывать в довольно мрачных ситуациях, но он, наверное, оказался в чертовски тяжелом положении. Самоубийство - это вечное решение сиюминутной проблемы. Если кто-либо подумывает о самоубийстве, я бы настоятельно порекомендовал ему поискать помощи. Даже всемогущему Оззи бывает нужна помощь».

Сразу после смерти Курта Крис и Дейв объявили о своих планах выпустить «живой» альбом, содержащий тридцать песен, однако вскоре вынуждены были изменить свое решение, так как тогда не нашли в себе сил слышать в записи голос Курта и сознавать, что они уже никогда не услышат его живьем.

А вот честолюбивые мечты Кортни Лав в настоящее время как никогда близки к осуществлению: она сыграла главную роль в фильме самого Милоша Формана «Народ против Ларри Флинта», где ее партнером был Вуди Харель-

сон, и получила еще целый ряд заманчивых предложений от известных продюсеров - так недолго стать и настоящей американской кинозвездой.

Что касается Криса и Дейва, то первый из них возглавляет группу SWEET 75 (странная смесь латиноамериканских ритмов с тяжелым традиционным гитарным роком), выпустившую 26 августа 1997 года под названием Sweet 75 свой дебютный альбом на Geffen Records. Второй же является лидером группы FOO FIGHTERS, продолжающей в некотором роде традиции НИРВАНЫ. В своих интервью оба музыканта недвусмысленно говорят о возможности совместной работы в студии и о том, что они обязательно будут выступать вместе (хотя так говорят музыканты любых групп, теряющих лидера).

Глава 9

ВЕРСИИ И ПРИЧИНЫ

«В декабре 1994 года, спустя почти восемь месяцев после начала расследования, у меня есть достаточно доказательств, чтобы быть твердо убежденным в том, что Курт Кобейн не совершил самоубийство, а в действительности был убит».

Том Грант

Трагическая смерть знаменитости всегда порождает массу слухов и предположений, касающихся ее причин. Не явилась в этом смысле исключением и смерть Курта Кобейна. Некоторые предполагали, что причиной его самоубийства явился роман Кортни с Эваном Дэндо из LEMON HEADS. Высказывались также предположения, что не все ладно обстояло между участниками группы. Упоминался плохой гороскоп Курта на апрель 1994 года. Ходила также абсолютно мифическая версия о том, что он совершил ритуальное самоубийство, чтобы отомстить за Фрэнсис Фармер.

Наиболее экзотическая версия была выдвинута организацией «Friends Understanding Kurt». Согласно ее предположениям, в последние дни своей жизни Курт пристрастился к так называемой «машине сновидений». Это устройство, представляющее собой «психоактивный галлюциногенный

неокортикальный пульсатор», по данным организации, было изобретено покойным Брайоном Гайзином и запатентовано Уильямом Берроузом. Эта версия, впрочем, мало кем была принята всерьез. Сам Берроуз, указывая на акроним, образованный заглавными буквами слов, составляющих название организации, предполагал, что речь идет об «анархической выходке».

Однако автором наиболее сенсационной версии смерти Курта стал Том Грант, частный детектив из Лос-Анджелеса, нанятый Кортни для поиска исчезнувшего мужа. Согласно версии Гранта, Курт Кобейн не покончил самоубийством, а был убит, и непосредственным организатором его убийства стала Кортни Лав.

Том Грант был нанят Кортни 3 апреля 1994 года, чтобы помочь найти исчезнувшего после побега из реабилитационного центра Курта. По ее словам, кто-то пытался воспользоваться кредитной карточкой ее мужа, которую она аннулировала, обманув компанию, чтобы не дать ему воспользоваться деньгами и попытаться выяснить его местонахождение. Предложение Кортни показалось Гранту странным, так как она сама могла все легко выяснить, однако гонорар был достаточно высоким, и он согласился.

Вскоре, однако, неоднократно уличив Кортни во лжи и сокрытии важной информации, Грант пришел к выводу, что здесь что-то неладно, а когда 8 апреля было найдено тело Курта, он понял, что Кортни всеми возможными способами пыталась помешать ему найти мужа, пока тот был еще жив.

Тогда Грант решил провести собственное расследование, которое позволило ему через некоторое время сделать следующее заявление: «В декабре 1994 года, спустя почти восемь месяцев после начала расследования, у меня есть достаточно доказательств, чтобы быть твердо убежденным в том, что Курт Кобейн не совершил самоубийство, а в действительности был убит».

На чем же строятся доказательства Гранта? Прежде всего это серьезные неувязки, которыми изобилует, по его мнению, выдвинутая сизтлской полицией версия о самоубийстве.

Во-первых, уровень героина, обнаруженный в крови Курта, к тому же в сочетании с транквилизаторами, по мнению экспертов, к которым обращался Грант, уже сам по себе мог повлечь за собой смерть. В этом случае непонятно, зачем Курту нужно было еще и стрелять в себя. К тому же

весьма маловероятно, что в этом состоянии он вообще смог бы удержать ружье в руках.

Во-вторых, ружье было заряжено тремя патронами, что довольно бессмысленно, если человек собирается выстрелить себе в рот.

В-третьих, на ружье не было обнаружено отчетливых отпечатков пальцев. Даже если принять во внимание объяснения полицейских, что в момент выстрела руки могли соскользнуть и отпечатки смазаться, это не объясняет, куда делись остальные отпечатки, например, Дилана Карлсона, который приобрел ружье для Курта.

В-четвертых, ни в одной из якобы предсмертных записок Курта прямо не говорится о самоубийстве. Первая из них обращена главным образом к фэнам группы и объясняет, по мнению Гранта, желание Курта уйти лишь из музыкального бизнеса, а отнюдь не из жизни. Интересно, что единственную намекающую на самоубийство фразу «лучше быстро сгореть, чем медленно угасать» («it's better to bum out than to fade away»), детектив интерпретирует как «лучше все бросить, чем медленно угасать». Что касается фразы в конце «...которая будет гораздо счастливее без меня», то Грант не исключает возможности, что она была дописана другой рукой.

Вторая же записка адресована лично Кортни и объясняет, по версии Гранта, желание Курта уйти от нее лично, а опять же отнюдь не из жизни.

В-пятых, отсутствует записка матери и горячо любимой дочери, чтобы помочь ей понять его поступок, когда она вырастет.

Наконец, и это очень важно, по утверждению адвоката Курта, он так и не закончил свое завещание.

Кроме того, ни один из близких друзей Курта, общавшихся с ним накануне его гибели, не заметил в нем никаких признаков депрессии. Не выявили у него суицидальных тенденций и психологи в реабилитационном центре.

Что же касается Кортни, то, по мнению Гранта, у нее были вполне очевидные мотивы желать скорее «самоубийства» Курта, чем развода, поскольку во втором случае она могла бы претендовать лишь на половину имущества и доходов. К тому же после смерти Курта продажа его дисков резко возросла, увеличив тем самым ее прибыли. И наконец, его трагическая смерть дала мощный толчок ее карьере в музыке и кино, что вряд ли произошло бы само собой.

У Гранта нет никаких сомнений в том, что Кортни могла организовать все это. Характеристика, которую он ей дает, звучит просто убийственно: «Я обнаружил, что Кортни необычайно умна. Кроме того, она - психопатка, патологическая лгунья и оппортунистка, которая использует любого человека и любую ситуацию в целях саморекламы и достижения своих амбициозных целей - славы и богатства... Она умеет притвориться невинной жертвой всякий раз, когда подвергается критике... Кортни умеет плакать по желанию. Она пользуется этой способностью, чтобы пробудить к себе симпатию».

По мнению Гранта, именно Кортни подбросила полиции версию о самоубийстве, когда 4 апреля, прикинувшись матерью Курта, подала заявление на розыск, в котором указала, что Курт бежал из реабилитационного центра, купил ружье и, возможно, собирается покончить с собой. На самом же деле Дилан Карлсон приобрел для Курта ружье еще до его поступления в клинику и утверждал, что у Курта тогда не было никаких суицидальных намерений.

Грант утверждает также, что именно Кортни пыталась представить инцидент в Риме, как попытку самоубийства. Он также считает вымыслом рассказанную Кортни корреспонденту журнала «Rolling Stone» историю о том, как на следующий день после рождения их дочери Курт принес в больницу ружье, и только она помешала ему покончить с собой прямо там.

При чтении записки Курта перед толпой его поклонников Кортни умышленно искажила смысл одной из фраз, прочитав вместо «меня окружает много хорошего» «меня окружало много хорошего», чтобы представить записку как предсмертную. Она также сознательно внедряла в умы и без того сбитых с толку фэнов ложные образы, живописуя кровавые сцены самоубийства Курта. Так в интервью тому же «Rolling Stone» она упоминала о крови мужа на своем лице. Также она неоднократно упоминала в интервью о его якобы «разнесенной голове», хотя ей с самого начала было известно, что фотографии мужчины с обезображенным выстрелом лицом являются фальшивкой. В действительности же лицо Курта практически не пострадало, и рана не имела выходного отверстия, поэтому не было никакой «разнесенной головы» и никаких брызг крови вокруг. Грант считает, что все эти кровавые подробности были необходимы Кортни для саморекламы.

Почему же полиция не предприняла ничего для полноценного расследования дела? Грант предполагает, что с самого начала сиэтлскими стражами порядка отработывалась лишь единственная версия о самоубийстве как наиболее удобная. Впоследствии же, когда просчеты стали очевидны, у департамента полиции появилось еще больше оснований не заниматься поисками истины. И дело здесь не только в чести мундира. «Самоубийство» Курта повлекло за собой целую волну самоубийств его поклонников. Если теперь полиция вынуждена будет признать свою ошибку, то ответственность за все эти случаи суицида ляжет на нее.

Как бы в ответ на высказанные Грантом подозрения в апреле 1996 года в журнале «High Times» появилась статья, которую можно рассматривать как косвенное подтверждение его версии. Некто Эддон Хоук, известный также как Эль

Дуче, признался корреспондентам журнала, что Кортни предлагала ему 50 тысяч долларов за убийство своего мужа. Кортни познакомилась с Хоуком еще в конце 80-х через барабанщицу HOLE Кэролин Рю. По словам Хоука, в 1993 году, за несколько дней до Нового года, он ждал своего друга у дверей рок-магазина в Голливуде, когда там неожиданно остановился лимузин Кортни. Дальше между ней и Эль Дуче, по словам последнего, произошел диалог следующего содержания.

«Эль, мне нужна твоя помощь, - сказала Кортни. - Мой муженек в последнее время стал настоящей задницей. Ты мне нужен, чтобы вышибить его поганые мозги». «Ты это серьезно?» - спросил Хоук. «Да, я дам тебе пятьдесят тысяч долларов, если ты вышибешь его поганые мозги», - подтвердила Кортни. Хоук предполагает в интервью, что «Курт, видимо, собирался развестись с ней, обвинив ее в адюльтере. Поэтому ей нужно было замочить его, чтобы получить деньги».

В марте 1996 года одна из национальных телевизионных программ наняла эксперта, чтобы проверить заявление Хоука на «детекторе лжи». Детектор определил вероятность того, что Хоук лжет, в одну сотую процента.

Сколь бы правдоподобной не представлялась версия Гранта, нельзя, однако, не признать, что у Курта Кобейна было вполне достаточно оснований для самоубийства. Будучи белым мужчиной, находящимся в критическом возрасте и имеющим за своими плечами случаи депрессии и злоупотребления наркотиками, он практически идеально впи-

сывается в среднестатистический профиль самоубийцы. Необходимо добавить сюда проявившуюся с детства тягу к оружию и то, что двоюродный брат Курта назвал «ирландской любовью к саморазрушению». Дед Венди пытался совершить самоубийство и, в конечном счете, умер от ран. В июле 1979 года один из дядьев Дона по имени Берл Кобейн покончил самоубийством, выстрелив себе в живот из ружья. Пять лет спустя брат Берла Кеннет убил себя аналогичным образом.

Тяжелый отпечаток на личность Курта наложила его с детства проявившаяся болезненность. Фактически он пришел к мысли, что для любых форм неприемлемого в обычных условиях поведения можно найти оправдание в состоянии своего здоровья. Это освобождало его от ответственности, поскольку угроза наказания всегда могла быть снята просьбой о помощи. Героин, в котором Курт искал избавления от своих проблем, на самом деле сделал его еще более зависимым, создав порочный круг депрессии и боли, вырваться из которого у Кобейна не было ни сил, ни желания. Если добавить сюда неожиданно свалившиеся на него славу и богатство, вещи, к которым он, в принципе, не стремился и которые плохо переносил, то тогда можно лишь удивляться, почему Курт не убил себя раньше.

Кобейн не только имел несчастье родиться в семье самоубийц, он еще и выбрал для себя сферу деятельности, где долгая счастливая жизнь отнюдь не является приоритетом. «Было бы трудно представить Курта старым и удовлетворенным жизнью», - считает звукоинженер Крейг Монтгомери. Сам Курт говорил, что ему было бы трудно представить себя «в роли Клэптона». Перспектива исполнять «Teen Spirit» перед толпой располневших и постаревших фэнов в каком-нибудь 2020 году была невозможной для человека, который настаивал, что жизнь заканчивается в тридцать два. Как показывают его последние слова, Курт считал, что лучше уйти молодым, не дожидаясь превращения в пародию на самого себя. Если он не убил себя раньше, это, возможно, произошло потому, что он испытывал потребность многое сказать своим слушателям. В двадцать семь такой потребности у него уже не было.

То, что к моменту ухода из жизни Курт ощущал себя творчески истощившимся, вряд ли нуждается в повторении. Подобно другому знаменитому сизтлцу в том же возрасте - Джими Хендриксу - Кобейн устал от необходимости повто-

рять на сцене одни и те же трюки на потребу публики. В то же время по Сиэтлу ходили упорные слухи, что он убил себя, не перенеся творческого застоя.

Отношение к себе как к безнадежному неудачнику, сформировавшееся еще в детстве, побуждало Курта выработать для себя слишком высокие моральные критерии, которым он сам не мог соответствовать. В последние два года своей жизни он искал постоянного подтверждения, что ни он сам, ни те, кем он восхищается, не изменили себе, и был постоянно разочарован. Известно, что в марте 1994 года, совсем незадолго до своей гибели, Курт рассматривал фотографию своего друга Майка Миллза из R.E.M., счастливо играющего в софтбол (разновидность бейсбола) на калифорнийском пляже. Курт был не просто удивлен, он был в шоке. Для него самого проведение времени в компании престарелых актеров и других знаменитостей являлось худшим предательством панковской этики. Его собственный, слишком легко пришедший успех, по мнению Курта, мог означать аналогичное предательство. Именно поэтому Курт вернул назад в магазин дорогой «лексус», являвшийся, в его глазах, неприемлемым символом благосостояния. Он мучительно переживал из-за богатства своего дома на Лейк-Вашингтон-бульвар и говорил, что предпочел бы жить среди бездомных на Кэпитл Хилл. В *In Utero* Курт неоднократно выражает отношение к собственной славе, когда поет, например: «Я не хочу то, что имею». Совершенно однозначно можно сказать, что реальность, окружавшая Кобейна, ни в малой степени не соответствовала той, которую он построил у себя в голове.

Ему так и не удалось примирить свою жизнь с мифом.

Не последнюю очередь в добровольном уходе Курта из жизни сыграло его отношение к смерти, как к чему-то такому после чего люди бывают «абсолютно счастливы». Он назвал свою группу НИРВАНОЙ главным образом потому, что, по его мнению, это понятие означало «полный покой после смерти». У Курта вполне могли быть моральные мотивы для самоубийства, включая идею о том, что так он сможет лучше защитить свою дочь, а также мысль, высказанную им незадолго до смерти: «Стать кем-то другим - это моя самая большая надежда»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ребята, которые росли в Америке в 80-е годы, слышали ото всех, что эпоха рока кончилась, что настоящие звезды и настоящая музыка остались в прошлом, и что их поезд уже ушел. Подобное высокомерие лишь усиливало их разочарование. Молодежная культура этой эпохи предстает вялой и апатичной, лишенной какой бы то ни было политической направленности.

Для этих лишенных надежд ребят с НИРВАНОЙ было связано время, когда их социальная группа имела собственные законы, собственных лидеров и собственные идеи. НИРВАНА сделала свободными тысячи Абердинов по всей Америке. Она побуждала молодежь голосовать, протестовала против принятия закона об «эротической музыке», позволяющего властям запретить любой диск под предлогом его «эротичности», где только можно участвовала в благотворительных акциях. Она побуждала ребят бороться за собственное будущее. Та искренность, с которой НИРВАНА делала это, резко отличала ее от других подобных групп, и на этот призыв откликнулись миллионы.

Эта способность мобилизовать поколение не в последнюю очередь была связана с популярностью самого Курта Кобейна, которая основывалась главным образом на его личном обаянии. Несмотря на свое хрупкое телосложение он был весьма заметной фигурой: белокурый, с грустными глазами и лицом ангела, которое лучилось силой и эмоциональностью. У него был странный взгляд, своей отчужденностью как бы говоривший, что мы никогда не узнаем до конца, что делается у него внутри. Это был ангел с душой демона, и такое сочетание было неотразимым. Когда он ударял по тпунам своей гитары, он тем самым бил по нервам миллионов своих слушателей, а потом они торопились домой, чтобы читать скандальные сообщения о наркотиках, пьянстве, депрессии и тому подобном.

Причины привлекательности рок-звезд различны. Та личная симпатия, которую испытывали к Курту Кобейну миллионы молодых людей, не в последнюю очередь была связана с его направленными против истеблишмента взглядами. Он вращался в мире многомиллионного музыкального бизнеса, но он был всегда рядом с ними - такой же одинокий, такой же озлобленный, исполненный той же энергии и даже одетый в такую же рубашку. Когда он уходил в нарко-

тический загул и не появлялся на публике, его привлекательность только возрастала.

Вряд ли кто-то станет отрицать ценность музыкального наследия Курта Кобейна и НИРВАНЫ. Он и его группа произвели настоящую революцию в мире музыкального бизнеса. Они доказали, что покупающая диски публика отнюдь не консервативна и способна к восприятию нового. Конечно, НИРВАНА не изменила людей, однако она способствовала изменениям, и это самое большее, на что может претендовать любая рок-группа. Они облекли в музыкальную форму недовольство, кипевшее внутри, и тем самым позволили ему вырваться наружу. Печально, что в конце группа практически утратила контакт с аудиторией, сделавшись пленницей собственного успеха.

По-видимому, единственной возможностью бунта после того, как он завоевал американский рынок, оставалось для Курта бросить все. Преждевременная смерть как бы запечатлевает людей во времени. Курта Кобейна всегда будут помнить как блестящего музыканта и автора песен, который соединил андеграунд с мейнстримом рока и оставил после себя ставшие классикой песни. Все остальное - наркотики, пьянки, вандализм и война с прессой - не более чем сопутствующие обстоятельства.

Курт стал первым рок-музыкантом звездного уровня, который лишил себя жизни по собственной воле. В новостях сиэтлского радио, сообщивших о произошедшей трагедии, он был назван «одной из последних жертв рок-н-ролла». Но рок-н-ролл сам по себе никого не убивает. Самоубийство всегда является личным выбором человека независимо от степени его одаренности, известности и богатства.

Каждое поколение имеет право на своих героев, и Курт Кобейн является одним из них. Быть живой легендой не так просто, и им самим редко удается к этому приспособиться. Если бы Курт Кобейн родился на десять лет позже в одном из тысяч Абердинов, разбросанных по всему миру, и был зачарован музыкой НИРВАНЫ, самой страшной трагедией для него стало бы то, что он уже никогда не услышит ее нового диска.